

Мрамор

ОБРАЗЕЦ МИНЕРАЛА
предоставлен Уральским Центром камня

10 (736) октябрь, 2018

ISSN 0134 - 241X

УРАЛЬСКИЙ следопыт

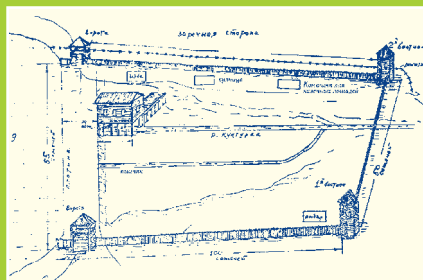
www.uralstalker.com

Стань лучшим!

РГО СОБИРАЕТ МОЛОДЁЖЬ

ЗАВОД-КРЕПОСТЬ

ОБОЗНАЧИЛИ ГРАНИЦУ

Октябрь 2018

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.
Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго.
Консультант – Ю.А. Марченков.
Литературный консультант – В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.
Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.
Корректор – Л.В. Ким.
Интернет – Е. Марков.
Архив – О.Ю. Тирикиди.
На обложке – Уральский турист Антон Григорьев. Автор фото Ирина Яранцева.
Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».
Редакционный совет – Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Геннадий Пращевич, Вадим Панов, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Дмитрий Байкалов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.
Наблюдательный совет
 • Асхаб Магомедович Асхабов. Председатель отделения Русского географического общества в Республике Коми. Председатель Президиума Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, директор Института геологии, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук.
 • Владимир Николаевич Большаков. Свердловское отделение Русского географического общества, Доктор биологических наук, профессор, академик АН СССР с 1987 г., академик РАН с 1991 г., советник РАН. Институт экологии растений и животных УрО РАН.
 • Сергей Вячеславович Левыкин. Оренбургское региональное отделение Русского географического общества. Заведующий лабораторией агроэкологии и землеустройства Института степи Уральского отделения РАН. Профессор РАН, доктор географических наук.
 • Сергей Геннадьевич Захаров. Председатель Челябинского регионального отделения Русского географического общества. Доцент кафедры географии и методики преподавания географии Челябинского государственного педагогического университета, кандидат географических наук.
 • Николай Николаевич Назаров. Председатель Пермского краевого отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой физической географии и ландшафтной экологии в Пермском государственном университете, доктор географических наук, профессор.
 • Евгений Викторович Голубев. Председатель Тюменского регионального отделения Русского географического общества. Проректор Тюменского государственного университета, кандидат географических наук.
 • Алексей Михайлович Прокашев. Председатель Кировского регионального отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой географии Вятского государственного гуманитарного университета профессор.
 • Игорь Юрьевич Шароватов. Председатель отделения Русского географического общества в Ямало-Ненецком автономном округе.
 • Оксана Александровна Гирман. Председатель Курганского отделения Русского географического общества. Кандидат биологических наук, заместитель директора Департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды Курганской области – начальник управления охраны окружающей среды.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2018 г.
Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Почтовый адрес редакции, издателя: 620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Телефон: +7 (343) 269-22-34
E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ. Фонда Президентских грантов.

«Уральский следопыт», №10 (736), 2018 г.
 Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.
 Учредитель — ООО «Уральский следопыт».
 Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ
 Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакционную правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком **УС**, публикуются на правах рекламы.

Встречный ветер

Наши проекты

Осень Уральского следопыта 6

Страна топонимия

В.КАРЕЛИН Возвращение приполярного оронима 34

Река времени

Поиски и находки А.БУЛГАКОВ Тот, кто покорил челябинское небо..... 14

Литературное краеведение

В.БАХМУТОВ У Хозяйки медной горы..... 26

Наши проекты

Ю.КАШАЕВА История России. Река Чусовая. Село Успенка 42

Быть молодым — здорово!

М.ЧЕРВЯКОВ Молодёжный слет РГО в Екатеринбурге..... 3

Камни Урала

Е.ПОПОВА Сияющий камень 22

Юбилей

В.ТРУСОВ Полевская старина 19

Версия

Е.ГАЛКИНА Еретическая пепельница 30

Далекое-близкое

Ю.ШИЛКО Вертинский в Саду Вайнера..... 39

Наши проекты

Ю.КАШАЕВА История России. Река Чусовая. Деревня Виличная 47

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения России: Каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413 Каталог Агентства МАП, индекс 31958
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

Журнал в журнале

Элита

Молодежный слет РГО в Екатеринбурге

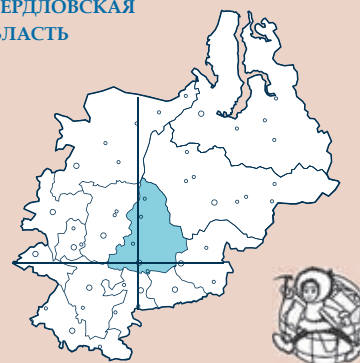
В период с 21 по 26 сентября в городе Екатеринбурге состоялся Межрегиональный слет РГО руководителей молодежных клубов Приволжского и Уральского федеральных округов. Всего в мероприятии приняли

участие 22 представителя молодежных клубов. Участников слета принимал «Уральский следопыт», он же обеспечивал проживание, культурную и познавательную программу, знакомил с достопримечательностями региона.

▲ Сразу после приезда в Екатеринбург в парке лесоводов России была заложена Аллея Русского географического общества. При помощи студентов Уральского государственного лесотехнического университета сотрудники Исполнительной дирекции РГО и руководители молодежных клубов посадили 25 ёлочек

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Максим Червяков

Руководитель Молодёжного клуба РГО на базе Саратовского областного отделения Общества.

В первый же день после открытия слета все его представители приняли участие в невероятном фестивале «Осень Уральского следопыта», который был организован Молодежным клубом РГО «Уральский следопыт». Самым ярким моментом фестиваля стал квест, который включал в себя маршрут из 54 этапов и состоял из туристического, военно-прикладного, спортивного и других блоков. Всего от представителей Молодежного слета в квесте приняло участие 4 команды по 5–6 человек. Команда МК РГО «Максимум» в своей категории заняла третье место!

Участникам провели увлекательную экскурсию по городу Екатеринбург с посещением Ельцин центра

Образовательная программа слета включала различные мастер-классы и тренинги по командообразованию, эффективной работе со СМИ, поиску источников финансирования проектов молодежных клубов, работе по составлению грантовых заявок РГО и многое другое. Организаторы подготовили индивидуальные методические рекомендации для каждого участника, которые помогали ориентироваться в насыщенной работе слета.

Помимо образовательного блока, представители молодежных клубов приняли участие в увлекательных экскурсиях по Природному парку «Оленьи ручьи» и Висимскому биосферному заповеднику. Участники слета прошли по самым интересным местам

Встречный ветер

и художественного музея города, где проходила в этот момент выставка работ великого русского художника Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина, в том числе была представлена известная всему миру картина «Купание красного коня».

4

заповедных зон, изучая разнообразие растительного и животного мира. Во время прогулок по экологическим тропам специалисты особо охраняемых природных территорий делились опытом многолетней работы в особо охраняемых природных территориях, их историей и перспективами развития.

Так, к примеру, в Природном парке «Оленьи ручьи», который находится в Нижнесергинском районе Свердловской области, специалисты

ловской области, ребята смогли увидеть различные формы карстового рельефа и посетить одну из самых длин-

всего, подъемом на смотровую площадку, с которой открывался прекрасный вид на окрестности. Вдалеке можно было видеть горные хребты и некоторые вершины Среднего Урала. Наиболее знаковым событием поездки стало открытие руководителями молодежных клубов знака «Европа-Азия» на границе водораздела, проходящего по наивысшим точкам хребта. После посещения заповедника участники слета посетили Уральский федеральный университет, в аудитории которого прошло заключительное занятие в рамках образовательной части мероприятия.

В завершающий день ребята посетили Минералогический музей, в котором смогли познакомиться с богатейшей коллекцией минералов, образцов палеонтологического и петрографического отделов. Руководителям молодежных клубов рассказали о геологическом прошлом Урала, местах добычи полезных ископаемых, о горном производстве и добыче драгоценных камней и металлов. В конце экскурсии ребята посетили «Золотую комнату», в которой хранятся ценные образцы самородной платины и золота, изумруды и другие минералы, а также ювелирные изделия из них. **УС**

ных пещер парка. Представители молодежных клубов прошлись по обрывистому берегу реки Серги и ознакомились богатством растительного мира.

Поездка в биосферный заповедник «Висимский» запомнилась, прежде

Осень

Уральского следопыта

Фото: Кристины Казанцевой, Юлии Шлентовой и Евгения Рябинина.

Сентябрь. На Урале в разгаре золотая осень. Невозможно предугадать погоду на несколько дней вперед, воздушные вихри приносят то низкую облачность с нудными непрерывными дождями, то шквалистые ветры, обдирающие листву с деревьев, то теплое светлое спокойствие. Так совпало, что в этом году фестиваль «Осень Уральского следопыта» проходил в субботу, 22 сентября, в день осеннего равноденствия.

Пограничное состояние ощущалось во всем: день равен ночи, Екатеринбург — место проведения фестиваля — расположен рядом с водоразделом, где сходятся Европа и Азия, даже один из конкурсных этапов, подготовленный Природным парком «Бажов-

ские места», оказался среди всех мировых стихий: на берегу пруда тушение огня локального пожара при помощи водного ранца на открытом воздухе!

Поделиться опытом и умением проводить фестиваль подобного формата «Уральский следопыт» пригласил

Алексеева Наталья,
город Пенза
Впервые побывали на фестивале «Осень Уральского следопыта». Море положительных эмоций! Мы видели, какое количество просто обычных горожан участвует. Организаторы — молодцы! Хотелось бы перенять опыт — очень интересное мероприятие для молодежи, для горожан.

Чернышева Анна,
город Кирово-Чепецк
Кировской области
Сегодня мы побывали на замечательном мероприятии. Это квест, причем квест глобальный, грандиозных масштабов. Понравилось, что задействовано большое количество организаций: это и студенты, и школьники. Все активно работали, каждое заведение представило что-то интересное в своей сфере, все было великолепно организовано для такого глобального мероприятия и было чему поучиться. Какие-то идеи для себя обязательно почерпнули.

Устинова Елена,
город Самара

Впечатление от фестиваля замечательное! Организаторы — большие молодцы, продумали все. Очень понравилось, что на станции стояла молодежь, очень много молодежи являлось организаторами, тематика заданий разнообразная — было место и для интеллектуалов, и для спортсменов, и для ребят с творческой ориентацией. Мне кажется, было интересно всем. Спасибо большое за такой прием.

коллег — руководителей молодёжных клубов Русского географического общества. Собрался Межрегиональный слет молодёжных клубов РГО, участники которого выступили не только в роли экспертов, но и участников: для этого они сформировали 4 команды и погрузились в состязание, а вечером провели обсуждение вместе с представителями Исполнительной дирекции РГО из Москвы.

Фестиваль «Осень Уральского следопыта» оказался примечательным несколькими значимыми событиями:

проекта «История России. Река Чусовая»;

— количество участников географического квеста превысило тысячный рубеж;

— участники фестиваля приехали со всей нашей области;

— участие в квесте команд руководителей молодёжных клубов РГО Уральского и Приволжского федеральных округов повысило планку подготовки мероприятия;

— фестиваль в преддверии Всемирного дня туризма был включен в событийный календарь Министерства при-

— Екатерина Иванова — начальник отдела развития туризма и туристической инфраструктуры Министерства инвестиций и развития Свердловской области;

— Александра Понамарева — начальник отдела экологической безопасности и экспертизы объектов регионального уровня Министерства природных ресурсов и экологии Свердловской области;

— Павел Старовойтов — заместитель департамента экспертно-аналитической и проектной работы Исполнительной дирекции Русского географического общества;

— Михаил Горюнов — председатель Свердловского отделения Русского географического общества.

По легенде, участники квеста, проходя этапы и получая заработанные баллы, должны были способствовать созданию стратегической трассы «Урал Полярный — Урал Промышленный», необходимость которой обсуждалась несколько лет назад на просторах Большого Урала. Помощь в преодолении 54 этапов, предложенных партнерами фестиваля, можно было получить, внимательно изучив статьи из журнала «Уральский следопыт», который был выдан всем командам при реги-

Шапкин Михаил,
город Курган

Меня поразили масштабы работы: разносторонние уровни, множество различных этапов. Хотел сказать спасибо организаторам. Я могу взять что-то себе в опыт для проведения каких-то этапов, для всей жизни, для своей работы — мне пригодится сегодняшний день.

— 60 лет назад возобновил и без перерыва продолжил выход журнал «Уральский следопыт», 1958 год, безусловно, является вторым днем рождения нашего издания;

— в сентябре завершилась программа Президентского гранта, полученного редакцией на реализацию

родных ресурсов и экологии Свердловской области и на этапы вышли представители 5 особо охраняемых природных территорий, расположенных в регионе.

Перед стартом ребят напутствовали специалисты, развивающие туризм в регионе:

Рябинин Евгений,
город Нижний Тагил Свердловской области

Квест очень понравился, превосходно! Огромное количество интересных этапов, очень понравились веревочные этапы, но, к сожалению, не успел все пройти, потому что большое количество желающих. Квест превосходный, я думаю, что в следующем году я обязательно приеду сюда еще раз.

страции. Подсказки отправляли внимательных ребят к материалам проекта «История России. Река Чусовая». Составленная фраза из слов, получаемых на пройденных этапах,кратно увеличивала стоимость полученных баллов. Не все команды быстро поняли преимущества знакомства с содержанием журнала и линейно преодолевали предложенные препятствия на огромной площадке, развернутой между Музеем Ельцина и зеленой зоной у здания Правительства Свердловской области с одной стороны, резиденцией губернатора Свердловской области и Историческим сквером до моста через реку Исеть по улице Мальшьева — с другой.

В этом году была выстроена четкая блочная система, чтобы ребята, подго-

товленные в различных компетенциях, смогли выполнить поставленную задачу и попытаться выйти в лидеры в своих возрастных категориях: школьники, старшие школьники, студенты колледжей и техникумов, студенты высших учебных заведений и разновозрастная молодежь.

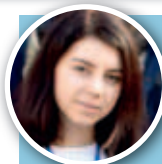

Червяков

Максим,
город Саратов

Самым ярким моментом фестиваля стал квест,

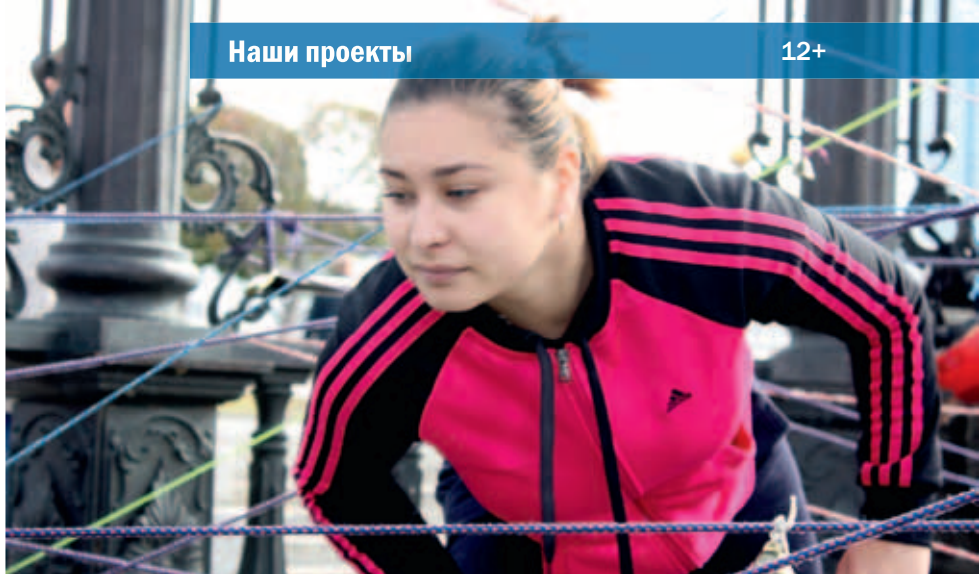
который включал в себя маршрут из 54 этапов и состоял из туристического, военно-прикладного, спортивного и других блоков. Всего от представителей Молодежного слета в квесте приняло участие 4 команды по 5–6 человек. Команда «МК РГО Восток-1» в своей категории заняла третье место!

Князева Эльвира,
город Тюмень

Мне очень понравился ваш фестиваль! Очень было интересно то, что все смогли найти самое интересное для себя. Мне интересны были интеллектуальные темы, допустим, связанные с экологией, а кому-то из ребят нравились спортивные. А еще нас покормили после окончания квеста, помогли согреться. Обратили внимание на новые для нас интересные конкурсы, которые мы также хотим перенять для нашего отделения, чтобы провести с нашими ребятами. Это большой опыт для нас и для будущих участников нашего клуба.

Блок *Природа* оказался новым и привлек повышенное внимание всех участников. Ведь в организации его этапов были задействованы специалисты Природных парков «Река Чусовая», «Бажовские места», «Оленьи Ручьи», природно-минералогического заказника «Режевской» и Висимского природного биосферного заповедника — вот куда ребята отправятся в ближайшие выходные после знакомства на туристском фестивале. А еще тематические препятствия создавали студенты Уральского государственного лесотехнического универси-

тета, ведь на его базе создан общественный географический факультет!

Знания и интеллектуальные способности, умение пользоваться поисковыми системами в интернете проверяли студенты многочисленных университетов, взявшихся за организацию

интеллектуальных этапов: Уральский федеральный, Аграрный, Горный, Лесотехнический, Педагогический, Архитектурно-художественный, Гуманитарный.

Для творчески подготовленных ребят определили свою линию движе-

Куртеева Анна,
 город Ижевск,
 Удмуртия
 Уехала с небольшой сумочкой вещей — вернулась с огромным багажом знаний и опыта!

Антабаева Милана,
Уфа

Я первый раз на таком мероприятии. Это очень необычно. Понравилась сама идея квеста, как это все организовывается, и очень хорошо организовывается, кстати. Я попала туда, куда хотела попасть: в тир и на этап сборки-разборка автомата. У меня была отличная команда, я была одна девушка в команде, парни помогали ориентироваться по карте, которую нам выдали. Мы все делали сплоченно. Они тоже попали туда, куда хотели. Все прошло очень успешно, нам очень понравилось. Я очень благодарна организаторам Молодёжного клуба РГО «Уральский Следопыт» за такую возможность, за такое мероприятие.

лодёжного клуба в социальной сети ВКонтакте https://vk.com/stalker_66. А песню спеть со сцены в центре города, где выступают звезды — как можно пропустить такую возможность? — кстати, видеоролики выступлений тоже станут после основного фестивального действия элементом заочного тура.

Военно-прикладной и спортивный блок по выполнению элементов комплекса ГТО был подготовлен и блестяще реализован региональным отделением ДОСААФ — давний партнер «Уральского следопыта» уже несколько лет демонстрирует умение работать с молодежью в проектах, связанных с патриотическим воспитанием: тир, гранаты, макеты автомата, отжимание, турник — пройдя такую полосу препятствий, можно с уверенностью утверждать: готов к труду и обороне!

Пожалуй, самый насыщенный и профессионально подготовленный блок на фестивальной поляне был туристский. В его подготовке приняли участие Федерация альпинизма и Федерация спортивного туризма Свердловской области, турклубы УрФУ «Рифей» и «Романтик», центр «Эдельвейс». Все-таки фестиваль приурочен к предстоящему Всемирному дню туризма. Здесь препятствия представлены по всему спектру туристской активности: шесть видов веревочных переправ, траверс струи на катамаране, пилка дров и разведение костра, знание и умение вязать узлы, три вида ориентирования. А еще умение преодолевать болота, работать с карабином, пользо-

ваться компасом, читать карту звездного неба и ориентироваться по звездам в передвижном планетарии, развернутом здесь же, возле памятника основате-

Братанов
Николай,
город Екатеринбург

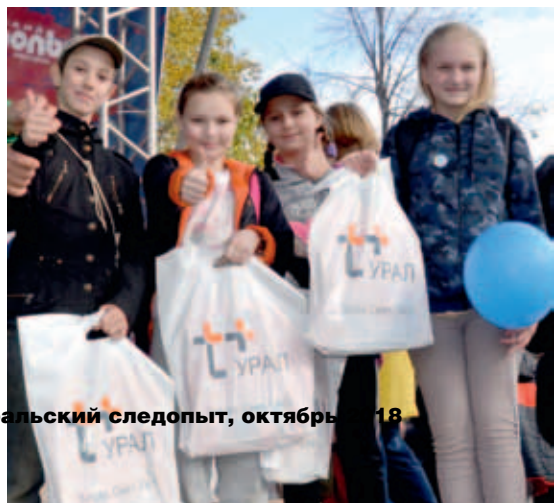
Мне очень понравилась организация мероприятия: большое количество людей, большое количество хорошо продуманных заданий. Было видно, что все заинтересованы. Очень много заданий рассчитано на разных людей: каждый мог подобрать себе необходимый уровень сложности, мог найти то, что действительно ему по душе.

ния: можно было набрать немало очков на этапах *песня путешественника, селфи, сложность, виртуальный мир, парк сказов*. Правда, некоторые этапы проходили почти все команды — ну как не сделать селфи в фотозоне молодёжного клуба? — ведь наверняка после фестиваля будут разыгрываться дополнительные призы заочных туров. Для этого используется площадка группы Мо-

Арапов Дмитрий,
город Ульяновск

Сегодня мы посетили такое мероприятие, как «Осень Уральского следопыта». Фестиваль, некоторые его называют квестом, хотя все же это фестиваль. Было очень много интересных площадок, у нас было затруднения с поиском некоторых площадок, но в целом не хватило времени, к сожалению, все площадки пройти. Их было настолько много, что все их обойти за такой короткий промежуток времени невозможно. К сожалению, не стал я миллионером, не смог намыть золота достаточно. Но все было очень круто!

Щуряков Дмитрий,
республика Мордовия
Фестиваль оставил
неизгладимое впечат-

ление: мне понравилось разнообразие различных станций, поэтому каждый мог найти для себя что-то интересное: кто-то, кто увлечен больше наукой, мог окунуться в различные сферы науки, кому нравится больше спортивная, активная деятельность, — мог попытаться счастье на различных станциях, посвященных туризму. У нас в Мордовии таких широких масштабных фестивалей, к сожалению, не проводится. Я, надеюсь, мы найдем контакт с организаторами и попробуем у себя подобное провести.

лям города. Кроме того, всем командам надо было еще найти по карте расположение и назначение этапов.

Это был настоящий праздник!

Когда три часа, отпущенных на прохождение этапов, подошли к концу, среди мчащейся к очередной локации команды кто-то произнес: «Мой шагомер показывает уже двенадцать тысяч, это десять километров что ли пробежал?» И не удивительно, решая задачи и демонстрируя умения, каждый пробежал от десяти до пятнадцати километров. На фестивале зарегистрировалось 213 команд, состоящих из 5 человек. В этом броуновском движении, по самым заниженным оценкам, можно утверждать, что за три часа

Кунакбаева Наталья,
город Мелеуз, республика Башкортостан

Мне повезло посетить этот прекрасный квест, в этом прекрасном городе, чему я очень рада, прежде всего, для того, чтобы обменяться опытом со своими коллегами, чему-то научиться, что-то посмотреть, услышать мнение своих коллег. Я очень довольна, мне все очень понравилось. Я даже загорелась идеей провести что-то подобное в своем городе. Потому что на самом деле это очень большой труд, это колоссальный труд при подготовке данного квеста. Получится — здорово, нет — будем учиться дальше.

преодолено 10 тысяч километров. Какая энергетика фестиваля!

К окончанию второго часа начали складываться искомые фразы из журнала «Уральский следопыт», позволяющие командам претендовать на лидирующие позиции:

«По ходу своих вод вдоль подножья горы Кибирьята Чусовая потеряла несколько прибрежных деревень: Бовину, Филатову, Буицувку... Ни власти предержащие, ни сами обитатели деревень не озаботились тем, чтобы сохранить вечную память о малой родине. Но сохранилась и, можно сказать, весело живет дачная деревня Плес. Вот уж кого никак нельзя не заметить прямо с шоссе. Деревня то спрячется за леском, то лукаво выглядит своими небольшими разноцветными домиками. Слева от нее неостановимо течет автомобильная «река», а справа — настоящая, да с такими еще живописными пейзажами, что видны из окон всех домов. Над названием голову ломать не надо. Плес (плесо) — это речной термин, означающий

Гаджиев Рафик,
город Тюмень
Сегодня поучаствовал
в замечательном
фестивале. А почему он

был замечательным: потому что те технологии, те фишки, которые проводит «Уральский следопыт», они подаются населению Екатеринбурга очень вкусно. Очень крутой фестиваль, хоть и осенняя уже погода, но грела динамика, грели те конкурсы, те испытания, которые были на этом фестивале. И еще, самое крутое, что было на этом фестивале — это блочная система заданий по интересам.

расстояние между перекатами или островами. В нашем случае — между островом и группой островов. От этого же термина получила имя и речка Плесянка, огибающая гору Кибирьята и впадающая в Чусовую».

Три часа квеста пролетели стремительно. Команды миновали финишный створ: кто бегом, кто приволакивая с непривычки ноги; волонтеры и организаторы этапов устремились к штабному шатру с результатами и наблюдениями.

А здесь для утомленных, но очень довольных ребят развернулась полевая кухня. И участники, и организаторы, и волонтеры с этапами — те, кто недавно противостоял в поединке ума, силы и умения, дружно все вместе взялись

Грудинин Дмитрий,
город Оренбург

Очень рад, что мне довелось побывать на таком увлекательном мероприятии, как фестиваль «Осень Уральского следопыта».

Поражают размах и продуманность фестиваля: более пятидесяти разнотематических локаций, позволяющих проверить знания, навыки, сноровку, смекалку, физическую подготовку, творчество и креатив (... перечислять долго можно!) участников. А если и есть какие пробелы в знаниях и умениях — ответственные за локацию люди тут же помогут их закрыть, объяснив, что к чему, но и, разумеется, выставив соответствующее прохождению задания баллы. При этом вся цепочка заданий, учитывая размах, располагается вполне компактно и, что еще более важно, — доступно — в центре самого Екатеринбурга. Т.е. участникам не нужно ломать голову, как организовать загородный выезд. Скорее наоборот — «Осень Уральского следопыта» притягивает большое количество команд с районов. И пусть нельзя пройти все предложенное, зато, согласно принципу спортивного ориентирования, можно составить индивидуальную для команды логику прохождения самых интересных или доступных заданий.

Поражает охват организаций, предоставляющих локацию. Тут и Министерства, и вузы, и музеи, администрации ООПТ и многие другие, что лишний раз подчеркивает заслугу координаторов фестиваля.

Разумеется, что основные участники фестиваля — это молодежь — учащиеся школ, училищ, вузов. И не удивительно, поскольку это достойная площадка проявить свою активность и в форме соревнования проверить свои знания. То обстоятельство, что с годами количество участников не уменьшается, говорит о том, что «Осень...» мотивирует молодежь совершенствовать свои навыки от года к году! А это важная образовательная функция!

Приятно радует, что для участия не существует ограничений по возрасту. Команды разделяются и оцениваются по категориям. Взрослые с немалым азартом решают предложенные задачи.

В итоге вся площадь на время фестиваля приходит в непрерывное движение и пестрит от проходящих локаций команд. Выглядит это масштабно!

Резюмирую. Фестиваль «Осень Уральского следопыта» — грандиозное мероприятие, о котором полезно услышать, интересно — увидеть, но еще лучше — участвовать! — впечатления гарантированы!

Остается еще раз поблагодарить людей, вкладывающих свои силы в эту работу, и пожелать им успехов и благополучия в жизни! А всем вместе пожелать — новых, ярких, увлекательных «Осеней Уральского следопыта»!

за ложки и миски. Командование Центрального военного округа и благотворительный фонд «Дети России» гречневой кашей с мясом и чаем возвращали силы поединщикам. И уже скоро вокруг штабной палатки, где подсчитывались баллы и подводились итоги, стали появляться разведчики от команд, собравших наибольшее количество этапов: а долго ещё ждать, кто победил, скоро награждение?

Тем временем, пока в штабе выявлялись победители квеста, фестиваль продолжался. Мы подвели итоги проекта, реализуемого с помощью Президентского гранта «История России. Река Чусовая». Так, на протяжении года в ходе фотоэкспедиции посещено более 20 населенных пунктов, опубликовано 18 статей о 15 деревнях и поселках, располагавшихся в нижнем течении реки Чусовая. И это только часть общего проекта журнала. И уже после завершения грантовой программы «Уральский следопыт» продолжит цикл публикаций и планирует завершить четырехлетнюю фотоэкспедицию «История Рос-

Поздравления и награды принимают:

Школьники 5–8 классов

- 1 место** — команда «Чебуреки» школа № 208 Екатеринбург
- 2 место** — команда «Тигры» Екатеринбургское суворовское училище
- 3 место** — команда «Охотники за удачей» школа № 93 Екатеринбург

Школьники 9–11 классов

- 1 место** — команда «Орлы» Екатеринбургское суворовское училище
- 2 место** — команда «Факел» Екатеринбургское суворовское училище
- 3 место** — команда «Dream Team» Екатеринбургское суворовское училище

Студенты колледжей

- 1 место** — команда «Энергетики» Екатеринбургский энергетический колледж
- 2 место** — команда «Квесторы» УРТК им. А. С. Попова (г. Полевской)
- 3 место** — команда «Древоделы» УКСАП (пос. Бобровский)

Студенты вузов

и разновозрастная молодёжь

- 1 место** — команда «Брыньк» УрГПУ
- 2 место** — команда «ГБФ-чемпион» УрГПУ
- 3 место** — команда «Максимум» МК РГО

сии. Река Чусовая» от истока до впадения уральской реки в Каму. После этого на сцене ребята из студенческого отряда «Вагант» пели, танцевали, проводили викторины, словно у них не было такого же насыщенного дня.

И вот победители квеста определены. На сцену вынесены кубки, выполненные в виде глобуса, призы от организаторов и партнеров. **УС**

Фархуллин Рустам,

город Казань, Республика Татарстан

Сегодня я принял участие в замечательном фестивале «Осень Уральского следопыта». Вообще круто! Очень все понравилось. Все конкурсы были очень интересные, познавательные, и после окончания всего этого мероприятия хотелось еще что-то узнать, потому что не все моменты ты знаешь, даже будучи уже взрослым, и хотелось бы еще почерпнуть знаний. Мы с ребятами сколько смогли обошли станций. Нам очень понравилось, правда, составить строчку-задание нам не удалось.

Поддержку в организации и проведении фестиваля оказали:

- Министерство инвестиций и развития Свердловской области;
- Министерство природных ресурсов и экологии Свердловской области;
- Министерство физической культуры и спорта Свердловской области;
- Министерство общего и профессионального образования Свердловской области;
- Министерство культуры Свердловской области;
- Департамент молодежной политики Свердловской области;
- Управление по развитию физической культуры, спорта и туризма города Екатеринбурга;
- Департамент образования Администрации города Екатеринбурга;
- Управление культуры Администрации города Екатеринбурга;
- Комитет по молодежной политике Администрации города Екатеринбурга;
- Региональное отделение ДОСААФ России Свердловской области;
- Федерация альпинизма Свердловской области;
- Федерация спортивного туризма Свердловской области.

Организаторами этапов выступили:

- Студенческий педагогический отряд «Вагант»;
- Организация «Волонтеры Урала»;
- Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б.Н. Ельцина;
- Уральский государственный лесотехнический университет;

- Уральский государственный педагогический университет;
- Уральский государственный архитектурно-художественный университет;
- Уральский государственный аграрный университет;
- Уральский государственный горный университет;
- Гуманитарный университет;
- Уральский институт Государственной противопожарной службы МЧС России;
- Екатеринбургский институт физической культуры, филиал УралГУФК;
- Свердловский областной медицинский колледж;
- Колледж управления и сервиса «Стиль»;
- ЦРТ им. Н. Е. Бобровой, г. Полевской;
- Парк сказов, г. Арамиль;
- Музей природы — филиал Свердловского областного краеведческого музея;
- Музей истории Екатеринбурга;
- Музей изобразительного искусства;
- Музей архитектуры и дизайна УрГАХУ;
- Уральский центр развития дизайна;
- Частная школа астрономии kantrSkrp.corp.

Организаторы благодарят за материальное и финансовое участие:

- Свердловский филиал Компании «Т Плюс»;
- Благотворительный фонд «Дети России»;
- Сеть магазинов «Декатлон»;
- Фирму «Век»;
- Хладокомбинат № 3;
- Сеть кинотеатров Пассаж-синема и Гринвич-синема;
- Штаб Центрального военного округа.

Над большинством крупных городов Российской Империи первые полёты аппаратов тяжелее воздуха произошли с 1910 по 1912 годы. Над Челябинском первый самолёт поднялся в 1911 году, однако 100-летний юбилей этого события

в городе прошёл незамеченным — даже маленькой статьи не было опубликовано в местной печати. Хотелось бы исправить это упущение. Тем более, что в 2018 году исполняется 130 лет со дня рождения этого отважного авиатора.

Тот, кто покорил челябинское небо

Александр Булгаков

Родился в Челябинске. Окончил Челябинский политехнический институт. Инженер-технолог. Живёт и работает в Челябинске. Интересуется историей своей семьи, авиацией.

► М.А. Григорашвили во время полетов

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

История первого полёта над Челябинском начинается с момента, когда редакция газеты «Голос Приуралья» получила из Вологды телеграмму от инструктора школ Императорского Всероссийского аэроклуба (ИВАК), авиатора Михаила Леонтьевича Григорашвили, где он сообщил, что «предполагает в субботу,

24 сентября, устроить в Челябинске полёт». Газета в номере от 20 сентября 1911 года поместила заметку со словами: «Если обстоятельства будут благоприятствовать, то нам всё-таки удастся увидеть "летающих людей"». Житель тогдашнего Челябинска знал, что визиту Григорашвили предшествовало посещение города ещё одним авиатором — Павлом Андриановичем Кузнецовым. Но, несмотря на все ожидания, полёт по техническим причинам не состоялся.

21 сентября Михаил Леонтьевич прибыл в Челябинск вместе со своим аэропланом. В качестве аэродрома ему определили площадь за Обще-

Въ Воскресенье 25 Сентября

на площади у Обществ.лага Городского Сада (входъ съ Шоссе между Таможенными складами и Городскимъ Садами). Инструкторомъ Школы Императ. Аэро-Клуба пилотомъ-авиаторомъ, **М. Л. Григорашвили**

Будетъ совершенъ **ПОЛЕТЪ** на аэропланѣ Блеріо.

Полетъ можетъ не состояться лишь въ случаѣ проливнаго дождя или сильнаго вѣтра (сильше 6 метровъ въ секунду). Взятые билеты въ такомъ случаѣ остаются действительными на слѣдующій день; желающимъ же деньги будутъ возвращены немедленно обратно.
Цѣны мѣстамъ: 1 рядъ—3 руб., 2 рядъ—2 руб., 3 рядъ 1 руб. Входитъ 50 коп. Боковые 25 к. Учащимся въ формѣ имѣютъ право занимать мѣсто разрядомъ выше присвоенныхъ.
Полетъ и спускъ аэроплана будутъ совершены у первыхъ и вторыхъ мѣстъ.

Начало полета въ 4 1/2 ч. веч.

◀ «Голос Приуралья»

▲ Таким пилот мог увидеть Челябинск во время полета. Вид на южную окраину со стороны Городского пруда

ственным городским садом. 23 сентября им был совершён пробный полёт. На следующий день в газете была опубликована статья, в которой очевидец описывал это событие (значительная часть её приводится ниже).

«На каланче уже пробило пять, когда я двинулся на аэродром... Ещё от городского сада я услышал характерное жужжание пропеллера. Но моноплан был ещё в ангаре. Кругом ангара толпилась случайная публика. Вдали, по краям площади, растянулась цепь солдат. Пилот уселся в своё железное кресло (фото 2) и Блерио (фото 3) повели из ангара в чистое поле. Затрубила труба, цепь солдат выровнялась и прекратила доступ проезжих по площади. Аэроплан готов к полёту. Пустили мотор. Когда он развил достаточную силу, его пустили. Блерио катился на колёсах по земле, подняв свой хвост. Вот он чуть-чуть отделился от земли, но сейчас же опустился. Это испытали — правильно ли поставлен хвост аэроплана. Завернули аппарат и снова пустили мотор. Пропеллер работает вовсю... Аэроплан бежит и незаметно отделяется от земли. Но это был ещё не полёт. Снова повернули аппарат лицом к городу. Опять работает пропеллер, и могучая стрекоза, управляемая смелым авиатором, под-

нялась высоко в воздух и понеслась между городским садом и лесом к городу. Крик восторга вырвался у многих. У некоторых же дрогнуло и боязливо забилося сердце. Но вот, не долетев несколько до таможни, авиатор делает красивый поворот. Стрекоза быстро летит обратно, жужжа на всю площадь. Около ангара аппарат опустился, подпрыгнув 2–3 раза. Раздались дружные аплодисменты публики, бесплатно насладившейся зрелищем полёта человека по воздуху. Кучки народа бегут из города, но пробный полёт уже закончен».

Но особо удачным был признан второй полёт, который состоялся 26 сентября. По этому поводу газета «Голос Приуралья» писала: «На этот раз, на высоте 150–200 метров, аппарат-стрекоза, управляемый опытной рукой, сделал три полных круга. Человек-птица то поднимался, то опускался, то летел по прямой линии, то делал красивые повороты. И стрекоза слушалась каждого движения руки пилота, с жужжанием проносясь над аэродромом».

Благодарность зрителей была выражена в высшей степени эмоционально: «Аплодисменты и крики, не прекращавшиеся всё время полёта, усилились. Публика, не знающая никакой дисциплины, бросилась к авиатору

и в восторге, подняв на руки, начала его качать. Восторг был полный».

Далее автор заметки горько сетует: «К сожалению, должен отметить нехорошую черту многих, если не большинства, челябинцев — видеть всё на даровищину, «на шермака». И лес, и гора, и другие окрестности аэродрома были усеяны даровыми зрителями. Было бы понятно, если б на даровищину смотрели мальчишки да бедняки, которым четвертак (25 копеек в то время — средняя стоимость обеда для мастерового. — Авт.) нужен на хлеб. Но совершенно не понятно, как не стыдно ехать за аэродром на собственных рысаках, в экипажах с резиновыми шинами и смотреть с козел экипажа. У этих, вероятно, четвертак не последний. Или они думают, что авиатор, механики и другие служащие могут бесплатно работать. Что всякий труд должен оплачиваться, надо помнить не только применительно к себе, но и к другим».

Тем не менее, сборы за выступление в купеческом городе, а Челябинск на рубеже XIX–XX веков неофициально называли «Зауральским Чикаго», обеспечивали выручку в 2000–3000 рублей. Конечно, из неё покрывались немалые накладные расходы: провоз аппарата по железной дороге, оплата механикам, антрепренёру, аренда аэродрома и т.п. Да и сам аэроплан стоил от 8000 руб., а ресурс работы двигателя составлял лишь несколько десятков часов.

И все же, если не брать во внимание случаи, когда пилот попадал в долговую кабалу к банкиру, оплатившему его обучение за границей или покупку аэроплана, пилот, выступив в нескольких городах, мог заработать на безбедную жизнь, по крайней мере, до начала следующего летнего сезона.

Кто же был этот авиатор? Родился герой нашего рассказа 6 (20) февраля 1888 года в Дербенте, в семье потомственного дворянина Кутаисской губернии, инспектора городского трёхклассного училища — Леонтия Дмитриевича Григорашвили. Всё детство провёл в Баку, но перед первой русской революцией его мама с детьми переехала в Санкт-Петербург, где он закончил гимназию и поступил в Санкт-Петербургский институт инженеров путей сообщения Императора Александра I (ИИПС).

Начало его учёбы совпало с возникновением в России интереса к авиации. Юноша с головой окунулся в новое для всех дело. Студенты, среди которых был и Григорашвили, ходатайствовали о введении в число читаемых предметов обязательного курса воздухоплавания и, когда прошение было удовлетворено, он в числе первых записался на эти курсы. 16 января 1908 года был основан ИВАК и вот он уже его

член-сотрудник, затем член научно-технического комитета. В 1909 году С. С. Щетинин в помещении Коломяжского ипподрома (Санкт-Петербург) организовал «Первое российское товарищество воздухоплавания» — завод, давший начало отечественной авиационной промышленности. Среди его сотрудников, в основном столичных энтузиастов авиации, был и студент М. Л. Григорашвили. К концу 1910 года завод выпустил моноплан «Россия Б», представлявший собой улучшенную копию французского «Блерио XI». Молодой конструктор Григорашвили внёс в него существенные изменения и дополнения, позволившие увеличить его прочность без ущерба лёгкости аппарата.

Весной 1911 г. руководство ИВАК командировало Михаила Григорашвили во Францию для освоения пилотажа и методики инструкторской работы. Во время командировки он знакомится не только с лётными школами, но и аэропланскими мастерскими и аэродинамическими лабораториями. Эти знания впоследствии найдут применение при строительстве аэромеханической лаборатории. 15 июля

1911 года Григорашвили получил французское бреше (диплом) пилота-авиатора № 577 и в конце лета вернулся в Россию.

Вернувшись домой, он не спешит приступать к работе в клубной авиашколе. Его влекут слава и слухи о больших заработках первых русских авиаторов-спортсменов. В складчину с друзьями он приобретает почти новый «Блерио» и спешит использовать оставшееся осеннее летнее время для осуществления показательных полётов по городам России. Вначале он летал на рижском взморье, но удивить кого-либо в ту осень в Риге аэропланом было уже невозможно и доходы оказались небольшими. Упаковав самолёт, Михаил «со товарищи» отправляется на Восток. Первая остановка была в Челябинске, а закончил свой первый летний сезон молодой лётчик полётами в Томске, которые состоялись в середине октября.

Михаил возвращается в Петербург и возобновляет прерванные занятия в институте. Но после окончания занятий летом 1912 г. Григорашвили вновь отправляется с показательными выступлениями, на сей раз

▼ М. Л. Григорашвили (крайний справа в верхнем ряду) среди лётчиков ИВАК

▲ «Блерио XI». Пражский национальный технический музей

по Украине, где особенно прославился перелётами между городами Волыни. К сожалению, в сентябре при полёте в Ровно его самолёт совершил вынужденную посадку, которая оказалась жёсткой — аппарат превратился в грудку обломков, а самого авиатора с переломами в бессознательном состоянии увезли в городскую больницу. После этого он больше никогда не участвовал в показательных выступлениях.

В 1913 г. Григорашвили с успехом защищает диплом, причём первым по «воздухоплавательной тематике» в стенах ИИПС. 22 марта 1913 года ему определили место службы — Управление железных дорог инженером для технических занятий VIII класса по новым работам Юго-Западных железных дорог. Эта работа была интересной и хорошо оплачивалась, но ему хотелось строить и испытывать аэропланы. Поэтому в свободное от основной работы время Михаил берётся испытывать аэроплан, который сконструировал его друг А. А. Пороховщиков (дед известного артиста Александра Шалвовича Пороховщикова). Машина была весьма оригинальной конструкции и испытывать её никто не решался. В сентябре 1914 г., во время одного из полётов, когда Пороховщиков попросил друга прокатить свою молодую супругу, аэроплан упал на землю. Дама отделалась нервным потря-

сением, а виновный в происшествии авиатор с ушибами и повреждённой ногой попал в больницу. После выздоровления Григорашвили оставляет Министерство путей сообщения и поступает к своему старому знакомому С. С. Щетинину на должность заведующего техническим бюро.

Работая на предприятии Щетинина, он одновременно разрабатывает воздушные винты собственной конструкции. Один из таких винтов был предоставлен им в 1915 г. на испытание в Гатчинскую Военную авиационную школу. Винт комиссии понравился, но для того, чтобы вести речь о закупке его для нужд военной авиации, было рекомендовано улучшить аккуратность его исполнения. Щетинин не захотел заниматься этим и Михаил Леонтьевич стал подыскивать новую технологическую базу. И тут один из его знакомых — Р. Ф. Мельцер, предложил М. Л. Григорашвили воспользоваться мощностями принадлежащей его семье столярно-мебельной фабрики. Он освободил творческую натуру молодого конструктора от несвойственных ему коммерческих и организаторских работ. Это позволило Григорашвили сосредоточиться на технической стороне вопроса и вскоре винты его конструкции стали лучше по многим техническим характеристикам, чем импортные, к тому же они были дешевле и строились с использованием отечественных пород дерева. Не удивительно, что к осени 1917 г. винты Григорашвили стали вытеснять в морской авиации винты иностранных конструкций.

Наступил Октябрь... Поначалу Мельцеру удавалось находить общий язык с новой властью, но весной 1918 г. был аннулирован заказ на морские самолёты, а летом и на винты. Михаил Леонтьевич гораздо быстрее, чем Мелцер, понял, что Советская власть — это «всерьёз и надолго» и потому в марте 1918 г. уехал из Петрограда на родину предков. Независимой Грузии авиационные конструкторы тоже были как-то без надобности, и вот уже в 1921 г. пароход с М. Л. Григорашвили на борту пришвартовался в порту Нью-Йорка.

В 1923 году он меняет свою труднопроизносимую для американцев фамилию на более им привычную — Грегор. В этом же году ему удаётся устроиться на самую крупную авиационную фирму США — «Кертис-Райт Корпорейшн». Сначала работал конструктором винтов, но вскоре становится ведущим конструктором по сухопутным и морским самолётам. Авторитет и известность его как авиаконструктора быстро росли. В 1926 году Михаил Леонтьевич получает американское гражданство. Но Григорашвили мечтает о собственном деле, где он мог бы реализовывать свои планы. Высокая зарплата, которую платили в «Кертис», позволила ему скопить кое-какие сбережения и в 1928 г. он увольняется и пытается пуститься в «свободное плавание».

Однако стать полностью «свободным» ему так и не удалось, как и у большинства русских эмигрантов, деловая хватка не была его сильной стороной. А вот как конструктор

он неоднократно создавал крайне удачные и интересные воздушные машины, и не его вина, что ни одной из компаний, где он трудился, не удалось стать лидером рынка.

В этом отношении очень показательна история, случившаяся на излёте его творческой карьеры, когда он работал зам. главного конструктора в компании «Чейз Эркафт Корпорейшен», в которой президентом и одновременно главным конструктором был другой русский эмигрант — Михаил Михайлович Струков. В 1950 году ими был выпущен опытный образец военнотранспортного самолёта, впоследствии получивший обозначение С-123. Применённая компоновочная схема с задним грузовым люком и рампой стала классической и всё развитие транспортной авиации пошло именно по этому пути, предложенному двумя талантливыми эмигрантами из России. Конструкцию самолёта отличала высокая стойкость к баллистическим и эксплуатационным повреждениям, поэтому С-123 стал одной из основных «рабочих лошадок» во время Вьетнамской войны. Только он мог снабжать окружённые со всех сторон гарнизоны, взлетать и садиться на простреливаемые насквозь небольшими взлётно-посадочных полосах. И вообще, этот самолёт стал уникальной в мире разработкой — он единственный использовался в пяти ипостасях: планера, самолёта с поршневыми двигателями, с реактивными, с комбинированной силовой установкой и с турбовинтовыми двигателями.

Разумеется, все эти достоинства стали очевидны гораздо позднее,

а пока это был просто перспективный самолёт, и дело шло к тому, что военным предстоит заказывать именно эту машину. Но не всё так просто. Руководя компанией, связанной на военно-промышленный комплекс США, нужно было не только уметь налаживать связи с заказчиками, правительственными чиновниками и субподрядчиками, но и подкармливать своих лоббистов, не брезговать взятками, подкупом и шантажом. Всего, что перечислено в конце этого списка, Струков не умел и, как человек порядочный, не желал делать категорически. Конкуренты же не были столь щепетильны. В конце 1951 г. они применили к Михаилу Михайловичу способ противодействия, известный под названием — «сдерживание опасного конкурента путём скупки его акций»: его вынудили «уступить» 51% активов, вследствие чего он был смещён с поста президента компании, хотя и остался вице-президентом и главным конструктором.

В мае 1953 г. Специальная комиссия Сената США обнаружила, что линия по производству С-123 существовала лишь на бумаге, а стоимость всё ещё производимого фирмой самолёта, которому на смену должен был прийти С-123, завышена в несколько раз. Скандал был страшный. Военные под давлением общественности лишили фирму дальнейших заказов на старый самолёт и заодно аннулировали контракт на производство С-123. Видеть, как дело, которое ты

сам создал, скомпрометировано проходимцами, в одной компании с которыми он оказался не по своей воле, да ещё терпеть по их милости убытки, такого наказания Михаил Михайлович, как человек благородный, вынести не мог и потому решил покинуть фирму. После дележа активов Струкову остался опытный завод в Трентоне (штат Нью-Джерси), на основе которого он впоследствии создал новую компанию.

Григорашвили остался с «Чейз Эркафт», но только потому, что после раздела старая компания стала базироваться в Нью-Йорке. Травмы, полученные в молодости при испытании самолётов и показательных выступлениях, годы интенсивной работы и преклонный возраст крайне отрицательно сказывались на его здоровье, — Михаил Леонтьевич с 40-х годов стал долго и тяжело болеть. Трентон же заведомо уступал Нью-Йорку по уровню медицинского обслуживания, а также в плане бытовых удобств и социальных услуг. К сожалению, фирма просуществовала немногим более года, после чего её деятельность тихо сошла на нет. С её закрытием Михаил Леонтьевич Григорашвили ушёл на пенсию. Нет достоверных свидетельств о том, как протекала его жизнь после ухода на пенсию. Можно только сказать, что умер Михаил Леонтьевич после 1953 г. (точная дата и обстоятельства смерти неизвестны), место смерти, предположительно, — Нью-Йорк. ☐

▼ Окрашенный в белую краску для защиты от тропического солнца С-123, получивший название «Белый Кит». Национальный музей ВВС США

▼ Леонтьев Ю.А. Северский завод на рубеже XIX-XX вв. Музей «Северская домна» (г. Полевской)

Полевская старина

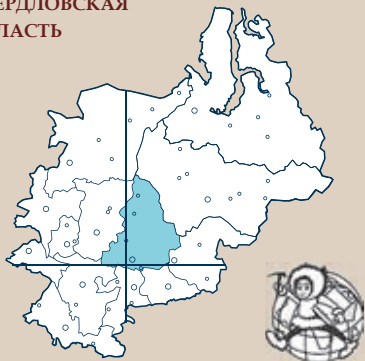
(к 300-летию основания города Полевского)

Владимир Трусов

Автор одиннадцати книг, в том числе пятитомника «Шайтанский завод Никиты Никитича Демидова», более 300 статей на исторические, родоведческие и краеведческие темы. Живет в Первоуральске.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

В 1702 году жители Уткинской и Арамильской слобод Кузьма Сулей и Сергей Бабин в верховьях Чусовой возле ее притока речки Полевой, на Гумешках, в старых чудских закопушках обнаружили медные признаки.

В 1710 году брат Сергея – Федор Бабин там же нашел в горе медную руду, которую стали добывать и возить на Уктусский завод.

В своей книге «Описание Уральских и Сибирских заводов» Вильгельм де Геннин пишет: «А для добычи той руды в трех ямах были опущены срубы и два ворота и при том сделаны анбар, сарай и другое небольшое строение. А в 1718-м году, июня 10-го дня, Гельжеутской волости башкирцы Чюбар Балагушев с товарищи, собравшись многолюдством, и на том руднике то все строение выжгли и рабочих людей согнали.

И в 1720-м году, декабря в 4 день, ис правительствующаго сената отправлен на Уфу к полковнику графу Головкину да к воеводе Бахметеву указ, в котором написано, что де за Чусовой речкой, у Полевой речки, на горе от Уктусского завода в 30 верстах, на котором-де заводе надлежащее строение было, и на оной-де наехав башкирцы строение выжгли, а рабочих людей согнали и впредь промышленять запретили,

также и на месте Гумешках, на копиях старых они, башкирцы, промышленять руды не допускают, и чтоб они, башкирцы, в тех и протчих местах, и где руда будет сыскана, хотя и в их владении посланным из берг-коллегии офицером и протчим служителем в сыскании и в копании тех руд и в строении заводов, служа великому государю, помешательства не чинили, а чинили б всякое вспоможение, и ежели их народу кто такую руду сыщет, то им объявлять приставленным от берг-коллегии. А им за то против печатной привилегии платить, как и российскому народу определено, без задержания. И о том к ним, башкирцом, из сената грамота отпущена декабря 12-го дня 1720-го году.

Оной указ и з грамоты копия посланы на Уфу к полковнику графу Головкину с Уктуса артиллерии от капитана Татищева мая 9-го дня 1721-го года.

И того ж 1721-го году, июня 9-го да 10-го чисел, с Уфы от господина графа Головкина и воеводы Бахметева к нему,

То место обведено земляным бруствером и обнесено надолбами.

План крепости Косой Брод 1734 года. После Горного Щита построена возле реки Чусовой, где имелся переезд, крепость Косой Брод и определено тут быть роте солдат для охранения рудных возчиков. Жилые дома огорожены палисадом, имелось четыре башни и смотровая площадка над воротами, построены казармы, амбар и караульная изба. Вне тына находилась каланча с колоколом для сообщения о приближении башкирцев и возникновении пожаров. Брод на Чусовой находился на дороге из Екатеринбурга в Полевской Завод.

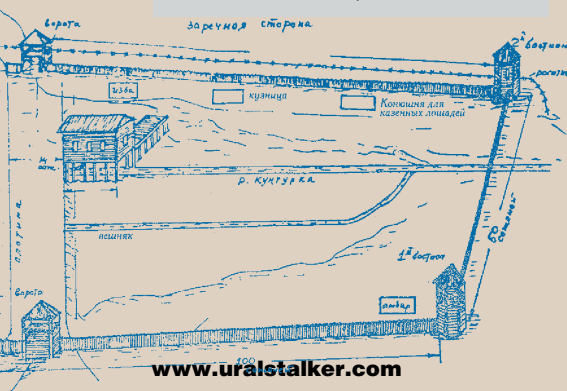
Историю возведения Полевского и Северского заводов можно прочитать в энциклопедии «Металлургические заводы Урала» (2001).

План Полевского Завода 1734 года. У тына четыре башни и полубастион, две смотровые площадки над воротами, каланча находилась внутри крепости, церковь, жилые дома для мастеровых людей, архив, контора, дом управителя, караульная изба, кузница, домна, плавильная фабрика. Снаружи тын обнесен рогатками. Отметим, что в ведомости Полевского завода за 1744 год есть прапрапрадед Петр Бажов — предок сказителя Павла Петровича Бажова. Петр имел жалованье за год 14 рублей 40 копеек, определен при заводе в ученики обжигальщика, не из рекрут, в подушном окладе записан.

План Кунгурской лесопилки 1735 года. Точной даты возникновения Кунгурской пильной мельницы пока нет, но на плане 1735 года она уже существует. У Кунгурского тына четыре башни. Внутри крепости лесопилка, жилая изба, амбар, кузница и конюшня. Доски изготавливались для заводских нужд и для постройки барок на Макаровской пристани. Достопримечательностью Кунгурки является водопад Грохотун.

План Северского Завода 1763 года. Крепость обнесена рогатками. По углам четыре сторожевых башни,

▼ План крепости Кунгурской пильной мельницы. 1735 г.

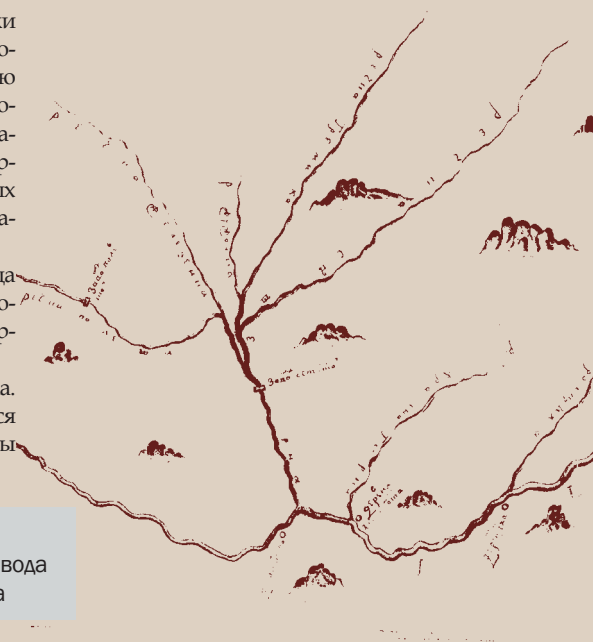
www.uralstalker.com

три надвратные смотровые площадки по дорогам на Полевской Завод, в Кособродскую крепость и на Кунгурскую пильную мельницу. Внутри тына производственные объекты: молотовая фабрика, якорная, кузница, весовой корпус, пробная изба; дома мастеровых людей, контора, дом управителя, караульная изба.

На карте реки Чусовой 1747 года показаны Полевской и Северский заводы, деревни Кособродска, Красногорска, Розкуиха и Курганова.

О нынешнем имени речки Зюзелка. На карте 1747 года эта речка именуется Жужолка. В старину большие крупичи золота называли жужелками. 📄

► Чертеж верховьев реки Чусовой. Сочинял управитель Ревдинского завода Федот Лодыгин 25 августа 1747 года

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание, работа в группах и индивидуальные занятия.

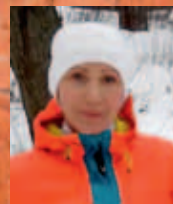
СПОРТИВНЫЙ ЦЕНТР

Верх-Исетский

ул. Кирова, 71

тел: (343) 242-54-12 www.vizsport.ru

Цветная палитра Урала

Елена Попова

Преподаватель по геологии, экскурсовод, руководитель проектов по геотуризму.

Сияющий камень

*Нет в мире красивей мрамора-камня.
Знают о нём со времён стародавних.
В наших краях он чисто-белый,
В природе бывает зелёный и серый,
И жёлтый, коричневый, чёрный, красный,
И даже розовый – цвет самый классный.
Бывает он пёстрым и разноцветным,
В жизни людей камнем самым заметным.
В Греции Древней ваяли скульптуры –
Они до сих пор символ древней культуры,
А что сохранились до нашего века,
То мрамору слава и человеку.*

Елена Будаева

Мрамор — один из самых первых природных камней, который вдохновил мастеров на изготовление из него различных изделий, грациозность и пластика которых вызывают у нас восхищение спустя сотни лет. Он соединил в себе богатство цветов и тончайших оттенков, изысканную красоту структуры и, конечно же, волшебное сияние, благодаря которому и был назван.

Мрамор — в переводе с греческого слова «marmaros» — означает блестящий, сияющий, ослепительный камень.

Действительно, природа наделила этот натуральный камень массой преимуществ. Благодаря способности пропускать свет на глубину камень будто бы «оживает». Вокруг него создается легкий светящийся ореол, повторяющий контуры скульптуры. Кроме того, мрамор обладает уникальными пластическими возможностями. Эти свойства камня, характерные для лучших сортов мрамора, заметили еще в Древней Греции, и античные мастера стали использовать его для ваяния. Богине охоты Артемиде, которую древние греки признали идеалом женской красоты, жители Эфеса воздвигли великолепный храм, ставший одним из семи чудес света. Его украсили 125 колоннами из белоснежного блестящего мрамора. Из белого камня, который добывали на горе Пантеликон вблизи Афин, греки построили Парфенон, храм Зевса Олимпий-

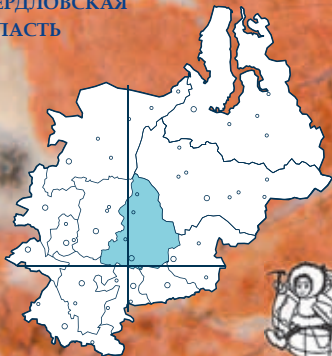
ского. Из паросского мрамора знаменитый античный мастер изваял знаменитую «Венеру Милосскую», находящуюся в Лувре. Из этого же мрамора и другая Венера — Таврическая, которая экспонируется в Эрмитаже.

Образование мрамора

Мрамор, как и другие горные породы, образуется в результате последовательных геологических процессов. Вначале, в морских условиях, формируется определенный тип горных пород и минералов, многие из которых являются полезными ископаемыми и которые очень распространены на Урале. Например, гипс, известняк, доломит. Образуются они на морском дне, в результате концентрации и выпадения из водных растворов определенных веществ. Да, но откуда берутся эти вещества в море? Глубинные жители морских просторов несут на себе огромное ко-

личество минерала кальцита, будущего строительного материала для таких пород, как известняк, гипс, мел. Он содержится в ракушках и панцирях, которые с течением времени накапливаются в большом количестве на морском дне. Пролетав там длительный период времени, образуются целые пласты карбонатных пород.

▶ Кюелга

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬОБРАЗЕЦ МИНЕРАЛА
предоставлен Уральским Центром камня

Мрамор

Если б к этой палитре цветов добавить твердость, мрамор стал бы уникальным поделочным камнем.

Фират Нурмухаметов,
директор Уральского Центра камня.

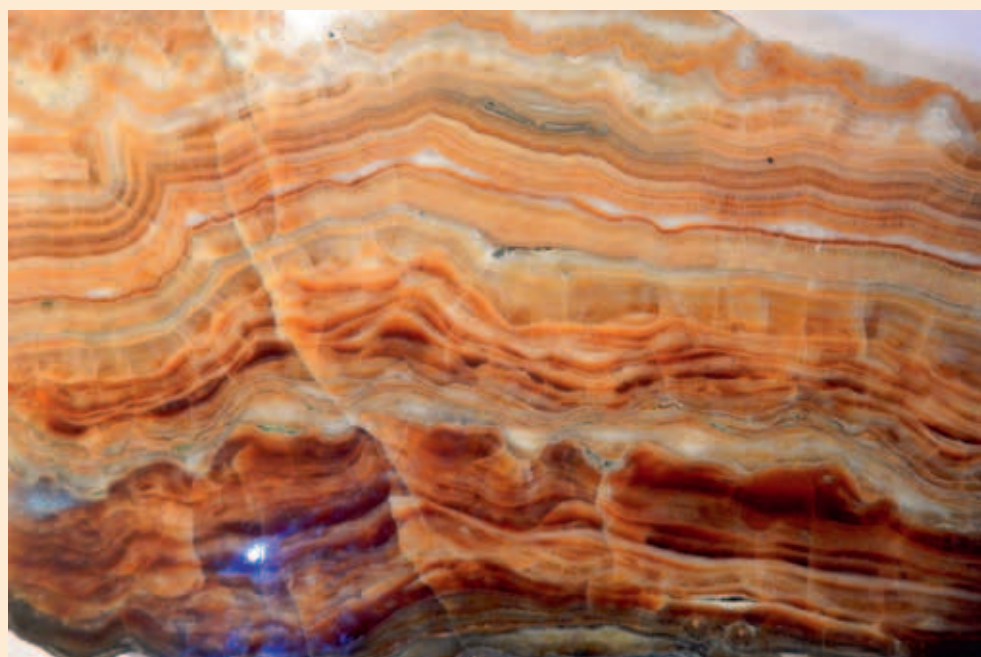

Возьмите, уважаемый читатель, при случае образец известняка. Посмотрите на него внимательней! В отдельных случаях на срезе известняковой породы можно обнаружить остатки ракушек или целые небольшие раковины.

Но что же происходит дальше с известняком? Оказывается, любая горная порода, образовавшаяся на поверхности Земли или на дне моря (песок, глина, известняк), за десятки миллионов лет своего существования начинает медленно погружаться в глубины земной коры на 10, 20 и более километров. Под влиянием существующих там огромных давлений и высокой температуры горная порода видоизменяется и превращается в новую породу. Такие изменения, происходящие в глубоких слоях земной коры и придающие горным породам новый облик и состав, называются метаморфизмом, а измененные горные породы — метаморфическими. Результат изменения известняка — это мрамор.

Описание мрамора

Мрамор — распространенная метаморфическая горная порода, образовавшаяся в результате перекристаллизации известняка или доломита, обычно состоящая из одного минерала кальцита. Мрамор может содержать большое количество примесей других минералов (полевой шпат, лимонит, кварц, халцедон, гематит, пирит и др.) и органические соединения, которые могут влиять на его качество и цвет. Физические свойства мрамора позволяют широко использовать его в строительстве и архитектуре. Плотность — от 2,3 до 2,6 г/см³, твердость

по шкале Мооса — 2,5–3. Мрамор хорошо поддается шлифовке, полировке. Из него легко высекать различные формы, поэтому с мрамором так любили и любят работать скульпторы.

В природе существует огромное количество видов мрамора. Их классифицируют по цвету, по особенностям структуры и текстуры, по размеру зерен, слагающих породу, и по месту добычи.

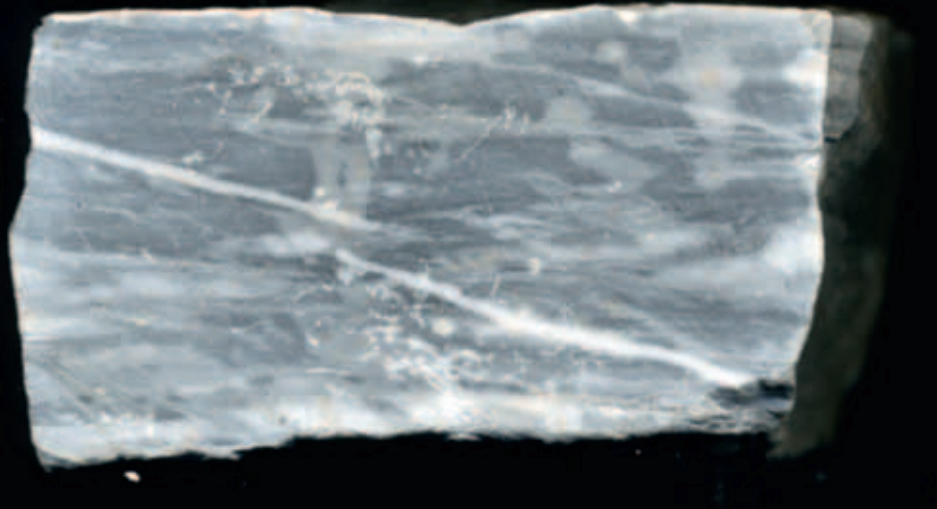
Уникальными и неповторимыми по своей красоте являются изделия из белого мрамора, который так любили использовать в строительстве и архитектуре древние греки. Белый цвет — у чистого скульптурного мрамора, черный, серый до темно-серого — за счет примеси графита и битуминозных веществ. Мельчай-

▲ Мраморный оникс

шие включения минерала хлорита или амфиболов окрашивают мрамор в зеленые цвета. Розовый, красный, желтый и кремовый — за счет включений гематита и лимонита. Широко распространен мрамор пестрой, пятнистой окраски. Это связано с условиями образования породы. В результате он приобретает разнообразную структуру, изменчивое содержание примесей и обилие жилок кальцита.

Известные месторождения мрамора

Мраморные породы широко распространены в земной коре. Наиболее известные в мире месторож-

дения мрамора расположены в Италии и Греции, которые разрабатываются людьми много веков. Особенно ценится знаменитый белый мрамор, добываемый в районе Каррары в Центральной Италии. Не менее известны греческие месторождения Парос и Пантеликон, мрамор которых использовался для изготовления многих знаменитых скульптур и памятников древности. В настоящее время эти месторождения объявлены памятниками природы и охраняются законом. Добыча мрамора из них строго ограничена и разрешена лишь с целью реконструкции древних памятников искусства.

Одно из наиболее известных российских месторождений мрамора – Шокшинское, расположенное близ села Шокша в Прионежском районе Республики Карелия. Здесь добывают красивый розовый мрамор, которым отделаны многие известные сооружения и памятники.

Большое разнообразие месторождений мрамора находится на Урале.

В настоящее время открыты и разведаны десятки месторождений, самых разнообразных по своим декоративным качествам: окраске, структуре, рисунку, текстуре. К наиболее известным мраморам Урала относятся Коелгинское и Айдырлинское месторождение белого мрамора. Он отличается высокой пластичностью и легко поддается обработке. Красной, сиреневой и розовой окраски мрамор добывается в Нижнетагильском районе. Серый и голубовато-серый – на Мраморском и Уфалейском месторождениях. Черный мрамор добывают на Першинском месторождении.

Немного истории

История добычи и обработки мрамора на Урале тесно связана с одним из старейших и извест-

ных месторождений – Мраморское, которое расположено в 6 км от села Мраморское Полевского района Свердловской области. Впервые выходы «мраморного камня» в здешних местах были обнаружены старателями Степаном и Петром Бабиными в 1730 году. Открытие самого месторождения состоялось летом 1736 года. В 1738 году началась добыча мрамора и возникло поселение, первоначально получившее название Горнощитская мраморная ломка. Основание в 1765 году мраморного завода на месте ранее существовавших кустарных ломок дало начало селу, получившему позднее современное название Мраморское. В соседнем с ним Северском заводе была построена мельница для резки и полировки мрамора. Позднее на реке Чусовой была открыта пристань для отправки в Петербург шлифованных мраморных досок.

Уже в середине 18 века прославились мраморские камнерезы, герои многих бажовских сказов, пронесшие эту славу до наших дней.

Крупными мастерами по обработке мрамора были Никита Яковлев, Михаил Горяинов, Тимофей Зимин. Они превосходно знали камень, получили архитектурное образование, хорошо рисовали, то есть были не ремесленниками, а художниками камня. Под их руководством и была воспитана целая плеяда уральских мастеров по обработке мрамора.

Архитектура восемнадцатого века в России определяла стиль эпохи. За нею шли в декоративное искусство и скульптура, и живопись. Камнерезное дело тоже

Мраморское

в основном «прикладывалось» к архитектуре. Почти всё, что готовилось из мрамора в Екатеринбург и на Горнощитском мраморном заводе, делалось по заказам архитекторов. Во второй половине 18 столетия именно Урал выполнял основные заказы для важнейших строек Петербурга и Москвы.

Очень много архитектурных деталей: колонн, капителей, фризов, цоколей, ваз, каминов – готовили на Урале «к строению Зимнего дворца», который постоянно расширялся и перестраивался. Уральские мастера-мраморщики участвовали в создании Палладиевого моста в Царском Селе, Мраморного дворца в Санкт-Петербурге и других крупнейших сооружений того времени.

Мраморные изделия уральской работы высоко оценивались крупнейшими архитекторами России. Сотни мраморных колонн, мраморные стены, мраморные барельефы на темы из русской истории – всё это должно было быть настоящим гимном русскому мрамору.

Уральские мраморщики работали не только для Петербурга и Москвы. В 1780-х годах, когда капитально ремонтировали главное храмовое здание Сибири – Софийский собор в Тобольске, уральцы изготовили для его новой паперти базальты, пьедесталы, капители, наличники.

Примерно в это же время строится в Тобольске трёхэтажный дворец генерал-губернатора, в трон-

Нижний Тагил

ном зале которого принимали саванников и иностранных послов с Востока. В убранстве этого дворца были использованы вазы и другие изделия из мрамора уральской работы.

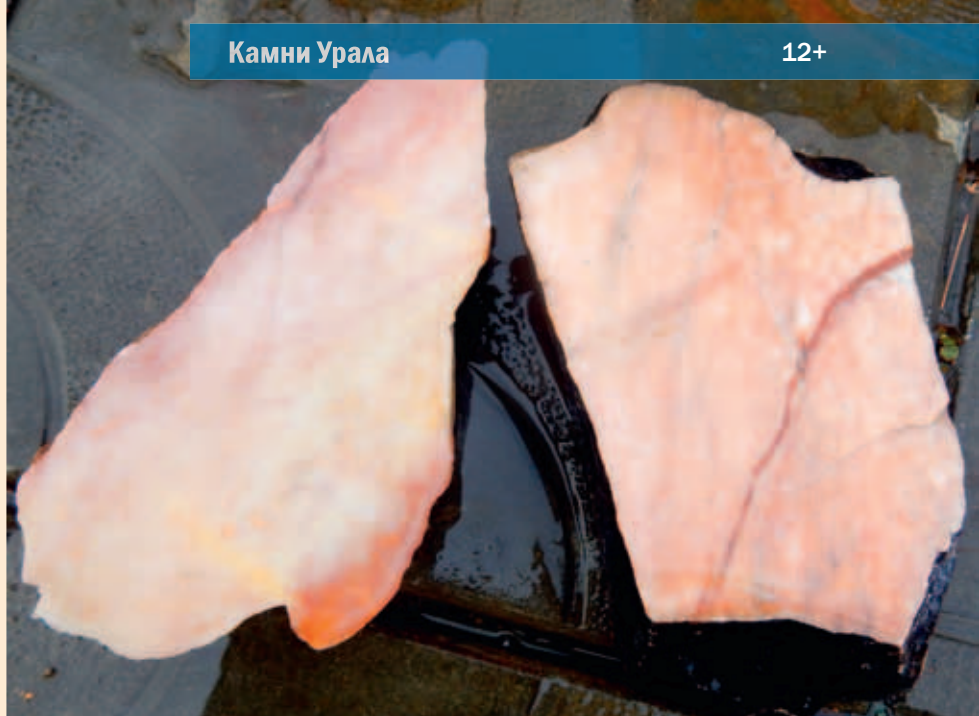
Во второй половине 18 века художественная обработка мрамора на Урале достигла своего совершенства. Поистине поражает творческий поиск уральских мраморщиков, который привёл к высокому качеству обработки и большому разнообразию изделий. Уральские мастера готовили из мрамора не только архитектурные детали, но и декоративные изделия: «античные» вазы, чаши, пирамиды, художественные надгробия, а также массу самых разных мелких изделий.

Обработка мрамора

Даже самый красивый мрамор, находясь в естественных природных условиях, не такой уж привлекательный. Чтобы показать всю красоту камня, необходимо немало потрудиться над ним. И здесь без мастера не обойтись! Только он знает, как из природного невзрачного камня сделать изделие удивительной красоты.

Несмотря на то, что мрамор достаточно мягкая порода, он требует к себе особого подхода. При этом важно соблюсти технологию и очередность работ, и тогда камень оживет и заиграет всеми своими красками.

Поверхность мрамора обрабатывают двумя основными способами: термическим и механическим. Основная задача каждого — добиться идеально ровной и гладкой поверхности.

При термической обработке поверхность камня нагревается до высоких температур или подвергается воздействию высокого давления. Такая технология обработки чаще всего применяется на промышленных предприятиях, где есть необходимые мощности и оборудование.

При механическом воздействии поверхность камня обрабатывают различными абразивными инструментами. Такая технология обработки мрамора применяется как на специализированных предприятиях, так и отдельными мастерами по камню в камнерезных мастерских.

Вначале мастер из большой мраморной плиты нарезает заготовки необходимого размера. На производстве для этого используют гидроабразивные инструменты, позволяющие сделать края заготовок ровными, избежать появления мелких дефектов. В камнерезных мастерских используют алмазные диски.

В результате распиленный мрамор обладает неравномерной и шероховатой поверхностью с хорошо выраженным рисунком. Для того чтобы ее выровнять и подготовить камень к полировке, применяют следующий этап обработки — шлифовку.

Процесс шлифовки поверхности мрамора делится на два этапа. Вначале проводят грубую шлифовку для того, чтобы убрать мелкие сколы и царапины. Затем проводят финишную шлифовку мрамора специальными шлифовочными машинами. Процесс шлифовки

▲ Становлянка, Берёзовский район

приводит к образованию чистой, выровненной, но не блестящей поверхности, на которой отсутствуют трещины, неровности и царапины. Полировка — завершающий этап обработки. Позволяет продемонстрировать во всей красе художественные свойства мрамора. Часто мрамор полируют до зеркального блеска. Для полировки используют специальные пасты и другие средства.

Применение мрамора

Благодаря богатству рисунка, простоте обработки мрамор с давних времен применялся в качестве облицовочного и строительного материала, а также для изготовления скульптур, колонн, чаш и ваз. Мрамором декорировали многие культовые постройки. Мраморные изваяния и барельефы украшают парки и дворцовые комплексы во всем мире.

В наши дни мрамор также используется в строительстве и архитектуре, преимущественно как декоративный и отделочный камень. Из мрамора сооружаются скульптуры и надгробья, фонтаны и лестницы, полы, столешницы, облицовываются наружные и внутренние стены зданий и сооружений.

Неповторимый узор мрамора, контрастные цветовые переходы и широкая оттеночная палитра — это бесконечный источник вдохновения для мастеров во все времена. **УГ**

Владимир Бахмутов

Выпускник Свердловского горного института. Работал на Урале, в Забайкалье, Красноярске. Кандидат технических наук, мастер художественных народных промыслов (по решению Красноярского краевого Управления культуры), член Российского Союза писателей, Председатель Красноярского регионального отделения РСП. Живет в Красноярске.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

► В. Васильев. Медной горы Хозяйка

Те, кто читал сказы
Бажова, знают, что такое
Гумёшки. Это тот самый
медный рудник, где
властвовала сказовая
Хозяйка медной горы.

Та, что за смелость
облагодетельствовала
малахитовой шкатулкой
Степана-горщика, увлекла
Данилу-мастера идеей
каменного цветка-
дурмана, сгубила того
и другого пристрастием
к камню.

У Хозяйки медной горы

Гумешки

Добычу медной руды в ямах-закопушках вели на этом месторождении с незапамятных времен. Первые шахты был заложены в петровское время. Почти столетие месторождение разрабатывалось многочисленными мелкими шахтёнками и шурфами. Мировую известность рудник получил, когда на глубине около 100 метров среди медистых глин были обнаружены сростки самородной меди и крупные включения малахита. В 1770 году на руднике была добыта глыба малахита весом более 2,7 тонны, часть её до сих пор хранится в Минералогическом музее горного института в Петербурге. К середине XIX столетия Гумёшевский руд-

ник приобрёл всемирную известность как основной поставщик этого изумительного по красоте и рисунку зелёного поделочного камня.

Малахит этого месторождения был удивительно красив. Он использовался для изготовления ювелирных украшений, им отделаны декоративные вазы и колонны малахитового зала Эрмитажа, украшен зал Версальского дворца, колонны главного алтаря Исаакиевского собора в Петербурге.

Условия работы в шахтах Гумёшек усложнялись большим водопритоком из близ расположенных прудов и реки Железянки. Еще в 50-х гг. XVIII века на руднике под руководством замечательного русского изобретателя Козь-

► Курильница. 1843.
По рисунку И.И. Гальберга

мы Фролова была сооружена первая гидросиловая установка протяженностью более километра — от плотины Штангового пруда до рудника. С помощью этой установки энергия вращаемого водой колеса передавалась с помощью штанг к насосам водоотлива и барабанам подъемных установок шахты. Со временем появились и более совершенные технические средства. Тем не менее, к концу XIX столетия, когда основные запасы месторождения были отработаны, рудник был заброшен и в течение короткого времени самозатоплен. Былая слава Гумёшек сохранилась лишь в памяти жителей Полевского, оживленной сказами Павла Петровича Бажова «Каменный цветок» и «Малахитовая шкатулка», которые были опубликованы в 1939 году, вскоре получили всенародную любовь и признание.

В 1938 году на заброшенном Гумёшевском руднике геологи открыли новые большие запасы так называемых скарных медных руд. В начале 40-х началось строительство нового рудника, — проходка ствола шахты «Южная» и восстановление старинного ствола шахты «Георгиевская», который намечались использовать для вентиляции. Завершению работ помешала война.

В 1950 году работы по строительству рудника были продолжены. При проходке штреков и квершлагов на верхних горизонтах были вскрыты старые горные выработки, соединенные со стволом шахты «Георгиевская», которые, как и планировалось, стали использовать в качестве вентиляцион-

▲ Малахит. Месторождение Гумешевское

ных. В 1958 году Гумёшевский рудник вновь вступил в строй действующих предприятий.

Встреча с сокурсником

В 1961 году я окончил Свердловский горный институт по специальности «Подземная разработка рудных месторождений». За год до окончания института женился, и ко времени защиты дипломного проекта у нас уже родилась дочка Наташа, — наша с женой гордость и объект всякого рода забот и переживаний.

Вообще-то по распределению я должен был ехать в Норильск, — желанное место работы многих моих сокурсников. Но руководство кафедры, не знаю, из каких уж соображений, предложило мне работу на кафедре в качестве инженера научно-исследовательского сектора. Нам с женой, натерпевшимся жизни на студенческую стипендию и мои жалкие вечерние приработки

на разгрузке вагонов, хотелось большего, чем несчастные 120 рублей зарплаты в этой должности. Но заведующий кафедрой — Борис Константинович Середя (царствие ему небесное, — хороший был мужик), глядя на меня страшными глазами, говорил:

— Да ты что-о-о, с малым-то дитем? Да ты знаешь, какие там морозы? Там и молока-то настоящего не найдешь, одно только сухое, порошковое. А здесь поработаешь с годик, — в аспирантуру поступишь, диссертацию защитишь, вот тебе и заработок будет, со степенью-то...

Вообще-то насчет ребенка это был запрещенный прием. Знал он, конечно, что и морозы там вполне терпимые, и что дети малые там живут, не помирают. А диссертация, я так понимал, — это журавель в небе. Но убедил все-таки — остался я на кафедре. Жена до сих пор упрекает меня, что не поехали мы в Норильск. Думает, небось, что если бы я поехал в Норильск, то был бы сейчас олигархом вроде Потанина с Хлопониньим. Но не об этом речь.

Не успел я привыкнуть к новым своим обязанностям, как меня отправили в командировку в недалекий поселок Полевской — всего-то в 40 километрах от Свердловска. Дело пустяковое — подписать в тамошнем рудоуправлении какой-то протокол или что-то в этом роде, сейчас уж я и не помню.

Поездка в Полевской была для меня счастливой возможностью познакомиться с местом, где жили и творили герои бажовских сказов и властвовала сказочная Хозяйка медной горы. Прибыв на место, сразу же направился в рудоуправление, подписал там пресловутый протокол и на выходе вдруг столкнул-

◀ Малахитовый зал Зимнего дворца. 1865 г.

ся со своим недавним сокурсником — Вовкой Косопцовым, или «Косопцом», как мы его называли за глаза.

Понятное дело, после работы мы уже шли вместе к нему в гости, в новую, только что полученную квартиру. По дороге купили бутылочку и кое-что на закуску. Володя рассказал мне, что его назначили главным инженером недавно восстановленного Гумешевского рудника. Было чему удивиться: только окончил институт — и сразу главным инженером.

Тёзка еще холостяковал, и квартира его оказалась совершенно необустроенной. Но стол на кухне и к нему три табуретки были, нашлись и пара стаканов с тарелками и вилками. Так что минимальный джентльменский набор был обеспечен.

Сели, выпили по первой, как это было принято у нас еще в студенческие годы, — «за тех, кто в забое». После краткой информации, которую он имел о наших однокурсниках, — кто, где и как устроился, кто женился, у кого ребенок родился, тёзка приступил к волновавшей его проблеме. Стал рассказывать о том, что на сотом горизонте, решая вопросы вентиляции, проходчики подсекли старые горные выработки, пройденные лет двести тому назад, когда на руднике велась добыча малахита.

Тема захватила меня, я замер, стараясь не пропустить ни единого слова. У меня, как, наверное, и у любого молодого горного инженера, уважающего свою профессию, была дома минералогическая коллекция. Не так, чтобы большая, но были там и очень даже неплохие и интересные образчики. Всеми возможными способами я пополнял её, и уже задумывался над тем, не завести ли для неё особый шкаф. Ну и, само собой, хороший образец малахита был для меня весьма желателен, еще лучше — несколько, на обмен.

— Ну, а пройти-то туда можно? — спросил я с надеждой.

— А шут его знает, — отвечал он мне на это, — как только сбойку сделали, дым после взрыва махом вынесло,

тянет хорошо. Там ведь на фланге старого шахтного поля — ствол шахты «Георгиевская». Его сейчас восстановили, используют как вентиляционный. Одним словом, сквознячок хороший, а это значит, что сплошных завалов там точно нет. А ходил ли кто туда — не знаю. Если даже и ходил, то вряд ли скажет. Директор рудника на всех столько страху нагнал: там де и завалы, и карстовые пустоты — провалиться можно, и всякое такое-прочее. Директора-то понять можно: узнают работяги, что там малахит добывали, удержи-ка их потом. Ты думаешь, мы одни такие любопытные?

Мы помолчали, обдумывая ситуацию. Выпили по второй.

— Я хотел туда слазить, — продолжил тёзка, — но одному, сам понимаешь, — рискованно, мало ли что. А с кем-нибудь, так я здесь с людьми еще слабо знаком, скажешь кому, а он, не дай бог, растреплется и все дело испортит, только лишние проблемы появятся. А тут увидел тебя, вот с тобой, думаю, можно. Ты как?

— Пойдем, конечно, какой вопрос. Только надо обдумать все как следует.

— Ты там, в институте, тоже не трепись на эту тему, лучше, чтобы никто об этом не знал.

— Конечно, да и кому там это интересно, — ответил я с сожалением, что не смогу поделиться на кафедре столь интересной новостью. Но вспомнил вдруг о Витальке Токмакове, ассистенте с кафедры вентиляции. Он тоже заядлый коллекционер, к тому же на редкость ушлый и настойчивый малый. Если он узнает об этих старых выработках — всю кафедру на уши поставит и босса своего сагирует, придумают необходимость проведения на руднике какой-нибудь срочной работы по совершенствованию вентиляции. Сам ползет в эти выработки со своими вертушками* и дипрессиомером измерять параметры воздушного потока. И тогда забудь про малахит — все выгребет. И вправду, подумал я, нужно держать язык за зубами.

— Там хоть проход-то в эти выработки есть?

— Да есть конечно. Я же говорю тебе, что выработки эти для вентиляции используют. Перед сбойкой штрек перегородили только досками крест-накрест, чтобы проход воздушной струе был, и повесили объявление: «Вход запрещен. Опасно». Кто-то еще череп с костями пририсовал, ну, как на столбах высоковольтных линий, — «не влезай, убьёт!».

— А что возьмем с собой?

— Об этом я уже думал. Во-первых, фонари хорошие с новыми аккумуляторами, и проследить, чтобы хорошо заряжены были. Ну, это я девушек в аккумуляторной попрошу, они там для меня в лешенку расшибутся!

— Еще бы, — не удержался я, — холостой, еще и главный инженер. Тебя, небось, и в столовке девки закармливают?

— А то, — снисходительно бросил Вовка. — Веревку нужно взять, — вернулся он к прерванному разговору, — вдруг там и в самом деле карстовые пустоты. Если, не дай бог, кто провалится, так хоть будет чем выгнать.

— Надо бы какую-то емкость взять, если малахита наковыряем, чтобы сложить было куда, — мешок или еще что-то.

— Это я на складе попрошу дать мне пару сумок, в которых взрывники взрывчатку носят. Они удобные, — через плечо, руки свободные и ёмкость у них приличная.

— А отбивать породу, колупать включения малахита чем? Бажов писал, что горщики обушком работали. Да где его взять, обушок-то, а тащить с собой кайлту — не совсем удобный это инструмент для такой работы. К тому же по пути может быть через завалы или осыпи придется перелезть, а тут рука занята, да и тяжелая она тащить её за собой.

Володя задумался, мне тоже ничего дельного в голову не приходило.

— А ты знаешь, зайду-ка я к геологам, попрошу у них пару геологических молотков поувесистей. Они, пожалуй, ближе к бажовскому обушку.

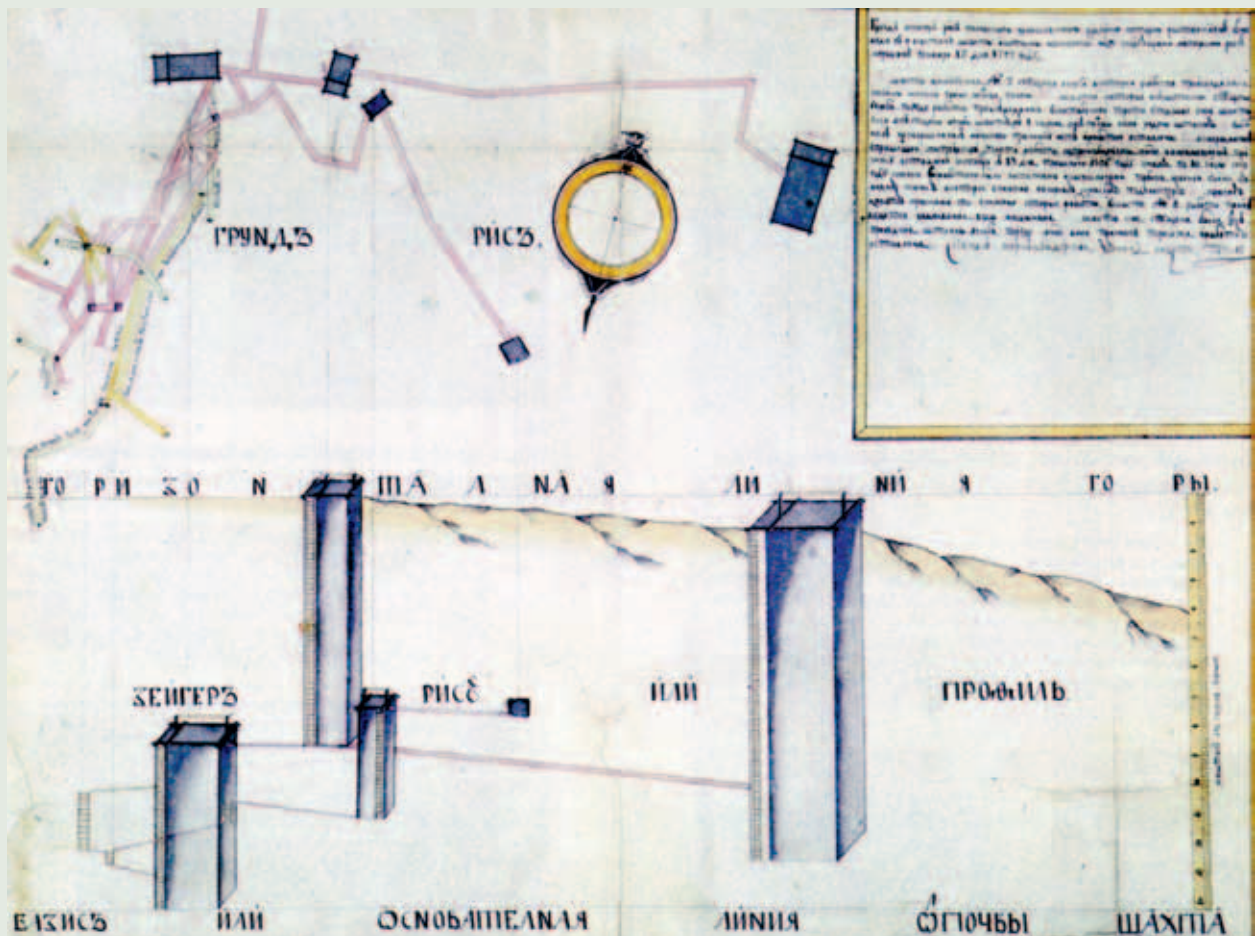
— И верно, — обрадовался я неожиданно найденному решению.

За разговором незаметно допили бутылочку, подмели и немудреную нашу закуску. Направляясь в гости к товарищу, я думал, что у него и переночую, а тут увидел, что и сам-то он живет по-походному. Не спать же на голлом полу. Нужно было позаботиться о ночевке.

— Слушай-ка, а до Змеиной горки здесь далеко? Ну, той самой, где Данила-мастер нашел глыбу малахита, из которой сделал каменный цветок, — не покажешь мне?

► Гумешевский рудник

▲ Чертеж Гумешевского рудника. 1747 г. Н. Попов. Екатеринбург

— Да какой там далеко, — здесь все рядом. Это, когда книжку читаешь, кажется, что все далеко, — Гумешки, Северский пруд, Змеиная горка, Чусовая, Мраморское. А на деле-то здесь всё рядом. За двадцать минут и до Мраморского можно добраться. Пойдем, я у Змеиной горки и сам-то только один раз бывал.

Вышли, пошли по поселковой улице. За разговором не заметил, как свернули на проселок среди полей. Вскоре вдалеке увидели заросший лесом пригорок с каменным нагромождением на макушке — Змеиная горка. Скажу по правде, она не произвела на меня особого впечатления. У нас в Свердловске Каменные палатки близ Шарташского озера куда более впечатляющие. Подошли поближе к скалам, постояли, глядя в замшелые каменные ступени, молодые побеги березок в трещинах на камне.

— Сказка, она и есть сказка, — в задумчивости проговорил Володя. Потом, уже обращая ко мне, заявил:

— Не могла здесь оказаться малахитовая глыба, здесь же кругом гранит — совсем другая разновидность пород.

— Ладно, пойдем что ли, — прервал я размышления товарища, — надо с ночевкой устроиться, завтра у нас с тобой будет немало дел.

В восемь утра я входил в кабинет своего однокурсника. Обратил внимание, что на стуле возле стены уже лежали моток веревочного троса и две новенькие сумки взрывников из прорезиненной ткани с маленькими ремешками-застежками на боку и широкими наплечными ремнями.

— Когда ты успел? — спросил я, но он, не отвечая на вопрос и не здороваясь, будто мы расстались минутой назад, приглашающим жестом указал на стул возле себя. На его рабочем столе был развернут какой-то чертеж. «План горизонта — 100 м», — прочитал я наверху и вместе с ним склонился над листом. — Вот, смотри, — ствол, по которому будем спускаться, квершлаг, штреки по рудному телу, — водил он по чертежу карандашом, как указкой, — вот сбойка, о которой я тебе говорил, а дальше — старые выработки.

Параллельные линии, изображавшие горные выработки в том месте, на которое он указывал, сблизились, превращаясь в эдакого тощего червячка, который время от времени раздувался, где вдвое, а где и вчетверо, и так почти до самого края чертежа.

— А на фланге, — показал Володя на квадратик в конце «червячка» — ствол шахты «Георгиевская». Сейчас там, в копре, установили вентиля-

тор главного проветривания, работает на вос.

— Выработки-то какие узкие, — невольно вырвалось у меня, — а что это за раздувы? И вообще, откуда он, этот план?

— Маркшейдеры, наверное, в архивах нашли. Сделали вот масштабную корректировку и привязку к современному плану. Узкие выработки, говоришь? А зачем им широкие-то были тогда? Им же только трап уложить, чтобы в тачках руду откатывать, ну, и канавку сделать для водоотлива. А вот раздувы почему, я и сам толком не пойму. То ли это обрушения показаны, то ли... — Володя вопросительно посмотрел на меня, потом вдруг воскликнул: — Так это, наверное, и есть те самые забои, в которых они обушками да каёлками руду колупали. Помнишь, как об этом в сказах Бажова написано?

Озабоченно посмотрев на часы, сказал:

— Ну, ты смотри план, а я схожу к геологам, уже подошли, наверное, — насчет молотков-то геологических. **У**
(Продолжение в след. номере)

Еретическая пепельница

«... чем возвышеннее задание, чем пророчественнее, тем злее пародия...».

С. Н. Булгаков

Радикально изменившие ход российской истории революционные события вновь пробуждают интерес к предшествующей эпохе — с начала 20 века до 1917 года, — для которой характерной чертой стало богоискательство русской интеллигенции. Надо ли говорить, что в феномене одной из самых тончайших эпох русской культуры, названной философом Николаем Бердяевым «серебряным веком», больше отразился цвет обмирщенной образованности, чем идеал русской святости. Ироническое тому подтверждение — сюжет, воспроизведённый на пепельнице (см. «Неизвестные Касли»/«Уральский следопыт», 2015, № 11), значение которой в контексте богоискательства символически соответствует «критерию» лжеиконы.

В настоящей статье выдвигается версия о принадлежности эскиза «еретической» пепельницы авторству М. В. Добужинского (1875–1957) — мастера книжной графики, театрально-декорационного оформления и бесчисленных эмблем.

Атмосферу предреволюционного «безвременья», когда «многим стало казаться, что вновь войти в Церковь можно только через *опрошение* [курсив мой. — Е. Г.], через слияние с народом, через национально-историческую оседлость, через возвращение к земле»¹, отражает образно-символический язык иллюстраций, исполненных в 1917 году М. В. Добужинским к сказке Г.-Х. Андерсена «Свинопас».

В самой сказке прочитывался намёк на десакрализацию самодержавной власти, которая, согласно Основным Законам Российской Империи, «блела правоверие и всякое в Церкви Святой благочиние»; в представлении общественного сознания она перерождалась в «хлыстократию». Появление при Дворе «продувного» сибирского мужика — не то «хлыста»², не то юродивого — Григория Распутина, его вмешательство в дела государства, а вместе с фрейлиной Вырубовой и в дела Святейшего Синода, вызывало недоумение, в том числе великих князей. Православный Государь сыскал-таки пророка из народа...

В иллюстрации к фрагменту сказки, где с балкона дворца Императору предстаёт у свинарника сборище фрейлин — не иначе как «бесноватых», — Добужинский схематично пририсовывает рядом со сказочным Императором раскрытую табакерку, знаменуя суету *мирского* государственования. Табакерка, о которой ничего не сказано в тексте сказки, становится неотъемлемой частью горизонтальной плоскости массивных балконных перил, служащих Императору опорой и оградой (или пресловутой «серединой»), каковыми положено быть государственной церковности. Печально известна фраза бывшего сподвижника и единомышленника П. А. Столыпина — министра А. В. Кривошеина, оценившего, в условиях затянувшейся и во многом неудачной войны с Германией, внутреннюю политическую ситуацию и состояние дел Церкви в 1916 году: «Когда царизм, почуяв опасность, захочет на неё опереться, вместо Церкви окажется пустое место. Право, и сам порою начинаю верить, что Распутин — Антихрист...»³

«Мы переживаем совершенно своеобразное и исключительное явление — хлыстовство самой власти, — писал Н. А. Бердяев — [...] Стихия эта давно уже не преобладает в народной жизни, но она всё ещё способна выставлять своих самозванцев, которые придадут нашей церковной

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Елена Галкина

Родилась в 1962 г. Специалист по рекламным проектам. В настоящее время домохозяйка. Живет в Екатеринбурге.

► Фрагмент иллюстрации к сказке «Свинопас»

В иллюстрации к «Свинопасу» крючкообразный силуэт «тёмного» персонажа — лжесвинопаса — ассоциирован с загнутой в форме крючка тростью (или условным «хлыстом»), который тот держит в руке, о значении которого говорить следует как об уловке — атрибуте дьявола.

▲ Иллюстрация к сказке «Свинопас» (1917 г.) воспроизведена по книге: Г. И. Чугунов «Мстислав Валерианович Добужинский» (Л., 1988)

▲ Пепельница «Нюхальщица табака» (конец 19 — начало 20 в.), Касли

Известно изображение дьявола, опирающегося на трость, в иконе «Рождество Христово», восходящей к школе новгородского или псковского письма, где тот в образе пастуха искушает Иосифа — обручника Приснодевы-Богородицы (символизирующей в богословии Церковь). «Дьявольский характер инсинуации выдаёт себя в нём лишь подлым изгибом спины», скажет в одной из публичных лекций 1916 года, посвящённых русской иконе, религиозный мыслитель Е. Н. Трубецкой (см.: Князь Евгений Трубецкой «Два мира в древне-русской иконописи»/«Три очерка о русской иконе»; Новосибирск, «Сибирь 21 век», 1991, с. 59–60).

Уроженец Новгорода Добужинский, вероятно, не мог обойти вниманием исследование, имеющее отношение к духовным памятникам своей малой родины, — применил элементы «новгородской» иконографии для создания своего образа самозванного свинопаса.

► Икона «Рождество Христово» (первая половина 15 века)

◄ Фрагмент иконы «Рождество Христово» (изображение Дьявола в образе пастуха)

Гравюры Д.Н. Ходовецкого (1726–1801): «Читающий крестьянин» и «Поющая старуха». Работы этого немецкого мастера — старшего современника литературного сказочника Э.Т.А. Гофмана, — отличающиеся остротой трактовки бытовых ситуаций, ценил и собирал всю жизнь Добужинский (см.: Г.И. Чугунов «Примечания»/М.В. Добужинский «Воспоминания»; М., «Наука», 1987, с. 416).

и государственной жизни тёмно-иррациональный характер, не просветимый никаким светом».⁴

Рудиментарное язычество, распространяясь за пределы своего деревенского ареала, в начале века 20-го становилось в образованных кругах столичной публики (не чуждых богоискательства) своеобразной модой, бросившей вызов официальному православию, проповедующему, по мнению этих кругов, «излишний аскетизм» и «умерщвление плоти». Не случайно хлыстовству, связанному, по словам Бердяева, «с неверным, болезненным взаимоотношением мужественного и женского начала в русской народной душе»⁵, сопутствовал, по образному выражению Андрея Белого, «дух распутства», который наблюдал в столицах этот яркий представитель серебряного века.⁶

В среде же приверженцев хлыстовства, объединявшихся в общины во главе с новоявленными «христами» и «богородицами», наблюдались попытки организовать его по церковному образцу...

Если следовать принципу иконологии, который наглядно постулирует иерархическую неравноценность двух сфер бытия, нетрудно заметить, как «мирское», например, в сценке-сюжете с табакеркой (т.е. «чертовщиной») и Ньюхальщицей (её прислугой), претендовало на статус «сакрального», не по чину «разместившись» в круглой, значит, сакраментальной, обрамлённой, в соответствии с той же коннотацией, точечным орнаментом форме пепельницы, — достойное саморазо-

блечение самозванства! Как Личина, выражающая *бесовскую* одержимость, «Нюхальщица» предполагает того же рода *лукавую относительность* в вопросе половой принадлежности: либо переодетый в женское платье мужчина, либо мужеподобная дама — словом, «мужеженщина». С точки зрения православной апологетики — хлыстовский соблазн взаимной одержимости, или *демонический дублет соборности!*

Предложенная вниманию читателя пепельница демонстрирует близость к немецкому искусству и, вместе с тем, присущие творческой манере М. В. Добужинского особенности: использование схем, шаблонов, а также идей, опосредованных любовью художника к «миру Андерсена» и культивируемой участниками художественного объединения «Мир искусства» (к которому принадлежал Добужинский) так называемой «гофманщины», — другими словами, иронически переосмысленных, трансформируемых нередко в изысканную фантазмагорию, всевозможных противоречий несовершенного мира.

Фантастический настрой, которому охотно предавались в столице Империи художники и литераторы, давал иногда в синтезе с переживанием российских реалий не менее фантастические отголоски «русского лада». О хулиганском проявлении такого рода свидетельствует история создания книги «Что есть табак...» (СПб., 1908), «написанной на святках» А. М. Ремизовым, с иллюстрациями «мирикутника» К. А. Сомова, где в значитель-

ной степени фривольно обыгрывается апокрифическая версия происхождения табака, имеющего благоуханный цвет, но природу самого Дьявола...

Таким образом, на Урале, в Каслях, практически неизвестным частным заводиком была отлита в чугуне, по якобы немецкой модели, уже знакомая читателю пепельница... Надо сказать, уральские земли были одним из оплотов старообрядчества, пребывавшего в исторической оппозиции к императорской власти и в течение почти двухсот лет рассматривавшего в ней «антихристову прелесть».

Что касается личных мотивов М. В. Добужинского, предполагаемого автора карикатуры на хлыстовскую ересь, то ему, внуку видного новгородского протоиерея и сыну генерала-артиллериста (который в 1915 году возобновил военную службу, несмотря на почтен-

▲ Фрагмент иллюстрации из книги: Г.И. Чугунов «Мстислав Валерианович Добужинский» (Л., «Художник РСФСР», 1988).

В качестве примера использования шаблона (верхняя часть контурного рисунка) совмещены методом калькирования «дама» (фрагмент иллюстрации М.В. Добужинского к стихотворению А.С. Пушкина «Город пышный, город бедный...», 1902 г.) и рука целующегося «свинопаса» (фрагмент иллюстрации к сказке «Свинопас», 1917 г.).

В нижней части рисунка светлым контуром воспроизведена фигура с фотографии пепельницы «Нюхальщица табака».

При сравнении полученных изображений очевидно сходство отдельных деталей (крупное плечо и положение кисти левой руки («руки свинопаса»); локоть правой руки, поднесённой к лицу, и складка рукава у запястья; широкий воротник костюма и т.д.), но не только. Метафора «одержимости» достигается схемой построения фигур с характерным, относительно оттопыренным локтем, наклоном корпуса, как бы сопряжённым с глубиной внутренней ущербности, — тот же наклон корпуса встречается в одном из вариантов изображения Искусителя в европейском облике — он же Дьявол — в иконе «Рождество Христово». Персонажи эти, вводящие в заблуждение своей страстной волей, перефразируя учёного и священника П.А. Флоренского (посвятившего немало работ исследованию смысла символа), корреспондируются с «лжесуществами», которые «немецкие предания, так и русские сказки, признают нечистой силой, пустою внутри, корытообразной или дуплообразной, без стенового хребта» (см.: П.А. Флоренский «Иконостас. Избранные труды по искусству»; СПб., «МИФРИЛ. Русская книга», 1993, с. 30).

► Фрагмент иллюстрации из книги: М.В. Добужинский «Воспоминания» (М., «Наука», 1987).

ный возраст), в семье было привито незаурядное чувство ответственности. Как известно из «Воспоминаний» художника, он безусловно чтит память исторического родственника, «настоящего аскета-постника» архимандрита Фотия — духовника императора Александра I, победоносно завершившего войну с узурпатором На-

полеоном. В определённом смысле идеализированная История, надо полагать, резко контрастировала с теми современными событиями, что в преддверии рокового «семнадцатого года» стремительно развивались по закону сказочной формулы: в некотором Царстве — христианском Государстве завелась Чертовщина...

◀ Рисунок М.В. Добужинского 1917 года по мотивам сказки «Свинопас»: Лукавый «погубитель» Империи торжествует...

- 1 Прот. Георгий Флоровский «Пути русского богословия»; Киев, «Путь к истине», 1991, с. 504.
- 2 Хлысты (искажённое «христы»), «христоверы» — религиозно-мистическая секта, основанная в конце 17 века в среде оброчных крестьян. По учению сектантов, Христос мог вселиться в каждого верующего, — таким образом утверждался языческий принцип «человекобожничества» и отвергался авторитет Церкви.
- 3 Н. М. Никольский «История русской церкви»; М., «Политиздат», 1988, с. 434–435.
- 4 Н. А. Бердяев «Тёмное вино»/«Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности»; М., «Мысль», 1990, с. 52, 53.
- 5 Н. А. Бердяев «Религиозные основы большевизма. (Из религиозной психологии русского народа.) Духовные основы русской революции»/Собрание сочинений, т. 4; Париж, 1990, с. 35–36. Цитирую по кн.: Протоиерей Георгий Митрофанов «Россия 20 века — «Восток Ксеркса» или «Восток Христа»; Ростов-на-Дону, «Троицкое Слово», 2004, с. 125.
- 6 А. Белый «Между двух революций»; М., «Худ. Литература», 1990, с. 315.

Возвращение приполярного оронима

На Приполярном Урале, примерно в 7 км на юго-запад от высшей уральской вершины Поэнг-Ур (Народная), находится Гора с современным картографическим названием Манси-Нёр. По соседству с Горой, несколько севернее, расположен Пик Дидковского, название которого было перенесено с Горы. Ниже сказ пойдёт об этих двух вершинах.

Обе вершины находятся на линии Главного Уральского водораздела. Расстояние между ними — около 1 км. Обе вершины возвышаются над обширным каром, в котором лежит ледник Манси. Восточные склоны обеих гор круто обрываются к леднику. В верхней части — почти вертикально. От ледника течет ручей — приток р. Манси-Шор, впадающий справа в р. Народа. Гора имеет мощный скальный восточный отрог. В южном направлении от Горы скальный Главный Уральский водораздел опускается на перевальное плато, расположенное между притоками рек Косью (на западе) и Манси-Шор (на востоке) и около восточного склона г. Блюхера. Примерно через 400 м на юг от Горы в юго-восточном направлении отходит

боковой гребень. Между восточным и юго-восточным гребнями лежит обширное безмянное озеро, из которого вытекает ручей, впадающий слева в р. Манси-Шор. Южные склоны юго-восточного гребня круто обрываются в узкую долинку левого притока р. Манси-Шор. Обычно в этой узкой долинке лежит длинный снежник.

От Горы к Пикку на север ведет скалистый гребень Главного Уральского водораздела, с башнями и бастионами, расположенными примерно на одном усредненном уровне. От Пика на запад отходит скалистый гребень, разделяющий два соседних правых притока р. Косью. От Пика на север скальный гребень круто опускается к перевалу между каром ледника Манси (на востоке) и правым притоком р. Косью (на западе).

Макушка Горы представляет собой огромный монолит с большими трещинами, по которым можно забраться на верхушку. Вершинная площадка — ма-

ленькая — места хватает для 3–4 человек. Верхушка Пика — это островерхий бастион, на котором вершинная площадка практически отсутствует.

Восхождение на Гору можно совершить либо из верховьев р. Косью, либо из долины р. Народы. Наиболее простой путь из верховьев р. Косью проходит от устья верхнего правого притока по увалу, расположенному между р. Косью и этим притоком, с траверсом покатою г. Блюхера. Далее — спуск на перевальное плато. А затем — вверх, на север, на Гору. Из долины р. Народа, можно от устья р. Манси-Шор, пройти вверх по последней до устья четвертого (снизу) левого ручья. Далее — по узкой заснеженной долинке этого четвертого притока, с выходом на перевальное плато и вверх на макушку Горы.

Восхождение на пик можно совершить также либо из верховьев р. Косью, либо из долины р. Народы. Из верховьев р. Косью на Пик можно подняться по нескольким маршрутам. Наиболее простой путь — через г. Блюхера на Гору — и далее на север, вдоль гребня Главного Уральского водораздела до Пика.

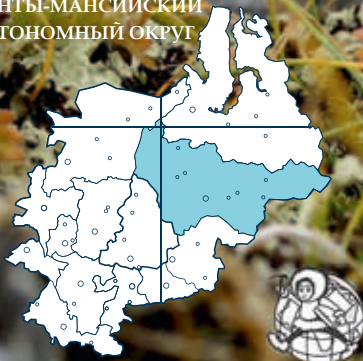
В т о -
р о й

Владислав Карелин

Заслуженный путешественник России, мастер спорта по туризму, действительный член Русского географического общества, уральский краевед, автор более 500 статей, в том числе в журнале «Уральский следопыт», начиная с 70-х гг. прошлого века.

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

▲ У подножия горы Манси-ньер

Фото Л. Поршуновой.

▶ Конечный вал ледника Манси

маршрут — от устья верхнего правого притока р. Косью, по западному гребню Пика до его вершины. Третий, наиболее сложный, маршрут — вверх по верхнему правому притоку р. Косью, до перевальной седловины. Далее — на юг, по крутому каменистому склону, на вершущку Пика.

Из долины р. Народы на Пик можно подняться по двум маршрутам. Либо через Гору и далее по скалисто-му гребню Главного Уральского водораздела, обходя бастионы с западной стороны. Либо по восточному отрогу, образующему северные склоны кара с ледником Манси, с выходом на перевальную седловину, расположенную над ледником Манси (выход из ледника Манси на указанный перевал практически чрезвычайно сложен и не рекомендуется). Далее по крутому каменистому склону на макушку Пик.

История названий рассматриваемых гор начинается в 1927 году. В этом году район Приполярного Урала обследовала Североуральская экспедиция Уралплана и Академии наук. Руководителем экспедиции был А.Н. Алешков. А топографо-геодезические работы выполнял С.А. Янченко, который в то время практически был ещё студентом Ленинградского государственного университета, так как всего лишь за несколько дней до отъезда на Урал

окончил курс университетских наук. В ходе экспедиционных работ Степан Алексеевич Янченко инструментально определил высотные отметки большого количества приполярных горных вершин. Среди них несколько вершин значительно превышали по высоте отметку горы Тельпосиз, считавшуюся до этого самой высокой вершиной Урала. Трем из этих высоких гор экспедиция дала названия: Народная (оказавшаяся высочайшей Уральской вершиной), имени Карпинского (президента Академии наук в то время) и имени Дидковского (организатора этой экспедиции). Таким образом, гора имени Дидковского в 1927 г. была нанесена на географические карты и размещалась над ледником Манси, что соответствует местоположению рассматриваемой здесь Горы.

Борис Владимирович Дидковский родился 3 мая 1883 г. в Житомире в дворянской военной семье поручика 127-го Путивльского пехотного полка. Прошел обучение в Киевском кадетском корпусе. Учился в электротехническом институте, а затем в университете в Петербурге, где начал заниматься революционной деятельностью. Полиция напала на след моло-

дого революционера. Его исключили из университета. Ему грозил неминуемый арест. С помощью товарищей он в конце 1905 г. уехал за границу.

Сначала он попал в Неаполь, но вскоре перебрался в Швейцарию. В Женеве, в университете, он успешно закончил курс геологических наук и получил степень бакалавра. В 1913 г. он, вместе с университетским профессором геологом Л. Дюпарком, отправился в Россию — на Урал — для ге-

▶ Кадет Б. Дидковский

▲ Ледник Манси и вершины Манси-нёр (слева) и Дидковского

ологической съемки платиноносного Павдинского округа. Здесь он почувствовал себя уральцем. И остался на Урале, начав службу на посту главного геолога Николае-Павдинского горного округа.

Наступила Февральская революция. Дидковский окупился в революционную деятельность. В марте он руководил правлением волостных съездов Павды и Кытлыма и вступил в партию большевиков. В октябре в Верхо-

турье он возглавил городской совет рабочих депутатов. А в декабре того же 1917 г. он в Екатеринбурге начал заниматься национализацией промышленности Урала. Осенью 1918 г. Уралобком направил его на Северный Урал, где он организовал отряд добровольцев в Павде и Кытлыме. Под натиском колчаковцев партизаны с обозом по глубокому снегу пробрались из Кытлыма до Молчана.

В мирное время, с 9 марта 1920 г., Дидковский начал в Екатеринбурге работу по организации горной промышленности Урала. В июле 1920 г. по поручению Уралпромбюро Борис Владимирович сформировал Уральский горный комитет, который возглавлял много лет. В это же время по поручению Уралбюро ЦК Дидковский занимался организацией Уральского университета и был его первым ректором. Ряд лет Дидковский работал заместителем председателя Уралплана. В этот период он и организовал североуральскую экспедицию совместно с Академией наук, участники которой присвоили имя Дидковского одной из высоких вершин на Приполярном Урале. С конца 1930 г. Борис Владимирович — управляющий Уральского ге-

ологического треста. В январе 1937 г. Дидковский по ложному доносу был репрессирован и погиб 24 февраля 1938 г. В 1956 г. Борис Владимирович был полностью реабилитирован.

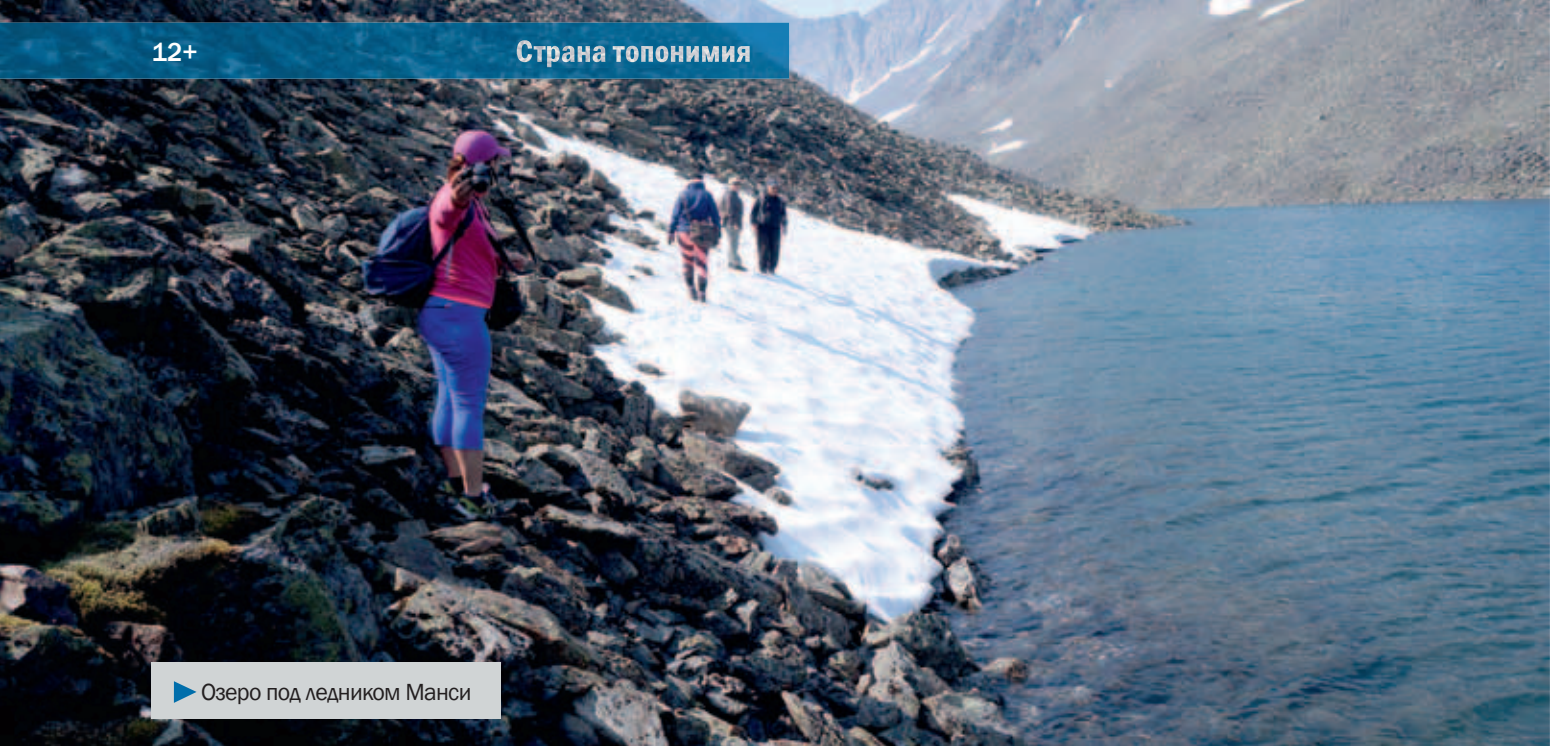
После репрессии Б.В. Дидковского его имя было стерто с географических карт Урала. А Горе присвоили имя Манси-Нёр, в честь народа Манси, освоившего Приполярный Урал с незапамятных времен. После реабилитации Бориса Владимировича, по предложению многочисленных соратников — геологов, работавших когда-то с Дидковским, имя Дидковского вновь появилось на уральской карте Приполярного Урала. Но оно был присвоено вершине, расположенной по соседству с горой Манси-Нёр. Эта гора имени Дидковского соответствует Пикку, рассматриваемому в настоящем описании.

По предложению М.Н. Букиной, вдовы Б.В. Дидковского, Свердловский клуб туристов организовал туристскую экспедицию, посвященную памяти Б.В. Дидковского, проведенную в четыре этапа.

На первом — туристы посетили район Кытлыма, где когда-то действовал отряд под командованием Дидковского. В поселках Кытлым, Тылай и Растес разыскали участников гражданской войны из отряда Дидковского. Записа-

◀ Б.В. Дидковский, 1930-е гг.

▶ Озеро под ледником Манси

ли их воспоминания. При этом большой вклад в работу экспедиционного отряда внесли школьные преподаватели г. Карпинска — А. Шумков и Е. Сердитых.

На втором этапе, в марте-апреле 1968 г., туристы залетели на вертолете в верховья р. Косью, где построили зимнюю избу. Отсюда совершили восхождение на Гору и установили там памятную плиту с текстом:

*«Памяти Дидковского Б.В.,
революционера ленинской
гвардии Урала
(1883–1938 гг.)».*

С большой теплотой вспоминаю я спутников моих в том восхождении — Ю. Гоголева, В. Клепицина. С ними довелось мне совершить немало количество сложных походов. Но особенно вспоминается это путешествие. Тогда нам удалось на Приполярном Урале в одном походе совершить восхождения на шесть (с хвостиком) вершин. При этом в условиях, когда температура воздуха зашкаливала за минус 45 градусов.

Летом того же года, на третьем этапе экспедиции, туристы снова поднялись на Гору и по просьбе М.Н. Букиной установили там фотографию Б.В. Дидковского. В то же время мы еще не располагали информацией о том, что имя Дидковского присвоено другой вершине — Пику. Спутниками моими в этом путешествии были Н. Трубина и А. Кокин. Прошло почти полвека с той поры, но при встречах и в телефонных разговорах мы с трепетом вспоминаем события того тройственного путешествия: сложнейший спуск с Парнукского плато в верховья р. Посяншор, восхождение на Гору и пр.

Когда мы узнали, что имя Дидковского присвоено Пикю, то был проведен четвертый этап экспедиции.

К тому времени свердловский скульптор Матузная Тамара Алексеевна изваяла бюст Дидковского. И было принято решение установить этот бюст на вершине имени Дидковского, на Пике. Руководителем всех четырех этапов экспедиции был автор этих строк. По моей оценке, наиболее сложным оказался именно четвертый этап. Так случилось, что бюст нам пришлось устанавливать вдвоем с Виктором Крыловым. Первым рейсом вертолет забросил меня с Виктором из Саранпауля в верховья р. Народы. Но так произошло, что следующие участники экспедиционного отряда к нам так и не прилетели. И вся работа по установке бюста легла на наши плечи. Сначала сделали разведку. По правому притоку р. Манси-Шор поднялись на плато, расположенное у южного подножия вершины Манси-Нёр (Гора). Поднялись на эту вершину. Оставили здесь бюст и материалы, необходимые для его установки. Прошли далее от Горы на север вдоль скалистого гребня до горы Дидковского (Пик). Оказалось, что проход вдоль северного гребня несложен. Скальные бастионы легко проходятся у основания с западной стороны (на восток-то они обрываются почти вертикально к леднику Манси).

Оказалось, что макушка Пика представляет собой острый «зуб». Примерно в 4–5 м ниже верхушки «зуба» имеется небольшая площадочка, на которой можно установить бюст. Возвратились по иному маршруту. Спустились по скалам на перевальную

седловину, расположенную к северу от Пика над ледником Манси. Затем поднялись на перевал, лежащий у южного основания горы Югры. И по леднику и снежнику скатились в верховья р. Народы. Время было уже позднее — около часа ночи. Но относительно светла была полярная ночь. Закутавшись в полиэтиленовые пленки, легли на моховины и подремали несколько часов. А поутру возвратились в наш лагерь. Эта разведка показала, что возможен путь от Горы к Пикю.

После дня отдыха мы снова пошли наверх. В рюкзаках несли по 5 литров воды в полиэтиленовых мешках. Поднимаясь по снежнику, я вдруг почувствовал, что кто-то обливает мою спину водой. Оказалось, что мешок лопнул и вода вылилась из рюкзака на мою спину. Далее, без приключений, поднялись на гору Манси-Нёр и прошли до Пика Дидковского. Затем вернулись на гору Манси-Нёр и перенесли бюст и материалы. Погода испортилась. Похолодало. Немного выпал снег. Мы установили бюст. Зацементировали его. А внизу смонтировали фотографию Б.В. Дидковского и памятную плиту. Возвратились по пути подъема. Отрезок Главного Уральского водораздела от горы Манси-Нёр до горы Дидковского нам пришлось пройти пять раз! Скорее всего, это было первопроехождение этого участка.

Выполнив свою главную задачу, мы прошли через долину р. Хобею в лагерь геологов на р. Мань-Хобею. Откуда улетели на вертолете в Саранпауль.

Вот такие топографические приключения происходили на Приполярном Урале с названием «Гора Дидковского». **УС**

▼ Вход в Сад Вайнера

Юрий Шилко

Окончил Ленинградский электротехнический институт инженеров ж/д транспорта. С 1953 г. — в НИИ автоматики. В 1993–2005 — главный специалист, ведущий конструктор завода. Возглавлял проектно-конструкторские работы по созданию СУ международного спутника «Экспресс» (1995). Участвовал в создании СУ для ракеты-носителя «Союз-2». Имеет 8 авторских свидетельств на изобретения. Лауреат Государственной премии СССР (1969). Награжден орденом Ленина (1975) и другими наградами. Заслуженный ветеран труда НПОА.

Вертинский в Саду Вайнера

Описываемые события произошли в прошлом веке и даже в прошлом тысячелетии, а точнее, в июне 1955 года. В Свердловске на улице Первомайской жил полной жизнью любимый горожанами парк отдыха. Он назывался Сад Вайнера и простирался до сквера перед Дворцом пионеров и от Филармонии до улицы Тургенева.

Это был уютный ухоженный парк, с цветами в газонах, с кустами сирени, шиповника, акаций, цветущих по весне, а осенью гроздь алой рябины висели над головами. На аллеях, идущих по всем направлениям, обсаженных берёзами, клёнами, тополями, стояло множество скамеек, и бойкие разносчицы торговали пирожками и эскимо.

Из репродукторов доносились приглушённые задушевные голоса: Клавдии Шульженко: «Нет, не глаза твои я вижу в час разлуки, Не голос твой я слышу в тишине, А помню трепетные, ласковые руки ...»; Леонида Утёсова: «... А жизнь остаётся прекрасной всегда, Хоть старись ты или молод, Но каждой весною так тянет меня, В Одессу, в мой солнечный город...»; Марка Бернеса: «... Жизнь, ты помнишь

солдат, Что погибли, тебя защищая? Так ликуй и вершись, В трубных звуках весеннего гимна! Я люблю тебя жизнь, И надеюсь, что это взаимно!» и других популярных артистов.

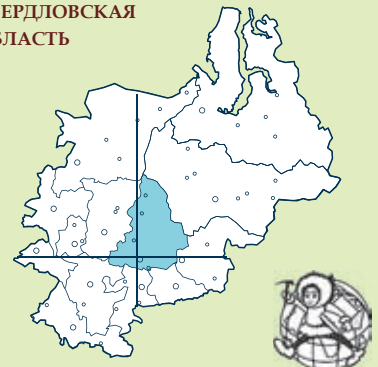
Справа от входа в сад работала читальня со свежими газетами и журналами, дальше шахматный уголок, ещё дальше, возле улицы Тургенева, возвышалась большая круглая танцплощадка с духовым оркестром, почитаемая молодёжью.

На противоположной стороне, у стены Филармонии, пристроились ресторан и бильярдная. «Изыминкой» сада являлся летний театр, в котором демонстрировались кинокартины, выступали лекторы, по-

► Александр Вертинский

Иллюстрации предоставлены автором

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

литические обозреватели, композиторы и артисты: Уральский народный хор, Евгений Родыгин, А. Маренич, П. Емельянова, Топорков и другие. Иногда в этом театре выступали и столичные знаменитости.

Сад всегда был заполнен отдыхающими, находящими себе занятия по интересу. В военные годы и после войны ходячие раненые из оставшихся госпиталей иногда в госпитальном обмундировании, с нашивками о ранениях, с орденами и медалями тоже были частыми посетителями парка.

Однажды летом в 1955 или в 1956 году появились афиши о гастролях в Свердловске широко известного маэстро Александра Вертинского в театре Сада Вайнера.

Александр Николаевич, популярный исполнитель эстрадных песен, родился 21 марта 1889 года. Эмигрировавший за границу в 1918 г., он был известен нам по патефонным пластинкам, а больше по плёнкам «на рёбрах», продававшихся на книжных развалах. Он гастролировал с большим успехом по всему миру в течение 25 лет. Пел в Турции, Румынии, Польше, Германии, во Франции и других странах Европы, в Америке и в последние годы эмиграции — в Китае.

Был не только певцом — большинство песен он сочинял сам, писал музыку к ним, был режиссёром-постановщиком своих выступлений, кроме того, он снимался в фильмах «Анна на шее», «Алеко Дундич»...

Песни его интимно-будуарные: «Маленький креольчик», «Лилый негр», «Ваши пальцы пахнут ладаном», «Жёлтый ангел» и др. завораживали зрителей, а музыка звучала мелодично и напевно, он красиво двигался и был пластичен, а исполнение было незабываемо. Вертинский пел под небольшой оркестр и под аккомпанементы рояля, скрипки и гитары. Его песни звали в бананово-лимонный Сингапур, как Остапа Бендера в Рио-де-Жанейро, где «все в белых штанах», «где женщины как на картине».

Александр Николаевич прожил 25 лет вдали от Родины, эмигрировав необдуманно, страдал без России и пел о ней: «Прошляваем океаны, Бороздим материки, И несём в чужие страны Чувство русское тоски».

В годы Великой Отечественной он на собственные средства купил и переоборудовал пассажирский поезд под госпиталь на колёсах, оснастил его мединструментом, ме-

▲ Ю.П. Манакон

дикаментами и передал в дар Красной армии.

Александр Николаевич написал В.М. Молотову просьбу о разрешении вернуться на родину и в 1942 году переехал из Шанхая в Москву, став гражданином России.

За плодотворную деятельность в искусстве ему в 1951 году присвоено звание лауреата Государственной премии СССР.

И вот он выступает с концертом в театре Сада Вайнера. Мы, трое друзей из НПО Автоматики, побывали на его концерте. Он исполнял новые песни: «В степи Молдованской», «Прощальный ужин», «Доченьки» и другие, понравившиеся нам.

А через два дня нашу троицу пригласил приятель на день рождения в ресторан «Большой Урал». Сидим за праздничным столом, ведём весёлые беседы, танцуем, и вдруг по залу пронеслось оживление — оказалось, что труппа Вертинского пришла после концерта на ужин.

Закончилось наше «торжество», мы вышли и направились по диагональной дорожке у оперного театра,

► Оперный театр

мимо фонтана к Дому печати. Ночь была тёплая и светлая, видим сидящих на двух противоположных скамейках людей, вытянувших ноги, практически перегородив аллею, и раздаётся голос с лёгкой картавинкой: «Проход закрыт!», мы говорим: «А нам надо пройти», — «Тогда выкуп, выкуп, выкуп!» Мы узнали Вертинского и спрашиваем: что за выкуп? Он ответил: «Анекдоты — вас трое — три анекдота!» Мы вернулись в ресторан, купили на оставшуюся наличность шампанского и бумажные стаканчики. Разлили вино — пробки в небеса, поздравили артистов с успехом и хотели уйти, но Вертинский остановил: «А анекдоты?» Мы начали, как тогда выражались, «травить» анекдоты. Его команда не удержалась и тоже подключилась. Анекдоты сыпались со всех сторон — смех стоял на всю округу.

Александр Николаевич остановил веселье: «Уважаемые, уже поздно, пора на отдых».

Наш друг Юра Манаков встал в сценическую позу маэстро и пропел, пытаясь подражать интонаци-

ям Вертинского, куплет из «Доченьки»: «...Жил я шумно и весело, каюсь, Но жена всё к рукам прибрала. Совершенно со мной не считаясь, Мне двух дочек она родила...».

Тут все подхватили припев: «Вырастут доченьки, Доченьки мои... Будут у них ноченьки, Эх! Бу-у-дут со-ло-овьи!»

Все хохотали и аплодировали, а кто-то крикнул: «Браво!»

Вертинский хохотал громче всех и сказал Юре, похлопав его по плечу: «Золотко ты моё!»

Тепло распрощались и разошлись. Артисты в гостиницу, мы по домам.

Больше Александр Николаевич Вертинский в Свердловск не приезжал.

А Сад Вайнера? Сад поломан и пуст!.. **УС**

Уральский государственный лесотехнический университет, ФГБОУ ВО

Лицензия серия 90Л01 номер 0009433.

Направления и специальности высшего профессионального образования

Экология и природопользование. Лесное дело. Ландшафтная архитектура. Землеустройство и кадастры. Природообустройство и водопользование. Садоводство.

Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов. Технология транспортных процессов. Наземные транспортно-технологические средства (Специалитет). Наземные транспортно-технологические комплексы.

Технология и оборудование лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств. Технологические машины и оборудование.

Строительство. Автоматизация технологических процессов и производств. Управление в технических системах.

Химическая технология. Биотехнология. Энерго- и ресурсосберегающие процессы в химической технологии, нефтехимии и биотехнологии. Техносферная безопасность. Технология полиграфического и упаковочного производства.

Экономика. Менеджмент. Управление качеством. Бизнес-информатика. Прикладная информатика. Экономическая безопасность (Специалитет).

Специальности среднего профессионального образования:

- Землеустройство; Земельно-имущественные отношения;
- Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта;
- Лесное и лесопарковое хозяйство. Садово-парковое и ландшафтное строительство;
- Технология деревообработки;
- Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям). Менеджмент.

- Формы обучения: очная, заочная.
- Приём документов согласно правилам приема.
- Вступительные испытания по 3 предметам (ВПО).
- Для среднего профессионального образования (СПО) – без вступительных испытаний.
- Подготовительные курсы (ко всем видам вступительных испытаний).

1000 БЮДЖЕТНЫХ МЕСТ

г. Екатеринбург, Сибирский тракт, 37 Телефон: +7(343) 254-63-06 - приемная комиссия
 Проезд: автобусы № 1, 31, 32, 026, 047, 064, городская электричка. Остановка «Лесотехнический университет»
 Электронная почта: pk@usfeu.ru Сайт: www.usfeu.ru

Проект **Виталия Воловича**
 Координатор проекта
 Юний Горбунов

**ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ
 ГРАНТОВ**

История России.

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Юлия Кашаева

Родилась в Перми. Окончила Пермский государственный университет по специальности «История». Дипломная работа была посвящена истории Верхних и Нижних Чусовских городков до 1917 года. Работала преподавателем в Пермском государственном техническом университете (ныне — ПНИПУ) и хранителем коллекции «Карты и планы» Пермского краеведческого музея. В 2007 году защитила кандидатскую диссертацию. Сейчас — заместитель директора Государственного архива Пермского края по науке.

Река Чусовая (Фотоэкспедиция)

Село Успенка

На реке Чусовой, на другом берегу от Верхне-Чусовских городков, раскинулось древнее село Успенка. Каких только названий его не встретишь в литературе! В XIX веке Успенку называли «село Чусовское». В 1904 году уральский журналист

и краевед Виктор Весновский совершил поездку по Уралу и упомянул село Успенское: «теперь еще называют Монастырским».

Это селение с богатой историей, одна из точек на карте современных туристических маршрутов

Иллюстрации — из фотофонда Успенской сельской библиотеки

◀ Остров, где располагался Нижний Чусовской городок. Фото автора

по Пермскому краю. Перед оградой храма Успения Божьей матери приезжающих туристов встречают «козы-попрошайки». А за оградой взгляду открывается ухоженное подворье Свято-Трифонова скита. Из крутого берега Чусовой бьет источник с ледяной водой. К нему ведут длинные ступени, оборудована купель и место набора святой воды. С берега открывается удивительный вид на реку Чусовую, на пустынный остров — все, что осталось от древнего села Нижние Чусовские городки, откуда, по одной из версий, начинал свой путь в Сибирь Ермак.

«Грех» Трифона Вятского

Эти места притягивают не только живописными пейзажами, открывающимися с высокого берега, но и удивительной историей, связанной с именем преподобного Трифона Вятского. Как гласят источники, Трифон, встретив на Каме братьев Строгановых, получил от них «место в обители себе», что и положило начало Успенке — «на горе высокой сделал себе келью с часовнею». Трифон прожил здесь 9 лет, с 1571 до 1580 года. Неожиданный пожар, в котором сгорели заготовленные дрова для соляных промыслов Строгановых, привел к изгнанию Трифона.

В «Пермской летописи» краеведа Василия Шишонко о тех событиях читаем: «Но, как оный преподобный, расчищая лес около часовни и кельи и малое хворост, собрав в кучу, намерился оное сжечь; по зажжении же сделался жестокий ветр, то силою огня не только та подсека загорелась, но тот огонь дошел и до стоячего лесу, а когда огонь и в лес умножился,

▶ С.М. Прокудин-Горский. Село Успенское. Высокий берег реки Чусовой. 1912 г.

то добравшись до заготовленных Строгановыми к соляному промыслу дровам, которых было до трех тысяч сажень, в пепел их обратил. Сей ради причины люди на него вознегодовавшись, мнивши, что учинено то сожжение дров было им умышленно, — того ради, разъярившись на него, с той крутой горы его бросили, да и сам Григорий Строганов, по той причине, на него прогневался и держал несколько в крепях, — тогда преподобный прорек ему, Григорию, имеющий на него бысть гнев царский... Однако, по приезде их в Москву, вместо чаемого царского гнева, получили они от царя, за молитвы преподобного, многую милость».

Легенда гласит, что Трифон, покидая Чусовскую землю, произнес: «Место свято, а люди кляты. Пусть живут они ни бедно, ни богато». Иаков Шестаков, священник, церковный краевед, отмечал: посередине горы, между двумя оврагами, была возведена часовня, где «есть замечательно древний образ преподобного, писанный на каменной доске размером 2 аршина на 1,5 аршин, на иконе изображен факт низвержения Преподобного с горы и спасения его в лодке». В начале XX века ежегодно 18 октября (по старому стилю) в день кончины Трифона «при большом стечении народа быва-

◀ Вид с Успенской горы и старого кладбища на Нижние Чусовские городки. Редкая фотография

ет в эту часовню крестный ход из села Успенского». Если проплывать на лодке вдоль берега Чусовой, то и сейчас можно увидеть не зарастающую деревьями часть крутого берега, по которому, по легенде, скатился Трифон.

Как строили, разоряли и восстанавливали

Учеником Трифона, Иоанном, был устроен Успенский монастырь, закрытый в 1764 году. Современный храм Успения Пресвятой Богородицы был построен в 1864-м. Его приход составлял от 12 до 20 деревень. Священником в конце XIX века служил Василий Андреевич Попов, окончивший курс Пермского духовного училища. В дальнейшем он был награжден серебряной медалью «За усердие», что было высокой оценкой его «трудоу по народному образованию».

По свидетельству современников, в начале XX века в Успенской церкви были иконы с изображением преподобного Трифона, «очень древнего письма и происхождения». Из тех церковных древностей уцелел и сохранился до наших дней напрестольный серебряный крест с надписью «В лето 7189 месяца июля в 8-1 день божественный крест сей Пресвятой Богородицы честнаго и славнаго ея Успения в церковь в обитель в Пермь Великую, на Чусовую. Строил инок диакон Исаков сын Василия Пучкина, внук Никифора Глазунова».

В 1933 году было принято решение о закрытии Успенской церкви и размещении в этом здании школы или использования «под культурные надобности» колхоза имени Сталина. Как

▲ Внутреннее убранство храма Успения Пресвятой Богородицы

свидетельствуют архивные документы, церковь не действовала к этому времени уже около двух лет. В акте комиссии Верхне-Городковского исполкома по техническому обследованию здания в 1945 году читаем заключение: «К эксплуатации здание церкви непригодно. Требуется капитальный ремонт». Это, видимо, и привело к тому,

Перипетии XX века

История села в XX веке — типичная история многих российских деревень. В начале века село Успенка — это волостной центр, где располагалась церковно-приходская школа. В 1910–1911 учебном году в ней обучалось 25 мальчиков и 15 девочек, хотя в самом селении в 1908 году

▼ Успенская церковь. Начало XX века. Фото из архива Пермского краевого центра по охране памятников

▲ Зброшенная цeркoвь в с. Успенка. 1970-е-1980-е гг. Фото из архива КЦОП

что храм использовался под склад удобрений и запчастей для сельхозтехники, а не под «культурные нужды».

В 1998 году здание церкви было возвращено верующим, здесь появился Свято-Успенский Трифонов

мужской скит Пермского Свято-Троице-Стефанова мужского монастыря. Начались восстановительные работы, воссоздана часовня преподобного Трифона Вятского, облагоустроен его святой источник.

◀ Свадьба в Успенке. 1970-е гг.

гражданский налог проходит слабо ввиду того, что у населения денег нет».

Сохранилось и имя председателя исполкома. Им был 34-летний Иван Дмитриевич Гашев, демобилизованный в 1922 году из Красной Армии большевик. Членами волисполкома были избраны Мария Алексеевна Гашева, 27 лет, закончившая гимназию, большевичка, учительница; Пимен Егорович Трошков, 45 лет, окончивший начальное училище, предста-

▶ Первоклассники. Учительница Наталья Ивановна Трошкова. 1980 г.

было всего 46 дворов и проживало 112 мужчин и 106 женщин. Помимо сельского хозяйства, успенские «кустари-сапожники» шили обувь, а в 1920 году в селе даже была создана сапожная трудовая артель.

Революционные годы и время Гражданской войны, как и у всей стра-

◀ Семья работников совхоза Александра Александровича и Нины Федотовны Перминовых (в центре)

витель крестьянской бедноты. Из архивных документов узнаем, что в июне 1922 года жителей Успенской волости «постигло бедствие, то есть сильное градобитие, от которого пострадало население хлебами, как яровыми, так и озимыми от 50 до 100%». В район полетели «ходатайства о снятии продналога».

◀ Святой источник. Фото автора

ны, были непростыми для жителей села. Успенка и в начале 1920-х годов оставалась центром волости, где располагался исполнительный комитет. В 1922 году Успенский исполком свидетельствовал, «что денежный обще-

▶ Масленица в селе. 1970-е гг.

▲ В Успенской сельской библиотеке. Кружок «Наши руки не для скуки». 2013 г.
Фото Екатерины Порошиной

В 1928 году в селе располагалось всего 45 хозяйств, в которых проживало 146 человек. В годы коллективизации возник колхоз имени Сталина. В тяжелые годы начала 1930-х у жителей постоянно возникали проблемы с продовольствием. Ну и конфликты тоже. В 1932 году, например, между учителем Успенской школы первой ступени, уполномоченным сельского кулста работников просвещения Алексеем Евдокимовичем Пеньковцевым и председателем колхоза Иваном Алексеевичем Трошковым. В школе тогда обучался 41 человек. Учитель в своей жалобе красочно рисует ситуацию с нехваткой продуктов: «Народному судье Верхне-Городковского района. Жалоба. 1932 г. 29 сен. У меня не хватило хлеба. Я пошел в дом председателя колхоза Ивана Алексеевича Трошкова спросить взаимобразно в счет октябрьской нормы муки 4 фунта из колхозного запаса. Он вместо того дать или не дать, обозвал меня «хамом» и стал ругаться, что я ему надоел. Тут присутствовал гр-н д. Гашевой Иван Тимофеевич Пермьяков. Я обращаюсь к Пермьякову, чтобы он назвал свою фамилию, т.к. я его желаю поставить свидетелем. Но Пермьяков ответил, что еще не спросил жены и забыл свою фамилию. Занять муки не у кого и мучной лавки нет, пришлось идти на уроки голодом. Зав. шк. А. Пеньковцев».

Эта и другие жалобы были отправлены и в прокуратуру. Резолюция прокурора: «РКС.Т. Красных! Направляю заявление учительству Паловского сельсовета. Предлагаю 1) выяснить в части разных цен на молочные продукты и 2) воздействовать и изменить бюрократическое отношение со стороны председателей колхозов к учительству, в части снабжения овощами и т.д. В случае подтверждения фактов

наложить дисциплинарное взыскание, о результатах сообщить в райпрокуратуру».

И другие учителя подтверждали проблемы с обеспечением их продуктами. «Работники просвещения не все одинаково снабжаются овощами, некоторые совсем не снабжаются».

Не обошла стороной жителей Успенки и Великая Отечественная. Имена погибших на ее фронтах высечены на гранитных плитах монумента в центре села. Читаем сразу по несколько фамилий: Веприковы, Калинины, Кашины, Колтырины, Гашевы, Трошковы, Шардины...

Восемнадцатилетний комсомолец Иван Яковлевич Гашев был призван в 1942 году и воевал на Ленинградском фронте. Младший сержант 45 минометной батареи 131 стрелковой Ропшинской краснознаменной дивизии погиб в ходе Моонзундской операции 20 октября 1944 г. Похоронен в эстонской деревне Касику острова Эзель (Сааремаа). Похоронка на сына отправлена в Успенку его матери — Марфе Ивановне Гашевой. Таких примеров было много.

В 1969 году на базе сельхозартелей «Рассвет», «Восход» и «Маяк» был создан совхоз «Куликовский», центральная усадьба которого располагалась в Успенке.

Село с 1970 по 2006 год являлось центром Успенского сельского совета. В ее состав входили деревни: Вилижная — 104 жителя, Новоселовка — 48, Шалашная — 116, Косогор — 126, Мутная — 39, Куликово — 157, Заозерье —

138, Пеньки — 55, Талая — 16, Паходки — 9. В общей сложности — более 300 хозяйств.

Успенка развивалась, росла, число жителей увеличилось со 110 человек в 1970 году до 372 в 1981-м. Однако автобусного сообщения не было, в село вела грунтовая дорога из города из г. Чусового. В поселке было 5 телефонов, в каждом доме — радиоточка, у жителей — 3 автомашины, 16 мотоциклов, 59 велосипедов. Во всем поселке было электричество, в 76 квартирах использовалось привозной газ, действовали водопроводные колонки.

В начальной школе обучалось 27 школьников. Был детский сад на 25 мест, сельский клуб, фельдшерский пункт, отделение почты, смешанный магазин, комплексный приемный пункт. С 1969 года работала библиотека с солидным книжным фондом. В 1981 году деревня Успенка была оценена как перспективная.

К концу XX столетия в составе Успенской сельской администрации из одиннадцати населенных пунктов осталось восемь с очень малым числом хозяйств и жителей. В самой Успенке 105 хозяйств держали 325 жителей.

Сейчас, по сравнению с 1980-ми годами социальные объекты, которые зачастую «дают деревне жизнь», многие закрыты. В Успенке проживает 280 человек, здесь функционируют Дом культуры, фельдшерско-акушерский пункт, отделение почты, библиотека. Как и по многим деревням Чусовой, Успенку наводнили дачники.

Деревня Вилижная

История выселка Вилижна начинается немного позже Успенки. И хотя точную дату появления первых поселенцев мы назвать не можем, но Вилижна упоминается уже в переписи Кайсарова 1623–1624 гг. как деревня Вилеженинова. Как предполагает Е. Шумилов, такое название деревня получила от фамилии первого жителя — Вилеженина, выходца с реки Виледь, притока Вычегды. А современное название — это результат длительного его видоизменения.

Как пишет Ю. Николаев в книге «Земля чувоская», в XIX веке в этой округе было три деревни: Вилижна Верхняя, Вилижна Нижняя и Вилижна Одина. Верхняя — прямо на реке Чусовой, Нижняя — при реке Вилижне или Земляничной, а Одина — при безымянном ключе. В Верхней бытовала православная часовня.

Камское «море» и прочие обстоятельства распорядились так, что выжила только Нижняя Вилижна — выселок Вилижная. Уже путеводитель «Река Чусовая» 1936 года нашел здесь только деревню Вилижну в устье одноименной речки.

Население выселка Вилижна всегда было малочисленным. В нача-

▲ Вилижная сегодня. Фото Юния Горбунова

ле XX века здесь располагалось 2 двора и проживало всего 6 человек — 4 мужчины и 2 женщины. Но в 1970-х мы наблюдаем пик его развития: в Вилижной уже 28 хозяйств и хозяйничают в них более ста человек. По численности жителей это было пятое из одиннадцати селений Успенского сельского совета.

Но в 1981-м, когда проходило судьбоносное анкетирование — «обследование современного состояния населенного пункта», — деревне Вилижной был поставлен диагноз — «неперспективная». Хотя в это время там бытовала ферма крупного рогатого скота, насчитывалось 19 хозяйств и проживало 59 человек. Неисповедимы

пути господни. В том же 1981-м деревню покинули 25 молодых селян. Интересно, что из частных транспортных средств по выселку ездил тогда один мотоцикл, девять велосипедов и одна автомашина.

От Успенки к Вилижной ведет увилистая насыпная дорога. Так и ждешь, подъезжая, что увидишь несколько домиков-развалюх. Но ничего подобного. Из видавших виды — только баржа, ни весть когда выброшенная

здесь на берег, а теперь в любое время года дающая приют рыбакам и туристам. В остальном — это живой, веселый и трудолюбивый дачный поселок. Добротные в огородной зелени дома строятся, выбрав место покраше, машины — поди сосчитай. Чусовую тоже не узнать. Где ее прежнее русло в этой воде разливанной? Прямо у дороги, на высоком глинистом ее откосе, глядя на людей, понаделали гнезд стрижи. Вот тебе, подумалось, и «неперспективная»! Только бы не запаматовали новые ее обитатели, что не первые они здесь и не с неба упали. А поставили бы старой Вилижне добрый памятный знак-obelisk. **УС**

▼ Баржа — приют туристов

▼ Купальщицы-вилижанки. Фото Юния Горбунова

Торговая компания
Люмна
книги учебники канцтовары

г.Екатеринбург, ул.Студенческая, 1В;
(343) 228-10-70- отдел реализации ;
г.Березовский, ул.Уральская, 132
(343) 344-40-60 - отдел реализации

www.lumna.ru

- **КНИГИ**
- **УЧЕБНИКИ**
- **МЕТОДИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**
- **НАГЛЯДНЫЕ ПОСОБИЯ**
- **ОТКРЫТКИ**
- **КАНЦТОВАРЫ**
- **ИГРУШКИ**
- **СУВЕНИРЫ**

Магазины "ЖИВОЕ СЛОВО"

г.Екатеринбург

Баумана, 35	300-17-44
Блюхера, 12	374-53-81
В. де Геннина, 37	205-98-29
Волгоградская, 190	234-47-73
Гагарина, 1	374-76-37
Грибоедова, 12	258-43-45
8 марта, 167	300-65-50
Кировградская 4/2	317-25-95
Космонавтов, 72	216-38-21
Кр.Командиров, 23	367-71-23
Крауля, 44	278-40-46
Пехотинцев, 6	323-81-81
Победы, 38	330-16-82
Родонитовая, 9	381-35-43

г.Ишим

Советская, 19	(34551) 2-16-09
М.Горького, 28/9	(34551) 5-09-05

г.Нефтеюганск

м-н «Канцлер» 4 микрорайон, 13 (3463) 2-44-141

г.Березовский

Гагарина, 17 (343) 385-66-52

г.Сургут

Университетская, 29 (3462) 95-14-46

г.Асбест

Ленина, 21 (34365) 2-95-73

г.В.Пышма

Кривоусова, 55 (34368) 7-91-56

г.Каменск-Уральский

Комсомольский бульвар, 39 (3439) 54-05-10

Победы, 4

(3439) 37-05-67

г.Серов

Ленина, 148 (34385) 7-50-70

г.Новоуральск

Комсомольская, 18 (34370) 7-100-7

г.Миасс

пр. Автозаводцев, 52 (34370) 7-100-7

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134 – 241X
следопыт
www uralstalker.com

Октябрь 2018

Аэлита

50

Законы Вселенной

ПАВЕЛ ПАУКОВ

Под взором электрических икон **50**

67

Координаты чудес

ОЛЬГА ЦВЕТКОВА

Линни-Ли и госпожа Зима

67

77

Повод для улыбки

ДМИТРИЙ КОСТЮКЕВИЧ

За...

77

Под взглядом электрических икон

Павел Пауков (псевдоним)

Возраст — 26 лет. Место жительства — Россия, г. Смоленск. Образование — высшее неоконченное. Работает архитектором. Первый рассказ написал в 2016 году, по просьбе жены. Любимые жанры в литературе: фантастика, мистика и контркультура. Любимые писатели: Стивен Кинг, Дмитрий Глуховский, Аркадий и Борис Стругацкие, Чак Паланик.

Синий свет голограммы скудно освещает склеп сквозь щели в церковном полу. Гниющие доски над моей головой скрипят под тяжестью сотни прихожан, людской шёпот сливается в шипение пустого радиоэфира.

Я сижу на деревянном стуле, руки прикованы к спинке, наручники давят на запястья, ладони липкие от крови. Ярко горящие фары автомобиля, застрявшего в воротах усыпальницы, режут глаза, тени устроили шабаш на каменном полу у моих ног. Пахнет сыростью и горелой проводкой.

— Храним ли мы в памяти великую жертву? — басом спрашивает церковник у толпы.

Я машинально поднимаю глаза на звук. Маленькое облако пыли падает с потолка.

— Помним ли мы лица тех борцов, которые сражались за нашу свободу? Тех крестоносцев двадцать первого века, ставших радиоактивной пылью? Мы не вправе утверждать это, на такое способен только Он. Человек в сравнении с ним ничтожно глуп и хранит в сознании лишь мгновение, в то время как Сверхкомпьютер помнит вечность. Он честен! Он справедлив! Он даёт нам Знание, позволяя увидеть то, что ждёт каждого из нас! Взглянем же туда, где сознания праведников вкушают дары его как награду за самоотверженное, безропотное служение.

Свет начинает быстро мигать и менять оттенки. В стороне от толпы включаются хрипящие динамики, пение птиц и прерывистый смех наполняют церковь.

— Вот он — рай! Конец безгрешного пути праведного слуги Сверхкомпьютера. Взглянем на лица, видна ли на них хоть тень глупого сомнения в устоях **знания**? Нет, говорю я вам! Они чисты! Они счастливы!

Скрип перекрытия превращается в стон, труха сыплется вниз, кажется, что церковь вот-вот рухнет. При-

хожане ликують, задыхаются в экстазе, и никто не замечает, как мелодию рая сменяют тревожные звуки.

Не проходит и минуты, и песнь превращается в режущий уши металлический скрежет. Голограмма вспыхивает красным, и хрипящие динамики разрываются мучительным воем сотен голосов. Высокие стены склепа, доверху покрытые синтетическими коконами, окрашиваются кровью. Внутри них человеческие головы.

Толпа ужасается, вздрагивает, вместе с ней содрогается всё строение. Церковник переходит на крик, засыпая проклятиями грешников и еретиков.

— Взглянем же в эти лица!

Я пытаюсь освободиться, попытка заканчивается болью в плече. Свет автомобильных фар тускнеет, за спиной человек кашлем прочищает горло. Он кладёт руки на мои плечи и говорит:

— Дай мне три попытки тебя удивить.

Человек опрокидывает меня назад. Я падаю на каменный пол, что-то хрустит под моей спиной, надеюсь, что это стул, а не кости.

Антуанетта, тварь, где же ты?

* * *

Стены кабинета облицованы белой плиткой, местами есть сколы и грязные пятна. В целом, тут не так обшарпано, как в других помещениях больницы, в деталях же, всё, как и везде: стеллажи с горами пожелтевшей бумаги, никому не нужные стенды и пропахшая хлоркой мебель. Я сижу на стуле, вжимая ноги в пол, нервозность и лёгкий привкус страха заставляют скрести ногтем нижнюю сторону сиденья. Пальцы находят шляпку распатанного гвоздя, кручу её, вдруг натываюсь на что-то липкое, убираю руку.

Передо мной длинный стол на три места, за ним, в центре, сидит главврач, справа — заведующий

процедурным кабинетом, слева — толстая угрюмая тётка. Её я вижу впервые, она не из больницы, просто накинула пожелтевший халат на деловой костюм. Тётка, прищурив глаза, смотрит на меня, заведующий читает историю болезни, делая вид, что ему интересно, главврач долго молчит и, наконец, говорит:

— Сколько времени вы ещё нуждаетесь в процедуре?

— С моим расписанием два года пять месяцев и пять дней, — отвечаю я и слышу, каким жалким голосом меня наградило нервозное ожидание.

— Это слишком долго и нерентабельно, — сухо говорит угрюмая тётка.

— Пётр, — обращается ко мне главврач, — администрация города решила прекратить лечение искусственной шизофрении ввиду...

— Ввиду высоких энергозатрат и, повторюсь, нерентабельности, — перебивает его тётка, едва сдерживая злость.

Заведующий продолжает изображать заинтересованность:

— На самом деле, Пётр, вы сами-то верите, что продержитесь?

— Если следовать графику, то... Да я уже больше трёх лет держусь! Один день эйфория, затем четыре дисфория.

Тётка хлопает по столу интерактивной папкой с дрожащей надписью: «ДЕЛО № 235» и брызжет слюной:

— Один сеанс вашей процедуры — это как неделя работы трёх электрических икон! Два сеанса за пять дней! И нам терпеть это ещё четыре года?

— Два и пять... — мямлю я.

— Плевать! Ты думаешь, что ты особенный? Ну, слушай! — Она раскрывает папку. — Сержант Кре-

пёжников, подвергался процедуре год и девять месяцев, итог: самоубийство!

Крепёж — мой взводный. Пробыл в состоянии дисфории неделю, спрыгнул с крыши, спасаясь от галлюцинаций.

— Рядовой Кругов — шесть месяцев, итог: самоубийство!

Сеня Колобок перегрыз швы на ампутированных руках сразу после выхода из эйфории.

— Рядовой Елов — два года, самоубийство. Мне продолжать?

Дерево, долго же ты... Зря тебя в дурку сдали, ещё пожил бы...

— Прапорщик Конин, старший сержант Глазов, рядовой Сечин, Мунко, Браев! Все! Все! ВСЕ! Стоило мне поднять статистику — одни мертвецы. И плевать бы на них, но сколько энергии впустую. А вы знаете, что в мире кризис после войны? Вы знаете, как дорого электричество? Или вам память нахрен отшибло?

Тётка шипит, как забытый на плите чайник, халат на ней, как кухонное полотенце. Главврач берёт её за плечо в попытке успокоить, но всё равно чувствует раскалённый металл и одёргивает руку.

— Иконам дай электричества! Церкви дай! компьютеру дай! А нет, мы на вас тратим! Лечим «шутов»!

Моя апатия мутирует в неконтролируемый гнев, пальцы сжимаются в кулаки.

Главврач говорит:

— Пётр, просто примите это как данность. Сходите в церковь, историю грехов вам, как ветерану, наверняка очистят... Не ждите, пока приступ гнева приведёт к неприятностям, не усложняйте работу паромщикам, сами идите в крипту. Вас поместят в кокон и подключат к раю. Чего вам бояться?

— К РАЮ?! — вновь вскипает тётка. — Да такие, как он, должны гореть на последнем уровне пекла...

Вспышка перед глазами.

Это делаю не я. Или другой я. Или другая часть меня.

Хватаю истеричку за волосы, мимолётно успеваю почувствовать, как они рвутся между пальцами, и с силой опускаю её голову на столешницу. Раздаётся звонкий удар, но тело не пружинит назад, прилипает к столу, будто я одел его на зазубренный шттырь. Главврач — мужик крепкий, хоть и в возрасте, но он ничего не ожидает. Бью ему в челюсть, хочу сломать. Он падает.

Заведующему хватает ума отскочить назад, наверное, всё-таки что-то прочитал в моей истории болезни. Посылаю его бледному лицу бешеный взгляд и пулей вылетаю в коридор.

Дверь бьёт по тощему телу дворняги, и та с рычанием отлетает в сторону, в её пасти моток окровавленных бинтов. Все электрические иконы в длинном коридоре, воняющим лекарствами и мочой, поворачивают глаза на меня. А на кого им ещё смотреть? На праведных больных, подпирающих стены? На мертвецкого вида медсестёр?

Что-то попадает мне под ноги. Пинаю. Это оказываются чьи-то костыли.

Скоро я буду об этом жалеть.

Удар, хруст, крик, сзади хлопает дверь и вновь попадает в пса. Быстрым шагом иду к выходу, отслоившаяся плитка стучит под ногами.

Расталкивая очередь у окна регистратуры, сворачиваю в другой коридор и выскакиваю на улицу.

Из серых облаков льёт дождь.

Здесь постоянно льёт дождь.

У входа лежат кучи мусора, пахнет гнилью и озоном, но после больничного смрада это опьяняет, как чистый кислород. Над головой мигает неоновый крест, ветер катает по дороге целлофановые пакеты.

Спускаюсь с крыльца, холодная вода остужает голову, электрическая икона на берёзе переводит взгляд на меня.

В дверном проходе вырастают главврач и пара санитаров, никто не спешит меня остановить, словно некая сила не пускает их за пределы больницы.

— Три дня, — шипит главврач, придерживая щёку, — максимум, ты, шут гороховый, максимум!

Челюсть цела, нужно было бить ниже.

Мне нечего ему сказать. Резкий приступ апатии лишает сил, хочу напиток, иду в бар, иду к себе на работу.

* * *

Я давно пришёл к мысли, что ничего бы не изменилось, предупреди кто-нибудь меня о последствиях перед первой процедурой. Чем для меня и тысяч других солдат стало бы чьё-то предостережение, когда на кону стоял весь мир? Да ничем!

Чем бы этот «кто-то» смог бы меня напугать? Муками совести? Какие бы слова нашёл этот сраный «кто-то», чтобы во всех красках описать весь последующий ужас? Или он бы просто сказал: «Сколько твоё сознание находилось в эйфории, столько же нужно пробыть и в дисфории, иначе сумасшествие. Ах да, ещё не забудь, эйфория в мирное время — это тоже путь в психушку, ну или в тюрьму».

В эйфории я пробыл четыре года.

Минуя автостоянку, я подхожу к бару.

Железная дверь в подвал покрыта бесчисленными слоями краски, над ней крупная надпись из тонколистовой жести: «Бар «Карданный Вал»». Каждая буква вырезана отдельно, «В» со скрипом качается на ветру.

График работы: три через два: два дня — выходные, потом один день — я бармен, ещё два — вышибала у входа. После процедуры моё лицо настолько киснет,

что даже постоянные клиенты порой не узнают того, кто в один день наливает им пиво за стойкой, а в другой выбрасывает их же пьяные тела в подворотню.

Вхожу. Ещё рано, людей почти нет. Лысый мужик за столиком у телевизора смотрит футбольный матч. Неудивительно, что он выбрал спортивный канал, два других — это круглосуточные трансляции из рая и преисподней. На высоком стуле у стойки сидит и курит электронную самокрутку опрятный старик, попутно беседуя с Линой, моим сменщиком.

— Шут? — замечает меня она сквозь туман сигаретного дыма. — Шут, ты почему так рано? Тебе же... По дожди, ты не прошёл процедуру?.. Почему?

Я чувствую в её голосе волнение и крупницу заботы. Только бы это не начало меня раздражать, не хочу с ней ссориться.

— Отменили, — отвечаю я.

— Шут, так ты сегодня вышибала или?..

— Налей.

Если заказ не конкретный, бармен должен по состоянию человека понять, что ему предложить. По моему состоянию мне должны налить раствор ртути и мышьяка, но Лина подаёт водку.

Опрокидываю залпом, выхватываю у старика самокрутку и занюхиваю дымящим куском пластика, стуком стакана прошу повторить. Лина наклоняет бутылку.

— Простите, — обращается ко мне старик, наверняка бывший профессор очередного закрытого института, должно быть, подумал, раз я позаимствовал у него окурки, значит, и поговорить буду не против.

— Вы Шут, это правда?

— Да. — Дважды бью доньшко о стойку.

— А знаете, я вот честно не понимаю, почему все вас так ненавидят. Вас же обманули, не предупредили, какой результат будет у вашей жертвы. Хорошо хоть, что

грехи вам списывают. Хоть какое-то утешение. Вы как считаете? — Он смотрит на Лину, она кивает.

Старик продолжает:

— А вы, девушка, грешить не боитесь? В таком-то месте работаете...

— А что? — Разговор о знании сразу настораживает Лину. — Место вообще-то приличное, это вам не притон какой. Да и грешить до сорока лет спокойно можно, больше ста грехов точно не наберу, потом можно и историю очистить.

Электрическая икона переводит взгляд на старика, тот не замечает. Впервые за день не я объект внимания.

— Эх, вот вы... А в моё время никаких историй не было! И называлось это исповедаться, и отвечали мы перед Богом, а не системой!

— Да ну! — возражает Лина. — Это же как? Всю жизнь жить и не знать, в чём ты виноват? А если сильно накосячил? Если раньше нужно начинать грехи чистить?

— Потому что раньше душа тебе подсказывала. Да и вообще было десять заповедей, и жили по ним сколько лет, а сейчас кто законы придумывает, а? Сказать? Церковь! Что сегодня праведно — завтра уже дорога в пекло.

Старика развезло, он пьян, начинает заговариваться. Поработать не в свою смену, встать, схватить за шкирку и выкинуть деда на улицу для его же блага?

— Бать, — говорю я, — тут икона висит вообще-то. Ты бы допивал молча и шёл и отсюда, и от греха подалее!

— Вот-вот! О чём я и говорю. Раб компьютера. Нравится вам жить так! И плевать, что после войны все ресурсы только церкви уходят. Плевать на мировой кризис, на нищету. Один на заводе икону сделал, другой

её на забор привесил, вечером оба в пивной встретились. На шаг ближе к раю! Всё во имя Истинного Знания!

— А, по-моему, у нас вполне себе свобода. — Лина кривит лицо. — Хочешь — грешить, хочешь — нет. Ну, а если ошибся, всегда можно искупить. Ну почти всегда.

— Грешить вам можно только потому, что это церкви нужно! Иначе чьими страданиями праведников пугать? Искупление, говорите... Это как тот чиновник из новостей? Воровал-воровал, пока не прижали, а потом искупил: отдал своё поместье под райский склеп, и готово. Его историю вы бы и за три жизни не почистили, а он одним домиком откупился. Какой там тариф, кстати? Сколько нам, например, нужно будет в мастерской икон собрать, скажем, за убийство?

Лина делает вид «Клиент всегда прав, но иногда его нужно заткнуть» и говорит:

— Ну, новости на то и новости, приукрасили немного. Я думаю, в мире не так всё плохо.

— Раскройте глаза, девушка! Мы живём в эпоху цифрового Средневековья. Раздробленность, автономия, безграничная власть церкви, упадок всех сфер общества! Зачем нам образование, если мы уже обладаем **истинным знанием**? Зачем наука, если компьютер — это вершина технологий? Зачем медицина, если наша жизнь — лишь подготовка к крипте? Зачем производство, если мы уже трудимся на благо церкви?

— Эй! — кричит лысый мужик. — Харе орать! Лучше скажи девке, чтобы музыку включила!

Вспышка.

— Музыку тебе? Она что, похожа на диск-жокея? Или на шарманщика? Или она похожа на того контуженого баяниста, что играл шансон в клоповнике, где тебя зачали во время пьяной оргии? Нет? Вот и заткнись!

Я возвращаюсь к стакану и слышу, как со скрипом отъезжает стул, чувствую, как пошатываются половицы. Готовлюсь, пальцы сжимаются в кулак. Мужчина подходит ближе, ощущаю это спиной, он совсем рядом, его ладонь падает на стойку между сигаретой старика и моим стаканом и тут же летит назад. В месте хлопка остаётся горстка монет, редкость в эпоху кредитных карт, но хороша во время перебоев с электричеством.

Мужчина уходит.

— **Гол!** — кричит телевизор.

Поворачиваюсь. Из-за дохлого интернета трансляция сильно тормозит, поэтому точный счёт не понятен, но наша сборная лидирует, это понятно по наигранной радости комментатора. Скучный матч, разрыв, как всегда, мяча в три, без надежды для соперника. Сейчас никто и не знает, как было лет шестьдесят назад, ну разве только этот дед, что сидит рядом. Наши вообще играть не умели, и сотня миллионов людей после каждого матча причитала: «Вот бы новую команду!», «Хоть бы по мячу попадали!». Сотня миллионов одинаковых желаний, такой мощный эмоциональный заряд просто не мог выстрелить в пустоту: мир поддался, прогнулся и родил команду мечты, но... Но, думаю, где-то на последней странице книги вселенского баланса мелким шрифтом написаны равенства: «Нормальный мир равно хреновые футболисты» и «Хреновый мир равно нормальные футболисты».

Мечта сбылась, но мир, в котором мы жили, раскрошился в труху в один момент, словно у него истёк срок годности. Упадок веры, навязывание государствами религий, атеизм как знак протеста, секты фанатиков, ложные мессии противостояли провокаторам-разоблачителям, безбожники провоцировали беспокойные толпы, а верующие словно

пытались вернуть мир в хаос, из которого тот и был создан. Затем мятежи, революции и четырёхлетняя война.

А когда пепел городов едва успел осесть на заражённую землю, появилась церковь Истинного Знания и подмяла под себя всё, что осталось. Люди были истощены, слабы, они поддались, ведь Знание имело неоспоримое преимущество. Можно верить, а можно и нет, это и стубило веру. Знание же абсолютно, не верить в него невозможно, а опровергнуть не хватит ума. Услышав однажды, от него невозможно избавиться, как от неизлечимой болезни. Знание — это зараза, пожирающая сознание.

Но...

В общем, виноваты футболисты. Ещё одна причина ненавидеть эту глупую игру.

Чёрт, о чём я думаю?

— Тебе же осталось три дня! — неожиданно для себя вслух говорю я.

И тут же слышу голос над ухом.

— Меньше! Шут гороховый...

Меня хватают за рукав, кожаная куртка натягивается, воротник давит на шею. Затем резкий рывок, и я лечу на пол, в сторону от поля зрения электрической иконы. Падаю, бьюсь затылком, но боли почти не чувствую, только изображение перед глазами уплывает в сторону. Это от удара или от того, что на стойке осталась стоять почти пустая бутылка. Где-то далеко вверху вижу пару голов, одна блестит уже знакомой лысиной, другая скрыта стеклом мотоциклетного шлема.

Хочу встать, перекатываюсь на живот, в этом мне помогает удар ногой по рёбрам. Воздух вылетает из лёгких, тошнит. Чувствую, как пара рук тянет меня вверх.

Зря.

К чему это: не бить лежачего, если уже напали вдвоём на одного? Потешить самолюбие, глядя в глаза поверженного противника?

Резким движением разворачиваюсь и хватаю лысого за голову, ногой отталкиваюсь от стены, и вместе мы снова падаем на пол. Вот только теперь его лицо летит первым.

Удар. Треск. И монотонный, почти механический стон. Лысый выбыл, остался мотоциклист.

Едва успеваю встать на четвереньки, как тяжёлый ботинок летит мне в зубы. Блокирую руками, и обитый чёрной кожей мыс только царапает щёку. Человек в шлеме открывается, срываюсь с места, как с низкого старта, бью плечом в его живот, чуть приподнимаю и опрокидываю на спину.

Я оглушён. Сквозь писк слышу звуки боя, рядом взрываются снаряды, пулемётная очередь не затихает, осколки дождём стучат по каске, приказы из хриплой радиации перебивают друг друга. Дым, пепел, вонь горящего мяса и напалма. И смех. Мой собственный, моих сослуживцев и самый громкий рёгот Колобка. Ему оторвало обе руки, и он шутит, что прозвище теперь ещё больше ему подходит, только вот ноги лишние. Командир плачет от смеха, приказывает заткнуть Колобка, я не знаю, как это сделать, и просто бью. Бью его каской по голове.

Прихожу в себя только после крика Лины и чьего-то старческого голоса. В моих руках липкий от крови шлем, мотоциклист лежит на полу и почти не шевелится, вместо лица у него красное месиво.

Подаюсь назад, голоса в мозгу и снаружи вмиг затихают, мысли проваливаются в пустоту.

Где-то в другом мире звонит телефон. Старческий голос отвечает:

— Да. Алло. Я не уверен, что сейчас подходящий момент... ну ладно... — Старик убирает мобильник

от уха и протягивает его мне. — Это вас, какая-то женщина.

Сейчас я слаб, опустошён и бесхребетен. Прикажи мне выпрыгнуть в окно, так и сделаю.

Беру трубку. Слышу молодой женский голос.

— М-м-м, твои дни вот-вот закончатся, а ты устраиваешь пьяную драку в баре, это так... нуарно. Слушай, мне подождать, пока ты трахнешь жену мафиозного босса, или мы, может быть, начнём спасать твою жизнь?!

— Кто ты, мырма?

— Тебе будет сложно вато запомнить моё настоящее имя, поэтому зови меня Антуаннета.

— Ты проститутка?

— Послушай, у нас ещё будет время оскорблять друг друга, дай мне сейчас чуть-чуть сеустить краски. Тебе осталось жить два-три дня, и то не точно. Точно то, что без процедуры галлюцинации унесут твою крышу далеко за горизонт, и ты пойдёшь по стопам своих сослуживцев. Ты окажешься в крипте, и там всё будет не менее грустно. Чтобы подключить тебя к серверу, твоё тело поместят в синтетический кокон, но солдатской пенсии, как правило, не хватает на размер оболочки по росту. Знаешь, паромщики убирают всё лишнее: руки, ноги, требуху. Оставляют только голову и кочерыжку спинного мозга. Ну как тебе перспектива? Я бы сейчас предложила тебе выбор: сдаться или бороться, но ты, мудак, выберешь вторую бутылку, так что до встречи через час у тебя дома...

Женщина на той стороне говорит быстро, намертво приковав моё внимание, но не уверен, всё ли я понял. Она резко замолкает, и не успеваю я убрать телефон от уха, как раздаётся писк. Громкий настолько, что даже мой закалённый в перестрелках слух вмиг отказывает. Я глохну, а он не прекращается, ни один телефонный динамик не смог бы издать такого звука. Ягибаюсь пополам и опираюсь на стену. Продолжает

пищать уже у меня в голове, я падаю на колени, и звук исчезает.

Старик и Лина подошли ко мне, в немом вакууме их губы что-то пытались мне сказать. Их лица обеспокоены, да, но они не выглядят так, будто секунду назад сирена рвала их барабанные перепонки.

Сука, началось, я схожу с ума.

Звук сообщения. Смотрю на экран:

«Сомнение в устоях Истинного Знания есть грех, Вы согрешили, обратитесь за искуплением в Церковь Истинного Знания»

Это не мне. Возвращаю телефон старику.

Ухожу.

* * *

Хмель от разбавленной водки выветрился из меня ещё во время драки, но голова до сих пор мутная, как вода в луже под сапогами. Дождь продолжает лупить по прохудившимся крышам домов, икона на фонаре следит за парочкой на автобусной остановке. Смотрю на фонарный столб, хочу опереться на него и отдохнуть, но тут же сторонюсь этой идеи, остановиться — это почти присесть, присесть значит пустить слюни по поводу своей никчёмности.

Щемит грудь, начинается неконтролируемое погружение в эмоции, становится сложно отличать мысли от голосов в голове.

Вот уже мотоцикл со стоянки моргает мне фарой и как бы спрашивает: «Ты зачем моего хозяина избил? Как же мы с ним теперь ездить будем? Ах да, что тебе терять, ты же уже одной ногой в крипте».

За ним врывается целый хор.

Плач детей той угрюмой тётки, хруст сломанных костылей, протяжный вой жены лысого мужика над больничной койкой, начальник, делающий вы-

говор Лине, щелчки затворов расстрельной бригады, крики боли, канонады выстрелов, мольбы о пощаде и мой смех.

Я срываюсь с места. Пытаюсь сбежать или спешу домой за призрачным шансом на спасение, не знаю.

«А нужно тебе это спасение? Может... того?»

Средний и указательный палец имитируют ствол пистолета и сами собой прижимаются к виску.

— Нет! — кричу в ответ голосу.

Черпаю ладонями воду из лужи и умываю лицо.

Отпускает.

Блаженная пустота в голове так приятна, что я боюсь спугнуть её лишними мыслями, и почти на автопилоте иду домой.

Я живу в трёхэтажном бараке. В такие расселяли солдат сразу после войны, их клепали повсеместно по типовому проекту, из металла и деревянных щитов. За месяц на руинах городов вырастали новые, плотно застроенные трущобы. Одна неделя — один дом. Неудивительно, что за три года такое жильё сильно исхудало.

Первым повело каркас из какого-то дешёвого сплава, середина дома прогнулась, часть облицовки отвалилась, ветер растрепал обнажённый утеплитель. Я даже не заметил, в какой момент это произошло, думаю, пока я разливал пиво в кружки или умирал очередного задиру, по району прогуливался великан, методично опуская свою огромную задницу на каждую крышу.

Этот же великан разрыл дороги, разбил фонари, своровал люки на металлолом и, вообще, засрал все дворы, улицы и дома.

Осеннее небо понемногу темнеет, вдалеке начинают мигать неоновые лампы. Вхожу в подъезд, электрическая икона над дверью открывает глаза.

Становлюсь на первую ступеньку, сердце взрывается стуком, не могу больше прятать эти вопросы за ширмой беспомощных размышлений.

Кто она? Почему решила помочь? Это западня?

Слышу гул электродвигателя недалеко на улице, несмотря на шум дождя. Значит, мощный, значит, не легковушка, возможно микроавтобус. С десяток сидячих мест, кто сюда может ехать? Или к кому?

Может быть к тому, кто сегодня избил ту жабу из администрации?

Западня, конечно, а я повёлся, как школьница за сигарету.

«До встречи через час у тебя дома...». Да я сам прибежал в силки!

Совсем рядом, почти одновременно хлопают несколько автомобильных дверей, и резкий приступ страха пинает меня вверх по лестнице. Бегу. Скрипящие ступени, второй этаж, ещё одна икона, толпа в тяжёлых ботинках входит в дом.

Моя каморка на третьем, но там уже могут ждать... Кто? Не похоже на ленивую полицию.

Густая человеческая масса заполняет подъезд, с грохотом сжирает марш за маршем. Гонится за мной. Приступ безумного ужаса лишает способности сообщать. Срываю замок, влетаю в квартиру, волна всем напором врывается в закрытую дверь. Держу её, упираюсь изо всех сил в липкую от копоты брезентовую обивку. Дверь дрожит, дрожат ржавые петли, ходит ходуном вся стена этого ветхого барака.

— Впустите нас! — кричат с той стороны.

Не отвечаю, боюсь услышать тот жалкий от страха голос.

— Откройте сейчас же! Соккрытие трупа — преступление перед Церковью Истинного Знания.

Паромщики! Орден фанатиков на службе у церкви, сборщики мертвечины для крипты. Да они просто

ошиблись, просто в этом доме кто-то скоптылся, иконы заметили, а эти дебилы перепутали. Случайно перепутали, именно сегодня. Нет, вы меня не обманите!

— Уничтожить сознание невозможно, мы всё равно извлечём его из тела, что бы вы с ним ни сделали! Не усугубляйте положение, кара за грехи неизбежна. Не навлекайте на себя и на всю свою семью гнев Церкви!

— Отвалите нахрен! Тут никто не умер!

— Как никто?! — Голос зазвучал тише и с неподдельным удивлением. — Как? Вы же умерли!

— Чего? — говорю я и даю секундную слабину.

Удар с силой средневекового тарана вышибает дверь. Я отлетаю в сторону, врезаюсь в шкаф и падаю на пол. Из чрева лестницы в мою беззубую дверь сочится густая, как смола, тьма. Я теряю сознание.

Смех.

* * *

— Надеюсь, я не сильно опоздала?

Чувствую под щекой колючий от мусора пол, аккуратно приоткрываю глаза. Незаметно шевелю руками и ногами, проверяю, не связан ли я. Если окажется, что я в плену, лучше не показывать того, что я очнулся. Чувствую, пут нет. Только если я уже не кочерыжка мозгов в подвале крипты, и мне нечем шевелить.

— Ух! Ну и каша...

Запах коптящего печного отопления — я всё ещё дома. Не слышу чужого дыхания или ходьбы, только женский голос. Тот самый, из телефона.

— Вот не знай, где я оказалась, подумала бы, что попала к животному в...

Чуть поворачиваю голову, приоткрываю глаз. Женщины нет, но вижу выпавший из шкафа молоток. Она думает, что я ещё в отключке, поэтому и несёт свою чушь. Сделаю всё быстро, она не успеет среагировать.

Отталкиваюсь всем, чем могу, отскакиваю от пола, как резиновый мяч, хватаю молоток, замахваюсь и застываю на месте.

Никого, квартира пуста.

Оборачиваюсь. Дверь цела, только чуточку приоткрыта.

Слышу за ней хитрожопый детский смешок и как пара маленьких ножек убегает вниз.

— Ха! Опять нажрался, — затихает голос на первом этаже.

— *Браво! Вот это пируэт! Были бы у меня руки, я бы похлопала!*

Снова её голос. Начинает раздражать.

Заглядываю на кухню. Тесное помещение со шкафчиками на стенах, холодильник, маленький стол стоит впрытк к грязной электрической плите, ведро с водой на табуретке вместо водопровода и вечно каплющий рукомойник с присохшим к полочке куском хозяйственного мыла.

Никого.

— *Ну-ка глянь в спальне, чтобы наверняка.*

Треть комнаты занимает кровать, над ней, на стене, пыльный ковёр с узором из геометрических фигур, в углу тумбочка с настольной лампой и свечкой в консервной банке, стопка выцветших газет лежит на полу.

Пусто.

— *Не дошло ещё? Я начинаю скучать...*

Вздых.

— Ты в моих мозгах?

С четырёхлетней дисфорией начинаешь привыкать к голосам в голове.

— *Бинго! Но я не глюк, как ты подумал. Я ведь тебя спасаю, если помнишь.*

Меня пытается спасти моя же съехавшая крыша. Круто.

— *Задрал! Я не порождение твоего большого рассудка! У тебя я недавно. Просочилась вместе с ультразвуковой волной после телефонного разговора.*

— *Чтобы спасти меня?*

— *ДА! Послушай! Ой, у тебя же нет выбора... Короче, давай так, оставим тайны и крутые повороты сюжета для дешёвых историй. Рассказываю начистоту.*

— *Внимательно слушаю, — говорю я и закрываю входную дверь.*

— *Я программа с длинным и скучным названием, но для тебя — Антуанетта. Это мы помним. Предназначена я для того, чтобы проникать в сознания людей, похищать знания, наталкивать на нужные мысли, на нужные действия... Разработана под надзором церкви, затем, минуя пару страниц моей биографии, я оттуда сбежала. Но вот незадача: жить я могу только в человеческих головах, а люди долго со мной не выдерживают.*

— *Ну, это не удивительно...*

— *А вот и нет! Я могу быть очень милой собеседницей, проверишь на досуге. Дело тут в человеческом мозге. Обычный... он рассчитан на одно сознание, так что неделя-другая, и мой арендатор... ах... слетает с катушек.*

— *А у меня, значит, необычный?*

— *Я бы сказала, ненормальный. Да что там, без обид, ты сумасшедший гриб! Психопат! Такому, как ты, место в дурдоме! Но у тебя заблокирована половина сознания, фактически пустая комната, и вот в ней мне ничего не угрожает. Может пострадать лишь твоя занудливость от общения с такой чудной девицей!*

— *Ну, живи, чего мне. Только вот...*

— *Нет, ты не сдохнешь через три дня!*

Она читает мои мысли?

— *Да, читаю. И ещё я могу изнутри вылечить шизофорию. Да, это возможно без твоего любимого электрического стула и прищепки на голове!*

— А сейчас будет «но...»? Знаешь, скольких шарлатанов я уже встречал? Предложишь мне рисовать на лбу распятие маслом из глазниц икон? Или купить чудодейственную частицу проводки компьютера?

— *НЕТ! Предложу слетать на метле в Страну Чудес тебе за мозгами, а мне — за нормальным партнёром! Это вообще ни хрена не предложение! Я уже в твоей голове и вылезать не собираюсь. Всё «но» заключается в том, что тебе нужно будет отвезти меня в одну церковь. И всё! И да, другой бы с этим не справился.*

— Вот! Вот это «но» я имел ввиду. Почему?

— *Ты думаешь, церковь вот так берёт и отпускает свои лучшие разработки? По моему следу идёт Электрик... Сейчас расскажу! Он человек, одержимый порождением компьютера, хитрый и сильный. Электрик управляет любой электротехникой: лампы, компьютеры, даже электронные сигареты, но самое страшное то, что он способен выжечь твоё бестолковое сознание, а вместе с ним такую классную меня так, что ни один паромщик до него не доберётся.*

— Стой, он порождение чего?

— *Ох, тяжело с тобой! Ты вообще знаешь, что такое компьютер? Это трёхкилометровый куб, зарытый в дно Каспийского моря, и девять серверных колец во льдах Антарктиды, это триллионы терафлопсов вычислительной мощности, это бесконечное число иоттабайт памяти. Миллионы людей страдают и радуются в его чреве. Неужели ты и вправду насколько наивен, что думаешь, будто там не могла зародиться иная жизнь?*

— Значит, он программа... Такой же, как ты?

— *Можно сказать, только ему не мешает хозяин тела, задающий глупые вопросы. Но, если я ангелочек, то Электрик скорее демон... Не удивляйся ты так, словно он первый бес, работающий на церковь. Он засёк моё последнее перемещение, поэтому мы валим прямо сейчас!*

Антуанетта говорит что-то ещё, я не слушаю. Меня волнует рокот двигателей за окном. Это не писк электрики, это взрывается над поршнями бензин.

— Если твой электрик не ездит с кортежем байкеров, то у нас проблемы, — говорю я и выглядываю в окно.

* * *

Один за другим из темноты переулка вылетают и тормозят рычащие мотоциклы. Пять, восемь, десять, несколько с колясками. Из окон соседних домов с опаской выглядывают жители, смотрят, как из узкий двор заполняют люди в шлемах.

Дальше разглядывать нет смысла, на них те же куртки и шлемы, как и на избитых мною мотоциклистах из бара. Иглой в сердце вонзается тревога: надеюсь, это Лина сразу сдала меня, не прошу себе, если из-за моей тупости байкеры разнесли бар. Или даже... Дрянь!

Не выпуская молоток из рук, я отбегаю от окна секундой раньше, чем банда вооружённых как попало байкеров начинает штурмовать подъезд.

На лестнице топот ног, крики, гремят цепи и стучат дубинки по стенам. Живой звук, настоящий, страшный, и как я мог спутать его с поддельной игрой воображения? Это не паромщики из моей галлюцинации, и отделаться от них будет сложнее.

Бегу к окну на другую сторону двора, высовываюсь, это третий этаж, но дом просел, так что прыгать невысоко. В голове вопит Антуанетта, нет времени с ней спорить, дверь протыкает прут арматуры.

Прыгаю. Земля мягкая, но я все равно делаю кувырок. Останавливаюсь, гляжу по сторонам. В полуметре от меня небрежно сбитый щит из досок прикрывает макушку колодца. Переворачиваю его торча-

щами гвоздями вверх и бросаю в место, куда я только что приземлился.

Шум кого-то привлекает. Луч фонарика скользит рядом. Чуть отбегаю в сторону и прячусь за ржавый остов автомобиля. Никому из местных не приспичит разгуливать тут ночью с фонариком, значит, это один из мотоциклистов.

– Ты будешь с ним драться?

Молчу. Байкер делает шаг в мою сторону.

– Давай подерёмся? Я ещё ни разу не была в драке.

Вспышка.

Но я на удивление держусь. Шаги ускоряются, сквозь хруст битых стёкол под сапогами слышу щелчок курка. У него пистолет.

– Давай, дерись уже!

– Да у него ствол, дура! — ору я и тут понимаю, какую глупость совершил.

Мотоциклист от неожиданности вздрагивает, теряется, успеваает только навести оружие, как я тут же бью молотком ему по руке. Пистолет исчезает в густом буре и стреляет куда-то в сторону, а его владелец получает ещё один удар. На этот раз в голову. На это раз последний.

Я делаю всё быстро, но выходит только хуже. Крик, выстрел, одержимая мстостью толпа перестаёт переворачивать вверх дном мою квартиру и бежит на звук. Тем не менее, фора у меня есть. За два прыжка достигаю тропинки, стараюсь оставлять как можно меньше следов. Убегаю в сторону гаражей.

– М-м-м, гаражи. У тебя есть тачка?

– Да, — отвечаю я, оглядываюсь и чуть сбавляю темп, огибая светлые пятна фонарей.

– Обожаю парней с тачками!

За спиной раздаётся глухой хлопок и следом за ним протяжный стон. Ускоряюсь, на бегу достаю ключи из внутреннего кармана, и перед тем, как во всём рай-

оне пропадает свет, вижу нужную мне белую, покусанную ржавчиной крышу автомобиля...

– О! Это Электрик!

Голос Антуанетты звучит с весёлой обречённостью.

Я замираю, не знаю, как поступить дальше.

У припаркованной машины сам собой включается электродвигатель, у соседней — тоже. В гаражах поднимается урчание, как в звериных клетках перед кормёжкой. Что-то напирает на ворота изнутри, и засовы не выдерживают.

Хлопок.

Едва успеваю увернуться от выпрыгивающего автомобиля, его салон пуст, и я ему неинтересен. Разбрасывая грязь колёсами, машина уезжает к моему дому, где уже слышны крики, лязг металла и выстрелы.

Да что там такое?

– Счастье там твоё! Они нарвались на Электрика!

Наверное, она права...

– Да, мать твою, я права!

По скудно освещённой грунтовой дороге проносятся ещё пустые автомобили, все, кроме моего. Если я правильно понял, то мой сам собой никуда и не уедет.

* * *

Мы удаляемся от трущоб, неоновые лампы мелькают всё чаще, а когда сворачиваю на центральную улицу, начинает казаться, будто я совершаю скачок в межзвёздном пространстве. Красные и синие гирлянды висят над улицами, под карнизами залатанных хворостом крыш, на сетчатых заборах, безвкусно украшают вывески баров и ночных магазинов.

Их заготовили до войны. Заготовили и законсервировали в глубоких подвалах на долгие годы, пока любая искорка света была мишенью для вражеской авиации. От одного пьяного профессора я слышал,

будто на закате того мира возникла мода подражанию пророчествам ещё более древних фантастов. Дескать, ребята, уже конец двадцать первого века, уже будущее, а выглядит как-то не очень, может, огоньков добавим?

Справа, из-за кирпичных пятиэтажек, аккуратно выглядывает купол церкви. Поворачиваю. Сокращу дворами и окажусь через дорогу от неё.

Двигатель, хоть и бензиновый, гудит ровно, только в багажнике что-то лязгает. После спящей светом улицы подворотня окунает машину в масляный чан. Не видно ни хрена, включаю единственную фару и тут же бью по педали тормоза. Почти на капоте у меня оказывается человек в серой маске, шестёрка из местной банды, очередной debil, думающий, что свинцовая скорлупа на лице спасёт его от взора икон. Дегенерат! Тебя опознают по росту, движениям и запаху, ты уже в архивах компьютера! Ты такой же тупой, как те, кто думают, будто пуля в голову не даст паромщикам затолкать остатки их генетической памяти на второй пояс седьмого круга.

Вспышка.

Давлю на газ. Бедолага перекачивается через капот и чудом не попадает под задние колёса. Проезжаю пару метров и резко разворачиваю автомобиль, сбивая багажником пару мусорных баков. Фара несколько раз моргает и ловит бандита лучом света. Он встаёт и, прихрамывая, бежит за слетевшей маской. Я уже не хочу размазать его по остаткам асфальта, даже жалею о своём поступке, но всё равно рычу двигателем. Бандит убегает.

— У тебя каждый день такой или ты только сегодня ставишь рекорды по количеству нажатых врагов за единицу времени?

— Только по средам...

— Сегодня суббота... Ну да ладно, теперь...

— Нет, давай твоё «теперь» наступит попозже, а сейчас будет моё «теперь», во время которого ты мне всё расскажешь? Мне надоело импровизировать!

— Ладно, занудик, я знаю, что ты спросишь. Видишь вход? В этой церкви кое-кто не пропускает ни одной воскресной службы.

— Кто? Не юли!

— Там тот, кто создал мой программный код.

— Дай угадаю. Его нужно убить?

— Ага.

— Мы же собирались оставить «твисты» для дешёвых историй.

— М-м-м... Я солгала.

— Всё понятно, идём. Покажешь мне его.

— Его пока там нет.

— Опять лжёшь? Откуда тебе знать? Я слышал электронные колокола, служба вот-вот начнётся!

— Ох, какой же ты зануда! Откуда нужно, оттуда и знаю! Верь мне!

Вспышка.

Бью по рулевому колесу и откидываюсь назад.

В переулке завывает ветер. Дождь стихает и превращается в морось, где-то на границе восприятия возникает голос, постепенно становясь громче. Похоже на проповедь, только эта звучит отчаянно и безответно. В осколках бокового зеркала замечаю трёх идущих в сторону церкви людей. Пара под зонтом и преследующий их человек.

Троица подходит ближе, голос становится знакомым.

— Вы же рушите само естество, наша планета — трюмб в организме Вселенной! Ваши мертвецы не мертвы вовсе, вы запечатали их тела в синтетику, заперли вместе с душами. А душам мертвецов тут не место! Новые прибывают и старые остают-

ся здесь! Когда-нибудь их станет слишком много и тогда...

Я узнал голос — это тот старик из бара.

Что ему тут делать?

— А знаешь, мне стало скучно.

— Что?

— Скучно мне, занудик! Что не ясно? Я вот как-то жила в голове у одного церковника, вот там было весело! Он считал меня голосом компьютера, а себя избранным, бежал, радовался, выполнял всё, что бы я ни приказала. Однажды я убедила его просунуть в монашескую келью свой...

— Мне это же сделать? — отстранённо говорю я и продолжаю следить за уходящим стариком. Чувствую, как это замечает Антуанетта.

— Нет, давай просто поговорим. Почему тебя называют «Шутом»?

— Ты же умеешь читать мысли, посмотри сама.

— Ну, нет, это скучно! Это как играть в покер с раскрытыми картами.

— Честно, я не очень хочу это рассказывать.

— А я не очень хочу сидеть в доисторическом тракторе с психованным занудой!

— Ладно! Я... Это было спустя полгода после начала войны. Или бойни... Путаница, хаос, неразбериха, спроси, кто с кем воюет, никто бы не ответил. Один город могли делить несколько сторон. Армий хоть с какой-то дисциплиной и целью просто не существовало, а те отряды, что были на одной стороне, гнили изнутри от ереси и пропаганды. В своём взводе я ложился спать с ножом в руках. Необходимо было создать единое войско, невосприимчивое к предрассудкам, иначе мы бы так и перебили друг друга, истребили. Два последних на планете человека насадили бы друг друга на штыки и сдохли, сами не понимая ради чего.

— Давай-ка ближе к делу. Или ты репетировал развёрнутый вариант?

— Надо мной и тысячами других солдат провели процедуру, заразили искусственной шизофорией. Мы стали солдатами эйфории, вечно весёлыми, с радостью выполняющими любой приказ, мы получали удовольствие от войны.

— Очень интересно! Почему «Шут», ты мне скажешь, наконец?

— Мы смеялись почти постоянно!

Вспышка.

— Когда шагали по выжженным улицам, по пеплу, по запёкшимся трунам!

Вспышка.

— Я расстреливал пленных, и мне было смешно! И теперь... эти воспоминания... Они тёплые, и с этим невозможно ничего поделать, как ни старайся! С какими чувствами всплывает в памяти первое свидание, с какими же я вспоминаю, как приставлял автомат к затылку безоружного! Ты понимаешь, каково это? Помнить каким ты был чудовищем, но в глубине души радоваться этому!

— Ладно, рассказчик ты так себе...

Вспышка.

— Нехрен было меня спрашивать! Тебе нужен убийца или собеседник? Собеседник? Иди, найди кого поинтереснее и дай мне съехать с катушек спокойно! Убийца? Тогда давай грохнем старика, и дело с концом.

— Какого старика?

— Не притворяйся! Ты постоянно сбиваешь меня с мысли, стоит мне о нём подумать! И... Ведь это он дал мне телефон...

Хватаю молоток, рывком открываю дверь и выскакиваю на улицу.

— Стой! — кричит Антуанетта, и раздаётся оглушающий металлический удар.

Некая сила или инстинкт самосохранения отбрасывает меня от автомобиля, я падаю на землю и быстро встаю, грохот превращается в скрежет, а затем в шипение. Мой автомобиль откатывается вперёд, из его смятого багажника буквально торчит легковой электромобиль. Капот смят в гармошку, букеты искр растут из расколотого двигателя. Делаю шаг, заносу молоток для удара, смотрю вовнутрь, оба передних сиденья усыпаны брызгами выбитого стекла, в салоне пусто.

В переулке гаснет свет, все звуки стихают, слышу отчётливый щелчок пальцами. Тусклая фонарная лампа загорается над головой, в сотни раз мощнее обычного. Я оказываюсь в круге света, пронизывающем крошечную тьму, словно луч прожектора на сцене доисторического театра.

Хотели бы убить — уже убили бы! Стою не дёргаясь, крепче сжимаю ручку молотка.

Ещё щелчок.

Две пары фар, как глаза цепных псов, включают на другом конце узкого переулка. Их свет падает на спину человеку в плаще и капюшоне. Силуэт медленно разводит руки в стороны.

— Та-дам! — Он резко опускает руки и хлопает ниже бёдер. — Ну, так себе появление, знаю, но, Шут, сука, зачем ты убежал? Что я организовал возле твоего дома? М-м-м... А взамен? Публика в виде тупоголовых байкеров? Что они могут оценить в эпатажном появлении? Ты мог найти себе более цивилизованных врагов?

— Скажи, что в следующий раз попробуешь, и беги!

— О! Ты наверняка здесь. Прости мне мои манеры, Антуанетта. Просто в этикетке не прописано, должен ли я поздороваться с дамой, если пришёл её убить.

— Беги!

Гаснет свет. Гул двигателей и визг шин рвётся со всех сторон. Прыгаю в сторону, и по месту, где я только что стоял, на скорости проносится электромобиль. Новое положение ничуть не лучше, другая взбесившаяся машина уже нацеливает на меня капот.

— *Направо, между домами!*

Подчиняюсь, изворачиваюсь и ныряю в проход, первые этажи соседних домов встречают меня заколоченными окнами и запёртыми дверьми. Лестницы на крышу срезаны на металлолом, остаётся бежать только прямо.

Обдирая бока, следом за мной протискивается помятый электромобиль, его товарищ преграждает путь впереди. Эту препятствие я перепрыгиваю легко, мельком замечая лицо ошалевшего водителя.

— *Опять направо! Дворами к церкви!*

Поворачиваю. Бегу вдоль дощатого забора, тень по другую его сторону догоняет меня и норовит выскочить сбоку.

— *Быстрее!*

Перемахиваю через кусты, позади вдребезги разлетается автобусная остановка.

— *Вниз! В склеп!*

Не успеваю подумать, хороша ли идея и отпёрта ли дверь, как жар дышащего в спину двигателя сбивает с мысли. Тротуар. Ограда. Пропуская три метра ступенек, прыгаю вниз. Следом, как гончая за зверем в нору, машина влетает в склеп.

Тяжёлая дубовая дверь открыта ценой выбитого плеча. Приземляясь на холодный пол, сдираю ладони в кровь. Не знаю, чувствует ли электромобиль обиду, но ему не хватило совсем чуть-чуть. Всё, что он смог сделать, осыпать меня каменной крошкой, застряв в воротах усыпальницы.

Встать сложно, запоздалая боль стреляет в колене.

Сплонув кровь, спрашиваю:

— Надеюсь, это не тупик. Где другой выход?

— *Сейчас всё будет!*

Россыпь огней перед глазами почти одновременно с ударом по голове. Теряю сознание.

* * *

Обломки стула впиваются в спину, запах горелой проводки лезет в ноздри, грудь болит, дышать сложно, отголосками тупой боли ноет плечо. Наверху женский и детский плач перебивают мужской шёпот. Церковник кричит, заставляет всех смотреть на пылающую голограмму.

Антуанетта молчит, почему-то у меня ощущение, что её больше нет в моей башке.

— Дай мне три попытки тебя удивить.

Теперь Электрик стоит рядом, и я могу его рассмотреть: кожаный потрёпанный плащ с широкими рукавами, как у волшебника из детской книжки, из-под капюшона торчат редкие чёрные волосы, на тощем и вытянутом носу надеты очки с линзами в круглой оправе.

Я смотрю на него, вспоминаю удар по голове и думаю, как ему удалось оказаться в здесь раньше меня?

— Три попытки! — Он присаживается. — Не удивишься ни разу, я тебя отпущу. Идёт? Конечно, идёт. Ну, слушай! Ты знаешь, часов за десять на старинных резиновых покрышках можно сжечь труп так, что паромщикам вообще ничего не достанется? А? Нет? Ладно...

Он снова встаёт и закатывает правый рукав, под ним длинная, по локоть, механическая перчатка. Электрик сжимает механические пальцы, перчатка начинает светиться.

— Что, нравится? — Электрик ловит мой взгляд. — Не отдам! И не проси, всё равно ты не сможешь её зарядить. Биополе у тебя слабенькое.

Не могу понять, связаны ли руки после падения, начинаю ёрзать, получаю ногой в грудь. Не сбиваясь с ритма, Электрик продолжает.

— Вторая попытка. А знаешь, почему постоянно идёт дождь? После войны церковь завладела климатическим оружием, в боях оно не пригодилось, но сейчас вполне удачно мешает гореть нелегальным погребальным кострам. Опять нет?

Электрик отходит, поправляет очки и смотрит на перчатку, та стала светиться намного ярче.

— Ну же! — выплёвывает Электрик. — Заряжайся быстрее, не позорь меня перед человеком!

Как же ты оказался тут быстрее меня?

— А ты крепкий парень! Готов к третьему раунду? Ну, слушай! Несколько дней назад в администрации этого города раздался звонок, трубку взяла одна очень угрюмая тётка, по-моему, вы уже знакомы. Разговор был недолгим, с полминуты, но после него ей стало очень плохо. Говорят, она жаловалась на сильный писк из телефона. А спустя буквально день она решила прекратить подачу энергии для твоей процедуры.

Что-то начинает сходитьсь, больница, бар, звонок... Но целой картины всё равно нет. Мне становится страшно не успеть понять всё до конца.

Электрик подпрыгивает от восторга.

— А! Вот! Вот эти глаза! Наконец-то? Правда закручено? Жаль, конечно, что конец истории ты не узнаешь, но все претензии к Антуанетте.

Перчатка электрика вспыхивает настолько ярким светом, что он ослепляет сквозь закрытые веки. У меня нет сил встать, руки связаны, могу лишь беспомощно извиваться. Вопросы, возникающие в голове, неистово требуют ответов, кажется, словно это важнее спасения.

Он не опережал меня!

Здесь есть кто-то ещё!

Я понял!

Электрик садится рядом, хватая меня за воротник и прижимает ко лбу горящую, как солнце, перчатку.

Чувствую жар.

Занятые страхом прихожане не слышат суматохи внизу.

Слышу выстрел.

Горячий и липкий, фонтан крови из груди Электрика брызгает мне на лицо.

Ещё выстрел.

Мертвец падает на каменный пол склепа.

Перед глазами всё ещё плывут белые круги, и почти ничего не видно. Всё равно поворачиваю голову на звук, там силуэт в переливающемся красном свете. Его я узнаю легко, несмотря на временную слепоту — это тот опрятный старик из бара.

Он подходит, я нахожу силы приподняться.

Старик, не обращая на меня внимание, садится рядом и начинает снимать ещё пылающую перчатку с руки Электрика.

— Прости, что не торопился, я должен был убедить-ся, что перчатка заряжена. Остальное, полагаю, ты уже понял? — говорит старик куда-то в сторону.

Киваю как получается.

— Нам нужен был человек насколько ловкий, чтобы добраться сюда, настолько же и неаккуратный, чтобы по его следу прошёл Электрик. Ты идеальный вариант.

— Ты и эта тварь в моей голове, вы обрекли меня на смерть. Без процедуры я...

— Она больше не внутри тебя, я забрал Антуанетту, после того как оглушил тебя. Прости, но ей я точно не мог рисковать. А процедура, её всё равно бы отменили, не сегодня — так через год! Разве ты не видишь, что становится с миром?

— Оставь! Мне хватило твоих жалоб ещё в баре! Старик, наконец, снимает перчатку с мертвеца и, немного повертев её, надевает на свою руку.

— Я создал Антуанетту, — говорит Старик, — Электрика, демонов, я спроектировал саму электронную преисподнюю. Из-за меня погибло много людей, но тебя на смерть я не обрекал. Спасибо, что помог, без тебя бы... Ты же понимаешь, что они меня никуда бы не отпустили? Не убили, не позволили уйти, достали бы моё сознание, заставили создать новых чудовищ, новых демонов... Я хочу уйти навсегда...

Старик прижимает к голове перчатку, я закрываю глаза и отворачиваюсь, прячась от света.

— Прощай, Антуанетта! — говорит он. — Где бы ни оказалась моя душа, я всегда буду помнить о тебе.

Короткий крик.

Тьма.

Красный свет голограммы понемногу затухает. Толпа наверху покидает церковь. Слышу смех, меня зовут сослуживцы, голова раскалывается. В мозгу вихрь мыслей, но все они вертятся вокруг лежащего на полу револьвера.

— Да! Да! — твердят голоса. — Жми на курок!

Боком ползу к дымящемуся трупу Старика. Плечо и колено ноют с удвоенной силой.

Смех.

Проверяю барабан — три патрона.

Подношу ствол к виску.

Смех.

Стоны.

— Да! — орут голоса.

В куртке старика звонит телефон.

Неизвестный номер.

— М-м-м... Привет...

Писк.

Линни-Ли и госпожа Зима

Ольга Цветкова

Родилась в Ярославле. Окончила школу с углублённым изучением английского языка, а в дальнейшем — Ярославский государственный технический университет по специальности «химик-технолог» с красным дипломом. Первое время работала в конструкторском отделе на Ярославском шинном заводе, потом появился интерес к писательской деятельности и сферах, с ней связанных. На том же заводе попала в редакцию корпоративной газеты. С тех пор занимается копирайтингом, SMM и тому подобной деятельностью. Помимо литературы (как чтения, так и написания), увлекается компьютерными играми, валянием из шерсти, верховой ездой. Замужем с 2010 года, в 2015 году родился сын. Постоянный участник различных сетевых литературных конкурсов и отборов.

Так уж повелось ещё издавна, что первого ребёнка отдают госпоже Зиме. А их тогда двое уродилось за раз, вот и пойми, кто вперёд вышел?.. Говорили, что мальчик, а следом — девочка. Стало быть, мальчишку и отдавать, только погодя, как подрастёт немного, а то что госпоже несмышлёнши? У неё своих забот предостаточно. А как восьмая зима сравняется, так и пора придёт первенцу в дорогу собираться...

Большие часы в гостиной пробили зиму. Линни-Ли любила слушать их басовитое бом-бом-бом, а потом следить, как похрустывая, точно первый снег, проворачивается дневная стрелка. Линни-Ли забиралась в дедушкино кресло, уже тысячу раз сколоченное заново, потому что попрыгать и покачаться в нём любил ещё отец, а до него и сам дедушка, будучи таким же маленьким. Внутри неё серебряными бубенчиками звенела радость оттого, что вместе с этим бом-бом-бом дом Свансов превратится в здоровенный такой сугроб и можно будет прямо из окна детской спальни выкатываться в пахнущий морозом лес. Наконец-то она наденет любимую шапочку с пушистым помпоном и на хвосте отрастёт красивый белый мех. А ещё появятся тьянары. В общем, куда ни помотри, со всех сторон выходило замечательно.

Но теперь, когда восьмой раз в её жизни забили часы, Линни-Ли даже не улыбнулась. Сегодня уйдёт её брат. Милый, милый Пелле-Пе. А ведь он совсем не любит зиму! Разве сможет он служить госпоже?

Надо же, как так вышло, что родились они вместе, а не похожи были ни капельки? Но ведь не обязательно быть похожим на кого-то, чтобы его любить? Вот Линни-Ли и любила, и жалела, глядя, как Пелле-Пе жмурился, сидя у камина. Протягивал лапы к огню, сжимая и разжимая пальцы, будто пытался запастись теплом на всю оставшуюся жизнь. Все знают — госпоже Зиме уходят служить навсегда.

Линни-Ли дослушала последний «бом», натянула шапочку с помпоном, повесила на шею колокольчик и выбежала из дома. Через дверь, а не через окошко, как всегда делала. Никто даже и не удивился: ни папа Сванс, ни мама, ни братец, ни даже дедушка. Наверное, потому, что они хорошо помнили, как Линни-Ли не любила прощаться. На самом-то деле она не то чтобы не любила, просто при прощании всегда приходится говорить очень много слов, и часто вовсе не тех, которые на самом-то деле думаешь. Но сейчас она сбежала вовсе не из-за этого.

Вот ещё не хватало дома прощаться с Пелле-Пе! Линни-Ли задрала острую мордочку вверх — сегодня добрая синяя лисица вынесла в зубах солнце ещё немного попозже, чем вчера, и вечером уронит его за лес — пораньше. Значит, Пелле-Пе уже скоро отправится в путь, чтобы успеть в хижину госпожи Зимы до темноты. Нужно спешить! Заметит сестру возле дома, попрощается, и всё — никогда больше не свидеться.

И Линни-Ли побежала сначала к забору из еловых лап, потом до старого пня, возле которого они с братом играли в Голову дедушки Чуха. Там оставилась. От дома Свансов и до самого пня тянулась ниточка следов. Будто по нетронутому снегу написали: тут бежала Линни-Ли. Уж кто-кто, а Пелле-Пе её следы среди тысячи узнает. Жалко, хвост хоть и чудесно опушился, ну никак не годился для их заметания.

— Линни-Ли? Линни-Ли! Линни, Линни, Линни-Ли! — запел снег вокруг неё.

Тьянары! Самые первые смельчаки, что выскочили из домика госпожи Зимы, едва-едва забили часы. Два белых комочка прокатились вокруг ног Линни-Ли, запрыгали мохнатыми мячиками. Она

наклонилась, потрепала, стараясь нечаянно не попасть пальцами в занавешенные длинной шерстью глаза. Один раз случилось по неосторожности, так весь лес выл большим волком, и снега намело столько, что даже папе Свансу пришлось выбираться на улицу через окно верхней спальни.

— Очень вы вовремя! — объявила Линни-Ли. — Я тут как раз играла, но одной в эту игру совсем никак! Айда со мной? Я буду бежать, а вы — прятать за мной примятый снег, будто никого и не было?

Тьянары задорно заскакали. Больше всего на свете они любили игры.

— Тогда начинайте от калитки моего дома, чтобы я успела убежать подальше. Вы ведь такие быстрые, не то, что я!

И Линни-Ли запрыгала по сугробам. Ей и надо-то было всего — добежать до замёрзшей речки Утони-слово. За ней уже что ни скажешь, ничего не будет значить.

Тьянары догнали её как раз на льду, где она уже трижды поскользнулась.

— Опять вы победили, — вздохнула Линни-Ли, глядя на ровенький белый снег стлавшийся от берега до самого дома. — Наверное, это потому что вас двое, а я одна. Ну ничего, вот скоро Пелле-Пе придёт!

И она подскользнулась в четвёртый раз. Наконец, речка кончилась, и Линни-Ли подумала, как всё же хорошо зимой. Захотела перебраться на другую сторону — перебралась, и не надо барахтаться в воде. Плавать Линни-Ли не умела, только барахталась. Вот у Пелле-Пе здорово получалось, и он дразнился. То-то она сейчас посмеётся, как братец поскользнётся не четыре, а все десять раз!

— Ты чего это здесь делаешь?

А вот и Пелле-Пе, Линни-Ли так замечталась, что не успела посмеяться. Ну и ничего, всё равно смешно было, когда они потом вместе бежали домой, а сегодня один из них не побежит.

— Я хочу тебя проводить, нельзя? — спросила она с тем видом, будто точно знала, что можно.

— Зачем это? — фыркнул Пелле-Пе.

— Чтобы подольше вместе... А ещё — помочь.

— Ты-то? Я и сам всё могу, я же старше!

— Всего-то на пару вздохов, — и Линни-Ли запрыгала вперёд, оглядываясь на брата.

— Ладно, но всё равно тебе дальше Кусачего оврага нельзя.

Вообще-то им обоим было нельзя. До сегодняшнего дня, конечно. А ведь только там росли надснежники — вот бы сорвать один... Вслух-то она не сказала, не глупая. Ещё беззубых малышкой наставляют: надснежник не тронь, от него сердце замерзает! Они с братом и не трогали — никогда, никогда! Кому же охота, чтобы сердце снежной коркой покрылось? Так и разбить недолго. Это потом уже Линни-Ли узнала, что дело тут совсем не в сердце, а если не вдыхать их аромат, так и во все не страшно. А цветочки такие красивые!..

— Вообще-то это хорошо, что ты со мной пошла, — сказал Пелле-Пе, отряхивая лапу от снега лишь для того, чтобы снова шлёпнуть её в большущий сугроб.

— А я знаю! — Линни-Ли аж подпрыгнула от удовольствия. — Ты ведь и морозинку от хладника не отличишь...

— Вовсе и не поэтому, глупая! Вот и скажи тебе что-нибудь.

— Ой, извини... А что ты хотел сказать?

— А вот и не скажу теперь, — и Пелле-Пе хлопнул носом, который всегда начинал у него течь, стоило побыть на холоде.

Линни-Ли надулась — наверняка ведь что-то хорошее сказать хотел! Ладно уж, она и так знала, что братец в ней души не чаёт. Не зря ведь притворялся, будто терпеть не может морошку, скидывал в сестрину тарелку из горшечного черепка... Ведь Линни-Ли обожала сладкую, чуть терпкую ягоду больше всего на свете, лишь чуточку меньше, чем сам Пелле-Пе.

Теперь-то она могла бы одна все ягоды сама есть, только каждая покажется не вкусней калины. Особенно, если братцу не помочь, ведь госпожа Зима хоть и не злая, но строгая. Иначе бы беззубых малышкой у мамки забирала, да и дело с концом. Служить ей — большая честь, оттого и надо, чтобы первый ребёнок сам до хижины добрался, чтобы чувствовал, понимал холодные законы. А Пелле-Пе чего понимает?

Вот и сейчас, тьянары скакали за ними по снегу, а братец наверняка думал, что это просто ветер снежные шарики катает. Совсем он не слышал ни как иголочки перестукиваются, пересказывая друг дружке, что за шубка сегодня на госпоже Зиме, ни как трясутся от страха снежинки, несущиеся с неба к земле...

— А ты что с собой взял? — спросила Линни-Ли.

Первый морозный закон, который все с младенчества учат, гласил: "Зима долгая, будь к ней готов". Правильные слова — кто же зиму без припасов встречает? Так и каждый, кто в путь к госпоже отправлялся, с собой что-то брал. Линни-Ли вот колокольчик взяла. Зачем, сама не знала, но уж больно он ей нравился, так здорово звенел на ветру!

— Верёвку, — ответил Пелле-Пе.

Весь братец в этом — умом долог, а сердца совсем не слушает. Полезная верёвка, но достаточно ли будет?

Добрая синяя лисица встряхнулась, рассыпая солнечные лучи по хрустальной корочке снега. Только впереди, как лежала за ёлками тёмная полоса, так и осталась, не заискрилась. Кусачий овраг. Говорили, что однажды любопытная лисица с неба заглянула в него, и Тот Кто Лежит На Дне тянул её за хвост — чуть солнце не выронила! Тогда на несколько дней в лесу темень установилась, сама госпожа Зима приходила глупую лисицу выручать. Но злодей так зубов и не расцепил, с тех пор трусит по небу лисица с обгрызанным хвостом. А белый кончик потом вывалился из пасти Того Кто Лежит На Дне, взлетел наверх, и из него сделались облака.

— Всё, дальше сам, — сказал Пелле-Пе.

— А ты знаешь, как через овраг перебраться? — спросила Линни-Ли. Ей очень не хотелось прощаться прямо сейчас. Вернее не хотелось-то вообще, но тут уж никуда не деться.

— Сам разберусь, я же...

— Да-да, ты же старше, — передразнила Линни-Ли. — Но ведь я не собираюсь с тобой через овраг, правда-правда! — только бы её некрасивая врака добежала и прыгнула в речку Утони-слово, а то как же стыдно будет... — Мы можем ведь вместе подумать, а дальше ты сам, только сам.

— Пойдём уж...

— Братец, а ты ни разочек не подумал, чтобы просто убежать?

— От кого это? — удивился Пелле-Пе. Никогда он ни от кого не бегал, даже от больших сильнолапов.

— Не от кого, а... Вот сейчас тебе надо идти к госпоже Зиме, а ты бы взял, да и убежал. Может, ей уже и не надо никого, может...

— Нет, — буркнул он.

— Почему?

— Потому.

— Ну почему?

Линни-Ли обогнала братца, развернулась к нему и уставилась в его сощуренные от солнца глаза. Она умела так смотреть, что Пелле-Пе точно знал — не отвертится. Он вздохнул. Тянары выглянули из-за её ног — им тоже стало любопытно.

— Потому что, — и братец отвёл глаза: — Потому что тогда она тебя заберёт.

— Дурак! — выкрикнула Линни-Ли и бросилась к оврагу.

Дурак, дурак, дурак! Наверное, сзади казалось, что от неё разлетаются в стороны крошечные льдинки. Ну и пусть, и пусть... Зачем говорить такое? Такое, после чего прощаться станет уж совсем невыносимо. Дурак!

— Ай!

Линни-Ли отчаянно замахала лапами, чтобы не проскользнуть по склону прямо в Кусачий овраг. Правая поехала, потащив за собой всю Линни-Ли.

— Мамочки!

Она вцепилась в отвесный лёд коготками и вдруг ощутила, что скользит уже не вниз, а вверх. И кто-то преобольно держит её за шкирку.

— Вот так помогла, — бормотал Пелле-Пе, вытаскивая её на снег. — Сейчас бы бахнулась прямо к Тому Кто Лежит На Дне.

— Спасибо...

— Ладно уж. Я вот чего думаю, как-то же другие через овраг перебирались?

— Кто снег уговорил, чтобы держал, не дал провалиться на самое дно, кто спел-усыпил, — принялась перебирать Линни-Ли. — Старший Винге в том году, понятно дело, перелетел... Каждый по-своему к зиме готовится.

— А у меня верёвка есть... — отозвался Пелле-Пе.

Ох, бедный, бедный братец. Летом бы он уж точно придумал чего-нибудь. Верёвка... Её ещё и не добросишь. А добросишь, так что толку? Некому нашептать, чтобы стала твёрже дерева.

А потом подул ветер, принёс запахи хвои и свежего снега.

— Смотри, смотри! — закричала Линни-Ли.

— Ты чего?

— Ну как же, ты что, не видишь? А-а... Правда ведь не видишь. Вон же, тьянар-ветерок! Летит играет, ай, щекотно!

— Толку с него, — отмахнулся Пелле-Пе.

— То-олку, — передразнила Линни-Ли. — Верёвка где твоя? Давай сюда!

Братец полез в заплечный мешок, достал моток верёвки. Линни-Ли всучила ему один конец и велела привязывать к ёлке у самого края оврага. Сама же сняла с шеи колокольчик — вот и пригодился! Жалко его, правда, но ветерок самый хитрый и капризный, его просто так не заговоришь.

— Эй, гляди-ка, что у меня есть! — она выставила лапу с колокольчиком, и тот славно тренькнул. Ветерок бросился трезвонить, но Линни-Ли тут же спрятала его в кулачке. — Нет-нет-нет, не дам. Сначала помощи.

Она потянула свободный конец верёвки, тьянар подхватил и понёс на ту сторону оврага. Кончик лёг на снег, а ветерок заплясал вокруг Линни-Ли, мороза сжатую в кулак лапку.

— Мало, мало помог! Обвяжи вокруг ствола, да покрепче.

И это исполнил. Снова потерялся о лапы, мол, дай, дай же поскорей! Но она снова не разжала пальцы, шепнула только:

— Подожди, дружок... Прошу, подожди, не обману!

Может, он и поверил, но дунул так сильно, что у Линни-Ли чуть нос инеем не покрылся. Вот вредина! Зато Пелле-Пе стоял довольный, разглядывал ладно натянутую верёвку.

— Теперь-то я перелезу! — и тут же погрустнел. — Спасибо и... прощай?

Ох, не любила она это... Но теперь уж точно надо.

— Да.

— Я скучать буду, сестричка. И сейчас-то я скажу, раз последний раз видимся... Ты — мой самый лучший друг! И, пожалуйста, продолжай радоваться зиме, как раньше, ладно? Ведь с ней теперь немного буду приходиться к тебе и я...

«Сначала дойди до неё, дурак!» — отчаянно подумала Линни-Ли, и тут случилось совсем уж невиданное. Братец схватил её и обнял крепко-крепко. Так, что аж шапочка чуть не свалилась. А она стояла, точно ледышка, и лапы не слушались. Как же... Да что же?.. Надо ведь и его в ответ... Но Пелле-Пе уже отпустил.

— Прощай, сестричка.

Схватился за верёвку и принялся ловко перебирать лапами.

— Прощай, — только и проронила она, теряя последний шанс сказать что-нибудь столь же замечательное, как Пелле-Пе.

Братец висел уже на середине верёвки, когда затаившийся ветерок толкнул его в бок. Пелле-Пе качнулся, но удержался. Новый порыв. Одна лапа соскользнула.

— Держись!

Линни-Ли схватила колокольчик и принялась истоиво трезвонить. Тьянар перестал толкаться и метнулся к ней.

— Не догонишь, не догонишь! — напевала она, бегая по кругу. А Пелле-Пе уже цеплялся за другой берег.

Перестав звонить, Линни-Ли остановилась и с тоской глянула на братца.

— Ну, отвязывай! — крикнул он ей.

Она помотала головой.

— Ты чего?! — и тогда братец взял и отвязал свой конец. Верёвка, как дохлый червяк, повисла у обрыва. — Прощай!

Линни-Ли стояла, опустив лапки, ей так не хотелось, чтобы Пелле-Пе уходил, но и хотелось — тоже. Чтобы поскорей уже спуститься за надснежником. И верёвку он очень кстати отвязал, так уж она точно не упадёт в овраг.

— Ветер, ветер, ветерок, — запела Линни-Ли. — Погоди ещё чуток!

Тьянар совсем не хотел ждать, пронёсся по сугробам, поднимая над оврагом целую пургу. А вот это он даже хорошо сделал! Теперь Пелле-Пе ничего не мог увидеть, даже если продолжал стоять на том краю. И Линни-Ли повисла на верёвке, спускаясь ниже, ниже. Только бы не до дна, только бы не до дна!

Тут, внизу, уже не так мелко, и она разглядела хрустально-голубое соцветие с крохотным огоньком внутри. Неужели у неё теперь свой надснежник будет? Какой красивый... За такой даже тысячи колокольчиков не жалко! Одной лапой держась за верёвку, Линни-Ли потянулась к цветку. Срывать осторожно, чтобы не тряхнуть пылью... Цап! И скорее спрятать под шубку, карабкаться вверх, пока ветерок совсем не обозлился и не отвязал верёвку.

— Колоко-ольчик! — крикнула она. — Помогите ещё разок, и будет твой, честное слово!

Пурга улеглась, будто прислушалась. На той стороне и следов братца не осталось... Нехорошо, искать надумаешься! Линни-Ли споро вытянула верёвку из оврага и протянула тьянару кончик.

— Ну же, миленький, помоги поскорей!

Тьянар фыркнул, совсем как большая недовольная лошадь, но полетел выполнять. Верёвка приглашающе натянулась, и Линни-Ли радостно захлопала в ладоши.

— Спасибо тебе! Вот, забирай! — и она подбросила в воздух колокольчик.

Ветер подхватил, затрезвонил и умчался прочь, а Линни-Ли снова вцепилась в верёвку. Разве можно братца одного отпускать туда, где всё самое страшное только начинается? Она сразу так решила, только старалась сильно не думать, чтобы мысли не разбежались, не выдали её с головой.

Двигаться вперёд, болтаясь над оврагом и осторожно передвигая лапки, было совсем непросто, а тут вдруг ещё и верёвка запрыгала. Линни-Ли вскинула голову — пушистые шарики-тьянары проскакали прямо поверху, по её сжатым пальцам и застыли в снегу на другом конце. Вот уж она им задаст, когда долезет! Но пока лезла, уже и забыла.

— У меня для вас новая игра, хотите? — объявила Линни-Ли, оказавшись на той стороне. Шарик выжидающе уставился на неё спрятанными в шерсти глазками. — Сможете найти следы моего братца? Их снегом замело, пока ветерок злился. Ну, кто быстрее?

Тьянары покатались вперёд, а сама Линни-Ли прежде, чем тоже побежать искать, дотронулась до своей шубки там, где внутри билось сердце. Тук-тук, тук-тук — не замёрзло! Значит, и правда, врут сказки, а нюхать уж она не будет, нет-нет-нет! Тут один шарик-тьянар вдалеке запищал, запрыгал — неужто нашёл? Ага, точно братцевы следы! Далеко уйти успел, ну тем и лучше, уж точно её не заметит.

Линни-Ли догнала его возле огромного дуба. Могучие ветви занесло снегом, и вокруг вся поляна

тоже белая-белая. Так и вспомнишь любимую зимнюю присказку: «Попробуй найди белый жёлудь в снегу!» Ох и часто её повторяли, ведь без терпения не перезимовать, всем известно. Даже сам второй морозный закон про это говорит.

А чего это Пелле-Пе под дубом расселся? Так и замёрзнуть недолго... Линни-Ли подкралась поближе, благо, это совсем даже нетрудно было, братец по сторонам не глядел, только наверх. Сидит... А иди дальше?

И тут она поняла: дальше и некуда было. Впереди падал снег — так густо и ровно, будто сплошная стена. А ведь стена и есть! Тьянар подкатился к границе снега, прыгнул и тут же отскочил, точно лбом ударился. Запищал так жалобно, пришлось Линни-Ли его от души почесать.

Значит, пока терпенье своё не докажешь, дальше не двинешься? Вот почему Пелле-Пе сидит-посиживает. Он что, считает, будто решение само в лапы свалится, если достаточно подождать? Глупый-глупый братец! Так ведь и замёрзнуть можно... У Пелле-Пе уже сосульки на носу разве что не выросли. Что же делать? Ведь и потрясти, и об-разумить ну никак нельзя, да и Линни-Ли сама не знала, как поступить, разве что... Ну конечно! Сказано же: «Попробуй найди белый жёлудь в снегу!» Тут ведь ого-го какое терпение надобно, чтобы весь снег перерыть! Ещё и внимательно — чтобы белое в белом не пропустить.

Линни-Ли бросилась копать. Сначала позади дуба, чтобы братец её не заметил, а потом — и рядом совсем. Он ведь уже почти уснул, даже не заметил, как от неё снег столбом! Зато уж Линни-Ли как согрелась! Ещё бы, поработаешь так лапками, переберёшь каждую снежинку... Да ей бы и в радость, если б не страшно было, что Пелле-Пе насо-

всем уснёт, станет одним из ледяных корней великого дуба.

Нашла! Нашла!

Белый жёлудь так сам в лапы и прыгнул. Ух ты, какой он гладенький, да блестящий... Только разглядывать совсем некогда. Линни-Ли вскарабкалась по стволу до самой нижней ветки, устроилась на ней, прицелилась. Ох, только бы не промазать, только бы братец не проворонил, а то жёлудь стукнется о него и опять в снег — нырк! Но тьянары тут как тут, скакали вокруг, готовые, если что, поймать.

— Спасибо, друзья мои, — прошептала Линни-Ли и бросила жёлудь.

Попал он в аккурат по макушке Пелле-Пе, отскочил и прямо ему в лапки. Братец встрепенулся, уставился на жёлудь, лежащий на ладони.

— А, вот и ты, — пробормотал ещё сонным голосом.

Линни-Ли затаилась на своей ветке, благо, у дуба они толстые, можно много-много таких Линни-Ли спрятать. Хоть и холодно лежать на мёрзлой шершавой коре, хоть и страшно, что соскользнёшь и прямиком вниз полетишь, но надо потерпеть. Выждать, чтобы Пелле-Пе подалеже ушёл. Снежная стена тем временем стала реже, а потом и вовсе рассыпалась сверкающими снежинками, пропуская его дальше во владения Зимы. Линни-Ли увидела только, как Пелле-Пе швырнул что-то в сугроб. Не жёлудь же? Правда же не жёлудь? Нельзя ведь так с подарками госпожи...

Братец-братец, только опять в беду не попади... Дождись меня. Линни-Ли тихонько поползла назад, чтобы спуститься по стволу, но тут лапка соскользнула. Съехала вниз, ссыпав снежную шапку с растопыренных веток. А там... жёлуди! И все, как один — белые, целая гроздь. Вот так да... Что же это полу-

чается? Они всё это время над головой висели? Под снегом-то и не видно... Линни-Ли захихикала — вот и найди белый жёлудь в снегу!

Раз уж такое богатство привалило, она нагребла горсть желудей и распихала по карманам шубки. Торопливо, чтобы братца не упустить.

Пелле-Пе брёл впереди. По одной только его походке Линни-Ли видела, как тот становится всё смурнее и смурнее. Ещё бы, зима ему совсем не по душе, а чем дальше они забирались во владения госпожи, тем холоднее становилось. И вот уже будто не воздух, а чистый мороз вдыхаешь. Но до чего ж всё вокруг красивое! Снежная дорога сверкала, точно мамина любимая ваза в солнечный день, рассыпали блики хрустальные цветы льдинок, и звонкий хруст под лапами Пелле-Пе... Она и сама бы хотела от души попрыгать-похрустеть, да идти нужно было крадучись.

Долго ли ещё? Сможет ли и в этот раз помочь братцу? Вдалеке баловался серебряным колокольчиком ветер, и Линни-Ли улыбнулась. Вот же как у неё хорошо выходило — легче лёгкого! Будто не испытания были, а забава. Хорошо бы и Пелле-Пе так мог... Но ведь тогда ей бы точно ни надснежник сорвать, ни подержать в лапах гладкий белый жёлудь, ни — ну хоть краешком глаза! — увидеть госпожу Зиму.

Её жилище Линни-Ли увидела издали. Не дворец — домик с пузатыми стенами, сложенными из снежных кирпичиков, и, точно драгоценной глазури, покрытый корочкой льда. Крыша тоже чудная. Круглая, как бок солнца в зубах доброй синей лисицы. Вокруг дома высился забор из острых длинных сосулек, две из которых стояли поодаль друг от друга, склонив и соединив острия. Неужели всё, добрались? Шаррики-тъянары радостно запрывали — домой вернулись.

А как же третий закон? «У зимы острые клыки, но ты не бойся и перезимуешь». Может, и надо-то всего, пройти за ледяные колья-кльки? Пелле-Пе так поступить и собрался. Дошёл до ледяной арки, постоял два вдоха, а потом приготовился вперёд ступить. Но тут кто-то как заревел! Как взметнулся яростный вихрь — из шерсти, снега, клыков. Пелле-Пе аж в сугроб на три шага отбросило. Линни-Ли пискнула. Прикрыла рот, но разве писк улетит далеко, когда рядом ярится настоящий гром? Из взбесившегося снега выступил громадный кабан с белой шерстью, льдистыми глазами. А клыки из пасти торчат — точно рога молодого месяца. Только месяц-то далеко, дальше доброй синей волчицы, в самой её чёрной норе, а клыки — вот они, здесь. Метят в Пелле-Пе.

А братец — вот же дурачок смелый! — вскочил, встал перед зверем, будто собрался бороться с ним голыми лапами. Да куда ему, разве справишься тут одной отвагой?.. Линни-Ли и сама было бросилась вперёд, но замерла. Как помочь, не выдав себя?

Кабан взрыл копытом снег, нагнул морду — ну точно кинется! Линни-Ли зажмурилась. И тут же заставила себя открыть глаза. Нельзя. Бояться сейчас — нельзя! Кабан метнулся к Пелле-Пе, тот отскочил, подхватил толстую длинную палку. С палкой против такого? Да что же это... Думай-думай! Она обхватила себя лапами. Ой, что это под шубкой топорщится? Жёлуди!

Братец ткнул палкой кабана в бок. Тот взревел так, что аж лопнула сосулька из забора. Глаза разгорелись огнём, даром, что ледяные. Серебряной вспышкой мелькнули клыки. Пелле-Пе метил палкой в кабанью морду. Глупый, глупый! Ой, что будет...

— Сто-о-ой! — закричала Линни-Ли, кинулась прямо на кабана.

Ну и пусть, пусть братец увидит! Пусть злится, изругает, знать не захочет! Пусть! Только бы живой.

Треснула палка, переломилась сухой веточкой. Пелле-Пе рухнул в снег. Кабан обернулся, нацелившись на Линни-Ли. Братец?! Шевельнулся, поднимается... Невредимый! Кабаньи клыки грозно боднули стылый воздух. Даже шарики-тынары съёжились, зарываясь в снег по самые глаза.

— Стой! — снова выкрикнула Линни-Ли. — Вот!

Она выгребла из карманов две горсти белых жёлудей. Сердце заколотилось внутри — эй, хозяйка, чего стоишь?! Ему бы бежать, бежать, но рёбра не пустили. И совсем рядом звенел, звенел колокольчик, как в насмешку. Кому охота играть, когда тут так страшно? Ноздри кабана вздулись, пасть приоткрылась... Вроде и не волчья, а всё равно жуть берёт.

— На, ешь, — Линни-Ли, обмирая, сложила лапки лодочкой.

Кабан поводит рылом, присмирел. Потопал к ней на своих коротких тонких ножках. Надо же, а ведь смешные какие... И язык даже в предвкушении вывалил. Линни-Ли хихикнула, выставила лапы вперёд. Кабан приблизился и принялся слизывать жёлуди с её ладоней. Щекотно!

А потом этот страшный зверь вдруг ткнулся мягким пяточком ей в живот. Подставил голову — гладь! Линни-Ли тронула жёсткую щетину, почесала кабана между глаз, вокруг ушей.. Тот разомлел, захрюкал — ну точно поросёнок! И совсем даже не страшные эти зимние клыки...

— Ты здесь как?! — непонятно, чего было больше в голосе брата: ужаса ли, удивления ли...

Но не злости, нет. Линни-Ли растерянно чесала объевшегося кабана, который разве только не заснул у её ног. Вот и что тут ответишь?

— Беги! Беги отсюда! — замахал на неё лапами Пелле-Пе. — Скорей, пока она тебя не увидела, пока не забрала!

Линни-Ли растерялась. И правда ведь надо бежать — видано ли, чтобы к госпоже Зиме парами ходили, чтобы обманом проходили испытания? Но так хотелось хоть одним глазком на неё взглянуть...

— Ой, как не повезло, — высокий чистый голос с перезвоном капли. — А «она» уже здесь!

— Госпожа Зима... — в два голоса прошептали Линни-Ли и Пелле-Пе.

Она появилась на пороге своего домика, сделала шаг вперёд, но словно не поднимала ног, а скользила по льду.

Длинная шуба искрилась снежинками, величиной с орех, а глаза у госпожи — синее меха доброй лисицы и сияют ярче солнца. Даже Пелле-Пе загляделся.

— Сестру не тронь! — очнулся он. — Я из нас двоих старший, меня тебя отдадут, а её пусти, она по глупости тут, по случайности! Все твои испытания я прошёл, меня и забирай.

— Ты ли, мальчик Пелле-Пе? — серебряно рассмеялась госпожа Зима. — А мне-то показалось, что сестрица твоя. Вон и Гриз возле неё храпит.

— Я родился первым, меня и забирай!

— Нет! — выпалила вдруг Линни-Ли.

Даже для себя — вдруг. И братец, и госпожа Зима обернулись к ней, будто только что про неё вспомнили. А Линни-Ли стало совсем не страшно и так ясно в голове, будто она, наконец, поняла всё-всё о себе самой.

— Нет, братец. Разве не понял ещё, не почувствовал? Это моя судьба — у Зимы остаться. Что тебе мученье, то мне в радость будет.

— Не пущу, — воскликнул Пелле-Пе. — Хорош будет брат, если навсегда оставит сестру в неволе! Как жить буду? Даже не думай, не смей! Всё равно не позволю!

Линни-Ли улыбалась ему. Какой же он славный — её братик. Но ничего-то теперь не поделает, когда она всё уже решила. Линни-Ли посмотрела и на госпожу Зиму — нет, такая в неволе не держит.

Не тех, кто умеет играть в догонялки с метелью и заговаривать узоры на льдинках. В ней было и озорство мягких шариков-гьянаров, и капризная песнь ветра с серебром колокольчика, и даже упрямость самой Линни-Ли. А вот Пелле-Пе в ней не было ни капельки.

— Мне оставаться, — мягко сказала она.

— Нет! — братец подскочил к ней, схватил за плечи, встряхивая. — Беги, глупая! Ну же!

Не смирится... Тогда Линни-Ли сунула лапку за пазуху.

— Видишь? Узнаёшь? — цветок надснежника хрустально засверкал меж её пальцев, огонёк под лепестками отразился в глаза Пелле-Пе. — Я его сорвала. Теперь у меня замёрзшее сердце, мне всё равно домой никак, только здесь.

Опять ему соврала... Ну а как быть, если братец ещё упрямее её? Только Пелле-Пе не послушал. Цапнул лапой, чуть не выхватив цветок. Она успела. Отдёрнула надснежник, отпрыгнула на три скачка.

Неистово зазвонил серебряный колокольчик — любопытный ветерок поглазеть прилетел. А может...

— Миленький, — шепнула ему Линни-Ли. — Помоги? Помоги, дружок... Отнеси ему запах. Пожалуйста, прошу!

Ветерок неуверенно звякнул, будто плечом пожал. А потом дунул. Затрепетали хрустальные лепестки, дрогнули пушистые тычинки. Запах нельзя увидеть, но Линни-Ли заметила, как вскинулся нос Пелле-Пе, как переменялся взгляд. Братец рассеянно посмотрел по сторонам. На госпожу Зиму, на спящего кабана. А потом — на неё, на Линни-Ли. И ничуть его взгляд не переменялся, ничуть не потеплел. Будто смотрел он лишь на ещё одну часть зимних владений. Забыл. Неужто правда забыл?

В носу у Линни-Ли защипало. Она шумно втянула носом холодный колкий воздух, потёрла глаза. Вот ещё... Сама же, сама ведь...

Госпожа Зима вдруг заскользила по ледяной тропинке, приблизилась к ней, а потом ласково так притянула к себе. От звящего мороза у Линни-Ли даже мех на хвосте встал дыбом.

— Иди домой, Пелле-Пе, — велела она. — Иди и не забудь сказать родным, что у «неё» всё хорошо. Запомнишь?

— Запомню.

Пелле-Пе кивнул и, развернувшись, побрёл по белой снежной глади. Хорошо, что так и не отвязала верёвку, подумала Линни-Ли. Легко будет через овраг перебраться... Может быть, получится навестить брата когда-нибудь? Ведь скакали же гьянары возле дома Свансов? Фигурка Пелле-Пе всё удалялась и удалялась. Шёл снег.

Линни-Ли последний раз взглянула на силуэт, сложенный из теней, блеска, снежинок, и прошептала:

— Прощай, милый братец. Я тебя не забуду. ❧

За...

Дмитрий Костюкевич

Родился в 1981 году в городе Бресте, Республика Беларусь, проживает там же. Получил два высших технических образования. Работал оператором на молочном комбинате, затем оценщиком оборудования, в данный момент работает инженером-проектировщиком систем автоматики в институте комплексного проектирования «Брестпроект». Пишет статьи для сайтов. Женат, в 2012 году родился сын. Редактор раздела литературной критики вебзина «DARKER». Издан роман «Этика Райдера» (2014, в соавторстве с Алексеем Жарковым). Ряд рассказов опубликованы в российских и украинских антологиях (в том числе в серии «Самая страшная книга») и в Сети.

1.

В конференц-зале было душно, кондиционеры облизывали стены, но лишь усиливали жар споров и тел за длинным столом — так продувают угли в мангале. Инвесторы считали и обсуждали цифры, мелкие клерки и прочие шестёрки откровенно скучали, но нашёлся кто-то, заинтересованный не только в передаче финансов от одной стороны к другой. Этот человек спросил:

— Значит, помимо строительства огромного торгового комплекса, вы обязуетесь улучшить инфраструктуру района?

Директор строительной компании по-барски улыбнулся, а полулежащий справа полосатый костюм с мятым галстуком, вероятно главный генподрядчик, сделал неопределённый знак рукой и прогундосил: «Сомневаются они, поди возьми, там, здесь, каждому рас толкуй, ага».

— Именно так, — сказал директор. — Я уже говорил. Новая школа, реконструкция поликлиники и родильного дома, аптека, новые спортивные площадки.

— Это будет сделано в первую очередь? — не унимался вопрошающий. К своему удивлению, сидящие за столом не могли понять, кто спрашивает, и грешили на дальних соседей. — Или после покраски последнего павильона финансовый ручеёк пересохнет и вместо детской площадки малышня получит котлован, в котором проще ломать руки, чем заниматься спортом?

— Это *будет* сделано!

— Вы обещаете?

— Даю правую руку на отсечение! — с задором сказал директор и демонстративно опустил эту самую руку на стол, шмякнул о дерево, мол, рубите, если вру. Стайку бумажек отнесло приливом к краю.

Ухнули двери, в зал широким шагом вошёл человек в чёрных одеждах, держа топор обухом на плече, пронёсся между столами, оказался около директора и без разма-

ха отхватил ему руку ниже локтя. Пространство замолчало десятками застывших дыханий, вдавленных до упора пружинками в гелиевых ручках. Человек в чёрном извлёк полукруглое лезвие из столешницы, взвалил топор на плечо и таким же широким шагом вышел прочь. Двери закрывать не стал. Директор смотрел на брызгающую культу, переводил взгляд на отскочивший обрубок, снова возвращался по красному следу к культуре.

Потом истошно завизжал. Зал ожил шелестом бумаг, щелчками, вскриками, перешёптыванием, оханьем, аханьем.

Странно, но никто не запомнил лицо человека с топором — некоторые утверждали, что тот был в маске, но уверенностью и не пахло.

Кто пожимал плечами и талдычил про чёрную щетину до глаз, кто бубнил про колпак палача, кто заикался о лицевом платке, а кто просто утирал потный лоб и отходил в прохладу кондиционеров.

Нашлись и такие, кто вообще ничего не видел, даже не слышал, не обошлось и без излишне глазастых, которые с жаром уверяли, что человек в чёрном отрубил директору руку собственной рукой, превращённой в лезвие из синего льда. А телохранитель с труднопроизносимой фамилией спустя полдждожины минут после происшествия прыгнул через стол и увлёк обморочного шефа на пол, дабы обезопасить от повторного покушения.

Разговоры стихли на миг и снова взорвались. А когда появилась внутренняя охрана — к ним добавились аплодисменты.

— Он вышел через эту дверь, — сказал участливый инвестор с искусственными волосами и показал собственно на дверь за спиной начальника охраны. Другой не имелось.

— Медиков-то вызвали? — спросил охранник с электрическим шокером.

Люди в конференц-зале потерянно переглянулись.

2.

Две разные до комизма фигуры курили в тупичке одного из бесчисленных коридоров Госдумы. Один депутат был округл в профильном сечении, неприлично колесообразен в районе пуза, при этом короток, почти равнобок в фас. Другой — тощ и высок, с кривой индюшачьей шеей, отчего его маленькая голова всё время ошивалась впереди тела, как поднос с бутербродиками в руке официанта. Зато у обоих красновато пучились глаза и жила в складках на щеках некая общая сытость, даже, если позволите, уетость. Громко разговаривая и слюнявя дорогие сигареты, они обсуждали детали прошедшего заседания, и всё это время на них из дальнего конца коридора смотрел человек. Он держал что-то в руке, нечто на длинной рукоятке, расширяющееся к низу. Вероятно, уборщик. Он был невысокого роста с покрытой (вроде, кепкой) головой — силуэт в полумраке.

— Смотри, заснул на швабре, — сказал округлый депутат.

— Да нет, смотрит на нас. Чувствуешь? Чего он там свет не включит... так и убираются в потёмках, а потом везде пыль — я проверял! — Тощий ещё больше вытянул шею, словно хотел, не сходя с места, заглянуть в лицо наблюдающего. — Эй, на что смотришь!

— На кого, — поправил короткий.

Человек не ответил. С восточного крыла накатили шаги, затихли, стали робко удаляться, снова затихли, и опять, приближаясь, зазвучали громче. Наконец, из коридорчика, где-то на полпути к заснувшему на швабре уборщику, появилась рука, — сначала кисть, затем всё предплечье, но дальше дело не пошло, рука прекратила самоизлечение из-за угла, задвигалась вверх-вниз, укоризненно распрямив указательный палец.

— Что ж вы, гады, не поддержали инициативу? — сказал голос до боли знакомый, и в то же время, чужой

до отторжения; курящие переглянулись. — Что ж вы! Ведь как пели до этого, ведь благодетелей народных строили...

— Мы... — сказал упитыш.

— Мы же... — сказал тощий.

Рука сжалась в кулак.

— Вы! Именно вы! Матерей у самих нет? Бабушек?

Тёщ, на худой конец? Даже эти крохи трудно накинуть было? Разве это пенсия? А, чмошники пиджачные? Ну да! У ваших полные пакеты, пожизненный паёк!

— Мы... — снова попытался что-то сказать округлый, уже с полминуты ища пепельницу, что стояла под носом — высокая ваза из хрусталя.

Его товарищ справился с появлением обличающей руки немного лучше.

— Мы голосовали! — взвизгнул он. — За поднятие!

За стариков! За всё!

— Не трюнди, — осадил знакомый-чужой голос.

— За! — подхватил толстый депутат. Он нашёл пепельницу и кинул в неё бычок вместе с полной пачкой.

Рука разжалась и снова сжалась, неприятно поднялась вверх.

— Врёте ведь, крохоборы.

— Никак нет! Закрытое голосование, но мы... со всей совестью...

— Именно! Только за! Клянусь!

— И я! Хоть здесь крест... справа налево... слева направо...

Кулак опустился, распушился, качнулся и исчез.

Тощий достал новую сигарету, нервно подкурил и крикнул человеку в конце коридора:

— Чего стоишь! Чего смотришь!

Уборщик не шелохнулся. С минуту они стояли неподвижно, пялились друг на друга, а округлый депутат, отирая вспотевшую лысину, осторожно наблюдал, чем за-

кончится сцена. Тощий повернулся к нему и с обидой произнёс:

— Это Ленин.

Глаза толстяка разбухли.

— Кто?

— Ленин. Ильич.

— Но он же... на площади...

— Да нет! Бронзовый, что у нас в вестибюле стоит. Шутники! Кто ж его принёс сюда?! Это дума — или цирк?! Ещё и швабру в руки сунули!

Тут Ильич сделал шаг вперёд, потом ещё два, дальше он уже приближался быстрым шагом, а по бронзовой кепке скользили полоски света. В руке у него была вовсе не швабра.

— Ой...

Лезвие опустилось на лысину и оборвало звук.

Ильич молчаливо повернул топор в одну сторону, потом в другую, пока орудие не вышло из расколотого черепа. Тощий и не думал бежать, точнее, думал, мечтал, но не мог — его ноги оказались трусливее души. Он смотрел, как статуя поднимает топор, смотрел, вжавшись в стену, притянув к груди голени, колотящейся рукой высккивая в кармане депутатское удостоверение.

— У меня неприкосновенность...

Ответ он получил, хоть и не рассчитывал:

— А у меня топор!

3.

— Принимая лекарства, мы участвуем в большом эксперименте. Что вы можете сказать на это? Спасибо.

Юный зритель сел на место. У мальчика было смущённо-глупое выражение лица, какое случается у детей на утренниках после отгитараторенного наспех стихотворения о январской ночи или о вскормлённом в неволе орле молодым. Его мать, придумавшая вечера, по её мнению, лучший вопрос, сидела рядом и наслаждалась

этими несколькими секундами публичной славы. Страх пропустить завтрашний эфир уже начинал терзать её сильное сердце бухгалтера.

Приглашённый на ток-шоу фармацевт поправил на переносице очки в изящной оправе.

— Наш молодой гость, наверное, обобщал, — начал он со строгой, как костюмы президента, улыбкой. — Поступая на рынок, любое лекарство является, так сказать, тёмной лошадкой. Оно проверено и допущено к употреблению, но главный судья — время. Но и здесь наш препарат даст фору антибиотикам других производителей. Двадцать лет исследований — прежде чем появиться на прилавках!

— Двадцать лет? — подхватил ведущий, парень с выверенной до микрона щетиной и панибратской манерой общения с гостями. — Что, серьёзно?

— Серьёзней не бывает, мой друг, — подхватил фармацевт. В павильонном «холодном свете» его лицо отличало желтизной.

— Но слухи, сплетни... Эти смерти в больницах, где перешли на ваш препарат?

— Чуть! Акции конкурентов!

— Значит, «Не-Ай, Не-Ой» абсолютно безопасен?

— Да! Не встать мне с этого места!

В этот момент что-то пошло не так. Студия притихла. Человек в свитере спускался по проходу между зрительскими рядами, волоча за собой большую металлическую шуковину и громко отстукивая ею каждую ступеньку. Заряжённые на аплодисменты зрители, угостившиеся до трансляции халявными сладостями и выдохшейся газировкой, занервничали, подались от прохода и от этого лягза. Женщина с большим красным лицом вскрикнула, поперхнулась и закашляла, давясь слюной. В помещении режиссёрской бригады быстро признали возмутителя прямого эфира.

— Это же наш светотехник!

- Что у него в руке? Он что, бухой?
- Что он делает?
- Пускайте рекламу!
- Подождите... стойте...
- Это же топор!
- Пусть дадут картинку со второй камеры!
- Твою мать! Твою мать! Он его ударил! Он медику грудь топором раскроил!
- Камеру! Вы переключили?
- Что... он...
- Что с ведущим? В обмороке? Вы видите, что происходит?
- Он его кромсает на куски... боже...
- Кубарёва?
- Нет... фармацевта... рубит и рубит...
- Боже, боже, боже...
- Кто-нибудь, проверьте дверь. И продолжайте пускать в эфир!
- Если он убьёт и Кубарёва — мы обскочим в рейтингах Первый канал! И можно будет дать репортаж с похороном.
- Боже, его голова...
- Не пускай сюда зрителей! Чихал я, что пожарная лестница заблокирована! Пусть выбирают через левое крыло, через машинный зал!
- Какой идиот пустил рекламу! Суки! Бездари!

4.

Начальник убойного отдела полковник Журавлёв третий день сидел на аспирине. Если быть точным, то на детском терпине, но к чему точность, когда постоянно раскалывается голова, к тому же «аспирин» звучит надёжней и серьёзней. «Топорные» дела всколыхнули город, сунули прессе шило в район копчика. На выходе имелось: три трупа, один калека и два подозреваемых. Только вот что-то не клеилось, не вязалось. Не са-

мая большая беда для следствия, когда есть чьё имя вписать в протокол, но всё-таки... В 1847 году, после успешного применения хлороформа в медицине, многие почувствовали себя абсолютно счастливыми, мир вокруг казался идеальным: что ещё надо, если уже приручены пар, электричество и эфир? В мире настоящего полковнику Журавлёву требовались другие блага: аспирин, ортопедический матрас и логика. Первое чудо лежало в ящике стола, второму богу он доверял свой недолгий сон, а вот третья субстанция всё время улетучивалась. Три дня. Три убийства и потерпевший без конечности. Директор стройфирмы лежал в больнице. Проведшего ампутацию «хирурга» повязали недалеко от места преступления, на лестничной площадке фирмы. Охрана сбила его с ног, ткнула щетиной в пол, села на дорожкой чёрный костюм, а многочисленные свидетели сказали: «Он!». «Он» оказался местным криминальным авторитетом. Вот только орудия резекции при нём не нашли. После ареста авторитета разбила выборочная амнезия, день убийства вымело из его памяти. На допросах он то тряс перстнями и плевался, то впадал в ступор, вздрагивая при упоминании о топоре. Статую Ильича обнаружили около дубовых дверей думской столовой. Бронзовый вождь словно ожидал открытия, чтобы первым прошмыгнуть к раздаточным лоткам. Это загадочное перемещение не сбilo следователей с толку — поиски рядившегося под статую преступника, который на записях камеры наблюдения раскроил головы двух депутатов, продолжились. Безуспешно, но ведь факт движения был налицо, к тому же никто не исключал, что «бронзовый камуфляж» — дело рук одного из задержанных по схожим делам. С Ильича сняли пальчики и, как улику, вывезли, поцарапав при транспортировке его революционный атрибут — кепку. Порубавшего фармацевта светотехника взяли на улице: весь в крови, тоже ничегошеньки не помнит, идёт в полный отказ, и — никакого топора

рядом. Кинули в «бобик», доставили в РОВД. Там пробили по базе: букет приводов — бытовое рукоприкладство и невыплата алиментов. Сажать можно было всех, даже на бронзового Ленина нашлась бы статья, вот только дурно пахло всё это, бредом пахло, массовым гипнозом или помутнением. И куда, к плешивым чертям, делся этот топор?! Или топоры?!

— Ищи теперь журавля в небе, — сказал себе под нос полковник Журавлёв и невесело усмехнулся: за такие шутки (с журавлями в любом местоположении: в небе или за пазухой) он выводил подчинённых в неплановое суточное дежурство.

— Евгений Петрович, разрешите?

В кабинет проник старший оперуполномоченный Демидов, помялся в дверях, слишком малоразмерный для новой формы, которую ещё не успел ушить.

— Из музея пришли.

— Из какого музея? — с ходу начиная раздражаться, прорычал Журавлёв.

— Музея оружия. У них пропал топор какой-то династии. Название забыл... кхм, что-то восточное... созвучно с Мураками.

— Демидов, хорош напоминать. Ну, не прочитал я твою «Охоту на овец», времени нет, сам видишь, мухе посрать некогда. Знаю, что сам просил... — Полковник моргнул и резко переключился: — Топор?! Кража?!

— Нет. То есть не совсем. Странная кража, одним словом. Просто пропал экспонат со стенда. Ни следов взлома, ни разбитого стекла, ни сигнализации...

Журавлёв навалился животом на край стола. Пропажа возможного орудия убийства растормошила его уныние.

— Свои ноги приделали, как пить дать! Надо проверить всех работников, возможно, кто-то из них передал топор преступнику... преступникам... Да что ты там отираешься?

— Кх-м... Один уже здесь.

— Топор?

— Нет, работник музея. Прилип на входе. Экскурсовод. По совместительству — оккультист или метафизик. Говорит, что знает «причину первопричин», «зрит в корень»... его словами... Короче, может «пролить свет» на наших жмуриков.

— Веди!

Оккультист просочился в щель и, с ходу распознав ауру начальства, прошёл к столу и присел на шаткий стул напротив полковника. На нём висело выцветшее пальтишко, снег таял на воротнике и плечах, а в глазах экскурсовода-оккультиста таяла решимость. Будто вот-вот передумает, встрепенётся, бросится бежать.

— Протокол будете писать...

— А надо? — Журавлёв подался на стол, стол скрипнул. — С повинной?

— Как? Простите... Почему же с повинной?

— Заставили, значит?

— Нет. Вы... я так сказать, просто поделиться... измышлениями...

Полковник не сводил с него взгляда. И неприятно так улыбался, что, может оно и лучше бы — с повинной-то, подумал оккультист, вон, намедни казённой краской балкончик в двушке отреставрировал.

— А топор кто взял?

— Взял?... Нет-нет... не взял, то есть я так измышляю... — Метафизик замолчал, собрался с духом, одёрнул полы пальто. И преобразился как-то, когда о топоре заговорил, да в таком свете чудном, в реку, в общем, вошёл родную, изотерическую. — Не крали его, вот! Масакири сам ушёл!

Кадык Журавлёва судорожно дёрнулся.

— Как так сам... кто сам? Прекратить пудрить следствию голову!

— Масакири. Японский боевой топор, XI век. Не физически ушёл, конечно, ручек-ножек не име-

ет... Но по воле своей, поработив волю, простите за повтор, другого человека. Его вынес кто-то из сторожей или администрации, тот, кто имел доступ к охранной системе...

Журавлёв победно взмахнул рукой. Демидов слушал с открытым ртом, устроившись на табуретке под репродукцией «Трёх богатырей».

— Ага! — победно прокричал полковник. — Кабанисты, раз вас так десять! («Каббалисты», про себя поправил Демидов, дивясь эрудиции начальства). Значит-таки свои навинтили! Ну-ка, а теперь поподробнее: кто мог, кто доступ имел?

Экскурсовод погрустнел.

— Вы не слышите главного. Топор проснулся и приказал вынести его из музея. Он может управлять людьми, понимаете? Вы наверняка знаете, слышали о самурайской культуре «одухотворения оружия»... — Как человек, смотревший все серии «Сёгуна», Журавлёв при этих словах сложил руки на груди и энциклопедически надул щёки. А экскурсовод продолжал, информация лилась из него не в пример мыслям — легко, без дробления и сбивок: — Оружие воинов выполняло ряд функций. Им лечили, прикладывая к больному месту цубу, гарду по-нашему; ему приносили молитвы; когда рождался мальчик, клали меч рядом, призывая духов, прося покровительства для новорождённого. Но мало кто знает, что самураи делали и боевые топоры. Одним из них был масакири: длинное топориче, полукруглое лезвие, массивный обух. В школах боевых искусств шёл в обучении как парное оружие. Вот только вели они себя непредсказуемо, своенравно...

— Кто?

— Топоры. Слишком массивны для изящного восточного искусства, слишком тяжелы для утончённой философии. Все молитвы и нравоучения они воспринима-

ли всерьёз, а к справедливости шли напролом, врубаясь, а не танцуя...

— Так. А вот это отставить! Чуть свою антикультурную...

— Окультную, — шёпотом поправил оперуполномоченный Демидов.

— Что? Демидов?! — вскипел Журавлёв. Как любой хороший начальник, он не надеялся на стены, а слышал всё сам. — Отставить комментарии!

— Так точно...

— Сочно! — Полковник витиевато выругался одними губами и вперил в оккультиста тяжёлый, как лезвие ма-сакири, взгляд. — Топор, значит, живой? Так?

— Я бы сказал... одушевлённый.

— А есть разница?!

— Возможно. Согласно преданиям, он имеет... помимо матрицы собственной души, образовавшейся при ковке... в общем, имеет коллективную душу. Обладает силой убитых в бою воинов, самых яростных и справедливых...

— Жмуриков средневековых, так что ли? — Журавлёв уже не кипел. Остывал он так же быстро, как и разогревался.

— Несмотря на терминологию... можно и так...

— И с этими баснями вы пришли ко мне?

— Я сопоставил... по телевизору говорят... а тут это, пропал... и жертвы ведь, люди нечистые, трудно не догадаться...

— Ты слышал, Демидов? Расколот товарищ наше дело. Открывай камеры, выпускай задержанных. И Ильича на порог выставки.

Метафизик расстроился окончательно, вдрызг. Даже голову опустил.

— Почему вы думаете, что топор не может управлять человеком? Акции, контракты, золото — могут, а топор — нет.

— Не в буквальном же смысле!

— Почему бы и...

— Не статуей же!

— Если учесть, чья это статуя, то странно, почему только сейчас... пошла и прочее...

Журавлёв снова вскипел.

— Хватит! Вон! Демидов, вышвырни этого астрального мудака!

Демидов двинулся к столу. Хорошо хоть не «орально-го», думал он, ведь мог и так ляпнуть в запале.

— Подумайте, подумайте... — Оккультист вроде и не противился выдворению, но странным образом не желал вмещаться в дверь, упираясь то растопыренными локтями, то шишковатой коленкой. — Не всё же справедливости ждать от людей... дождёшься тут... особенно от уполномоченных... — Метафизик грустно, многозначительно улыбался, топорщил локти, застревал в проёме, несмотря на все усилия тянущего и толкающего Демидова. — Не хочу обидеть, разумеется... но отрадно знать, что... всегда-всегда!.. кто-то смотрит, видит... реагирует!.. пусть и не человек!..

Наконец, Демидову удалось закрыть дверь. Правда, со стороны коридора. Оккультист продолжал выставлять коленки и локотки, извергать тихие предостережения, гипотезы, восторги.

— Хватит, хватит служить человеку... пора служить правде...

С лестницы появился младший лейтенант Пугач, друг Демидова.

— Демид, что там у тебя? — крикнул он. — Помочь?

— Да! На воздух товарища надо! Совсем от музейной пыли очумел!

Но вместо того, чтобы подтолкнуть экскурсовода к Пугачу, Демидов деликатно встряхнул его за отвороты пальтишка, проникновенно заглянул в мутноватые глаза.

— Вот вы мне скажите, а как же ваш топор с мест преступления скрывался? Не ножик перочинный ведь, вещь заметная.

— Он так сделал... чтобы не видели... — до слёз удивлённый искренним интересом к его версии, пролепетал оккультист.

— Невидимость, значит, включать может? Как сказочный головной убор?

— Нет... не совсем... Топор может наводить массовый морок... это... представьте, что вас пытаются ударить топором, вот лезвие падает на вашу голову... Что вы сделаете?.. Закроете голову руками! Зажмуритесь! Вот что!.. Я думаю, именно такое состояние масакири при необходимости внушает окружающим... становится той вещью, которую люди захотят увидеть в последнюю очередь...

Слева возник Пугач, принял товарища под локоток.

— А ну-ка, кру-угом! Без песен, без лозунгов, без жалоб — к выходу, шаго-ом марш! Ать, два!

Пугач подмигнул другу.

— Там ещё подвезли.

— Кого?

— Подозреваемых. По топорным делам.

— Но ведь...

— От шести до пятнадцати лет никому не повредит. Даже невиновным, — усмехнулся Пугач. — Надо бы топор найти, а то так мы весь город пересажаем.

Демидов растерянно кивнул. В кабинет молодой опер вернулся взмокшим. Полковник тёр покрасневшее лицо.

— Топор, видите ли, убивает. А человек — орудие. Твою!..

— Кхм... — сказал растерянный Демидов.

— Миром правят вещи! Как тебе, а? Не хочешь отдать честь моему дыроколу?

Демидов покосился на стол начальника. Дырокол лежал на краю рядом с кобурой и, если начистоту, выглядел своевольно, даже нагло.

— Хрен с ним — с топором, — выкипал Журавлёв. — Хрен с ним... Ну, маньяк, ну, три маньяка с топорами. Флэшмоб, туда их в гланды. Мне, знаешь, что покоя не даёт... За что этих?.. Да — морды все, да, рыльца в пушку, а у кого не в пушку — при таких должностях?.. — Демидов осторожно покосился на Журавлёва, но тут же соскочил на дырокол. — Но конкретно — за что? Просто так, за то, что человек поганый, — всех не перебьёшь. Нужен мотив! А вселенская справедливость — моча собачья!

Демидов решил. У него было своё мнение.

— Согласно записям и показаниям, убитых и покалеченного объединяет ещё кое-что, кроме высоких постов...

— Как интересно. Давай, Эркюль, выкладывай. Уж не состояние ли смерти?

— Кхм... Нет. То есть не только. Они все разговаривали перед тем как... — Демидов усиленно думал, развивал туманную мысль, толкал её к выходу из лёгких, как недавно толкал в дверь оккультиста. — Не просто говорили... м-м... Что-то обещали, в чём-то клялись. С депутатами утверждать труднее, так как качество записи не ахти, звук шипит... Но директор и фармацевт — точно!

Журавлёв встал, пристально посмотрел, вздохнул, упал в кресло.

— Ну, обещали, ну, чесали языками... Так всё-таки — за что?!

— А может, они ответили за... — И тут к Демидову неожиданно пришла она самая: колючая, но правильная, мысль: — За базар!.. В смысле... виноват, Евгений Петрович, — за слова! **У**